



# ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ПРАВДА», МОСКВА № 34 АВГУСТ 1985

**СЭКОНОМИЛ... ЭЛЕКТРОСТАНЦИЮ**

**«Я СТАНОВЛЮСЬ СМЕРТЬЮ» —  
НАЧАЛО ПОВЕСТИ  
МИХАИЛА ГОРБУНОВА**

**КРАХ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК**

**«КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ...» (ПОСЛЕ СУДА)**





Завершается уборка.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



**ОГОНЁК**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан  
1 апреля  
1923 года

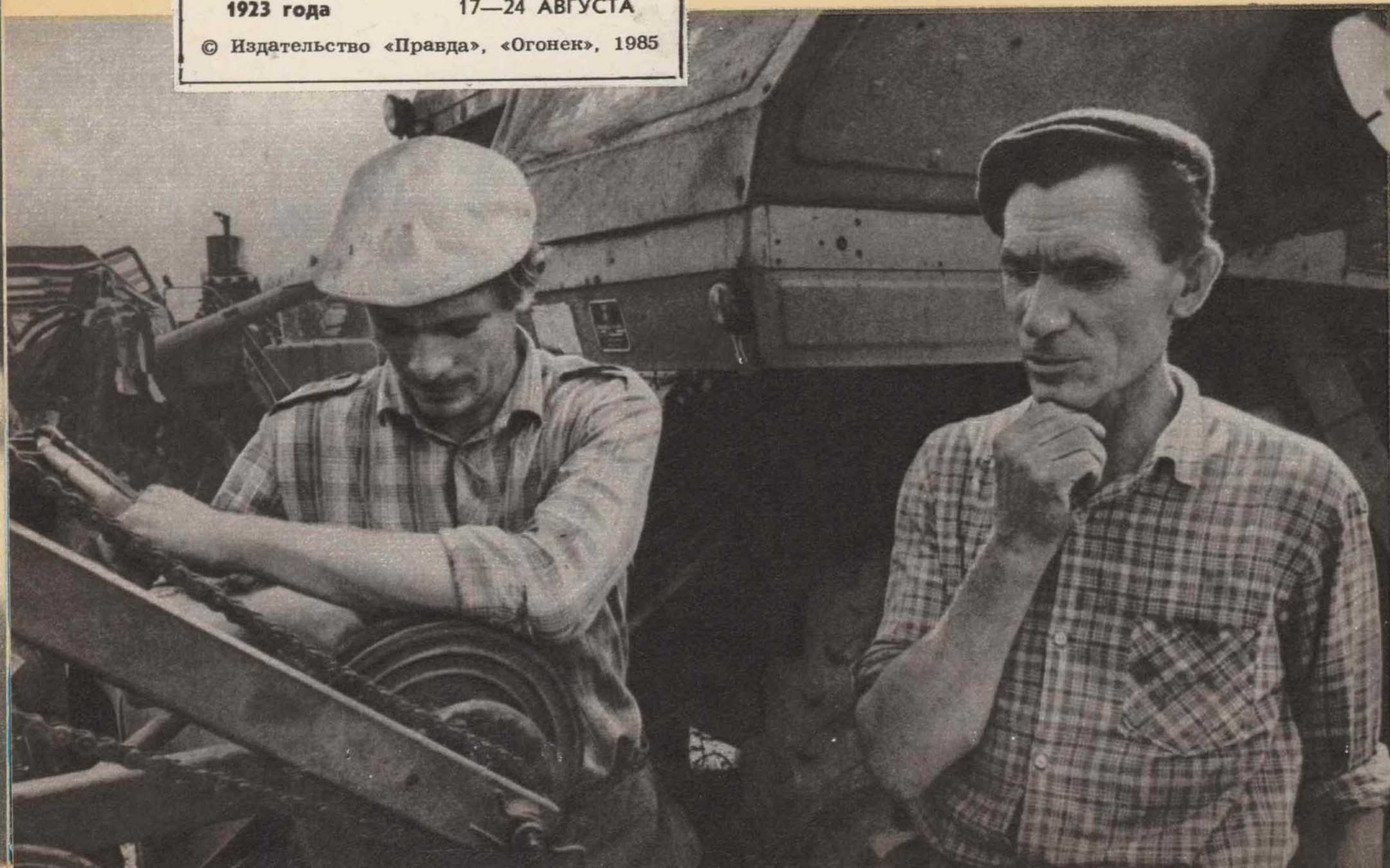
**№ 34 (3031)**

17—24 АВГУСТА

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

Фото  
И. ГАВРИЛОВА,  
специального  
корреспондента  
«Огонька»

# УДАР



Успешно завершилась жатва на полях Золочевского района Харьковской области. Несмотря на сложные метеорологические условия, земледельцы района с честью справились с заданием: при плане продажи государству 22 тысяч тонн ранних зерновых труженики колхозов и совхозов засыпали в закрома 24 тысячи тонн зерновых, причем 12,2 тысячи тонн — ценных сортов пшеницы.

Иван Фомич и Виктор Иванович Зирка — отец и сын — одни из лучших комбайнеров колхоза имени Г. С. Сковороды.





Степан Давыдович Нарижной — Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина — всю жизнь обрабатывает землю.



# ЫМ ТРУДОМ

страда-85

Хлеб идет.







Фото П. Носова (ТАСС).

## ПЕРЕГОВОРЫ В КРЕМЛЕ

9 августа в Кремле состоялись советско-болгарские переговоры, в которых с советской стороны участвовали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Полит-

бюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, первый замести-



Фото В. Соболева (ТАСС).

Перед началом беседы.  
Фото В. Мاستюкова (ТАСС).

## В ДУХЕ ПОЛНОГО ВЗАИМОПОНИМАНИЯ





# НЕТ ЗАДАЧИ ВАЖНЕЕ



Юрий КОРНИЛОВ

тель министра внешней торговли СССР Н. Д. Комаров.

С болгарской стороны в переговорах участвовали член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ Г. Филипов, член Политбюро ЦК БКП, секретарь ЦК БКП, министр машиностроения и электроники НРБ О. Дойнов, кандидат в члены Политбюро ЦК БКП, заместитель Председателя Совета Министров НРБ, председатель Государственного комитета планирования НРБ С. Бонев, секретарь ЦК БКП К. Зарев и министр внешней торговли НРБ Х. Христов.

В духе договоренностей, достигнутых во время встречи 7 июня с. г. Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и Генерального секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова, были рассмотрены вопросы дальнейшего расширения братских всесторонних связей между двумя странами.

Состоялся также обмен мнениями по актуальным международным проблемам.

Переговоры проходили в сердечной, товарищеской атмосфере и подтвердили единство взглядов сторон по всем обсуждавшимся вопросам.

В этот же день Г. Филипов, О. Дойнов, С. Бонев, К. Зарев и Х. Христов отбыли из Москвы на родину.

## БЕСЕДА

В

## КРЕМЛЕ

12 августа Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле Премьер-министра Алжирской Народной Демократической Республики А. Брахими, находившегося в СССР по приглашению Советского правительства.

Состоялся обмен мнениями по ряду актуальных международных проблем. Было особо подчеркнуто важное значение для предотвращения ядерной катастрофы решения Советского Союза прекратить в одностороннем порядке любые ядерные взрывы начиная с 6 августа 1985 года.

Беседа прошла в теплой, дружественной обстановке.

9 августа состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе с секретарем ЦК МПЛА — Партии труда, министром внешних сношений Народной Республики Ангола А. Ван-Дуненом, находившимся в Советском Союзе по приглашению Советского правительства с рабочим визитом.

А. Ван-Дунен передал Э. А. Шеварднадзе послание Председателя МПЛА — ПТ, президента НРА Ж. Э. душ Сантуша Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву.

В ходе состоявшейся беседы было выражено глубокое удовлетворение состоянием отношений дружбы и плодотворного сотрудничества между КПСС и МПЛА — ПТ, СССР и НРА, подтверждено взаимное стремление к их дальнейшему развитию на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве от 8 октября 1976 года.

Стороны отметили полезность состоявшихся в Москве советско-ангольских консультаций и высказались за продолжение такой практики в будущем.

Обмен мнениями проходил в теплой, дружественной обстановке, в духе полного взаимопонимания.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Советский Союз не начнет ядерную войну, он взял на себя обязательство не применять ядерное оружие первым. Если бы все ядерные державы пошли на такой же шаг, были бы созданы благоприятные условия для заключения международного договора о запрещении применения ядерного оружия». В этих строках из ответа М. С. Горбачева на обращение Японского совета организаций жертв атомных бомбардировок — суть, стержень советской внешней политики. В них четко сформулирована и главная цель последовательной внешнеполитической линии СССР: устранить угрозу ядерного самосожжения, сберечь и укрепить мир!

Ядерный век породил угрозу, не имеющую прецедента в истории. Если над Землей пронесется ядерный ураган, он не оставит на ней даже оазисов жизни. Вот почему нет ныне задачи важнее, чем остановить и повернуть вспять развязанную империализмом форсированную материальную подготовку к ядерной дуэли. Вот почему сегодня, как никогда ранее, от всех государств, и в первую очередь ядерных, требуется политика дальновидная, основанная на понимании реальностей, на высоком чувстве ответственности за будущее планеты.

С самого начала ядерной эры Советский Союз ведет целеустремленную, энергичную борьбу за прекращение наращивания ядерных арсеналов, за обуздание военного соперничества. Этому подчинена огромная по масштабам деятельность СССР в ООН, на многосторонних и двусторонних переговорах по вопросам ограничения гонки вооружений. К достижению той же цели — прекращению опасного состязания в накоплении орудий разрушения и смерти — направлена и новая крупная, смелая инициатива нашей страны, которая 6 августа, в день трагедии Хиросимы, ввела односторонний мораторий на любые ядерные взрывы, призвав правительство США последовать этому примеру.

Советский Союз, миролюбивая международная общественность вправе были рассчитывать, что в Вашингтоне, где в последнее время не скупятся на велеречивые заявления о «приверженности США миру», серьезно, ответственно подойдут к оценке советского предложения, со своей стороны проявят политическую волю к тому, чтобы если не остановить, то хотя бы замедлить смертоносный бег военных конвейеров. Но нет! Не успели телетайпы сообщить о советском предложении, а высокопоставленные вашингтонские деятели, демонстрируя полное пренебрежение интересами международной безопасности, поспешили объявить, что, дескать, советская инициатива для США «неприемлема». Почему, в силу каких причин? «Советский Союз намерен обогнать США», «Москва стремится заморозить свое военное превосходство» — возвещают на берегах Потомака. Знакомые, давно набившие оскомину пропагандистские штампы! И рассчитаны они на совсем уже наивных или сбивших с толку людей. Ибо о каком, в самом деле, «советском превосходстве» можно вести речь, коль известно, что на сегодняшний день США произвели примерно на одну треть ядерных взрывов больше, чем Советский Союз!

Попытки Вашингтона, пуская в ход заведомые выдумки и отвлекающие маневры во что бы то ни стало «отбиться» от напора требований поддержать идею моратория на ядерные взрывы, — не единственное свидетельство того, чего стоят на деле клятвы правящих кругов США в собственном миролюбии. Под нажимом Белого дома и могущественных «королей оружия» конгресс США утвердил на 1986 финансовый год военный бюджет, превышающий 302 миллиарда долларов, — рекордную сумму в истории страны. Хотя арсеналы США набиты до отказа, «золотые галуны» Пентагона, словно в каком-то иступлении, продолжают насыщать эти арсеналы все более мощными системами и видами оружия — ядерного и «космического», химического и так называемого «обычного». Президент США только что подписал закон «S-960», в соответствии с которым американская военно-экономическая «помощь» другим государствам в 1986 и в 1987 финансовых годах превысит 25 миллиардов долларов. На какие цели предназначены эти огромные средства? Крупные суммы будут и впредь предоставляться наемникам — «контрас», сеющим террор и смерть на земле Никарагуа. Пятнадцать миллионов долларов выделено на обучение и вооружение банд, бесчинствующих в Афганистане. Пять миллионов предоставлено кхмерским реакционерам, не прекращающим вооруженные провокации против суверенной Кампучии. Шесть миллиардов долларов получают правители Израиля, эти штурмовики от сионизма, с помощью которых власть имущие в США хотели бы превратить Ближний Восток в заповедное поле беззастенчивого империалистического грабежа...

Еще Гете говорил, что поведение — зеркало, в котором каждый показывает свой лик. Можно было бы, конечно, только приветствовать исходящие из США заявления о приверженности «команды Рейгана» делу мира и контроля над вооружениями, о ее стремлении к «конструктивному диалогу». Однако в наше время народы судят о политике государств и правительств не по словам — по делам. Дела же Вашингтона, его поведение на международной арене демонстрируют лик не миротворца, а милитариста. Анализируя гегемонистскую политическую линию Вашингтона, трудно избавиться от впечатления, что влиятельным кругам США все еще мерещится «социальный реванш», им все еще кажется, что вот еще одна ракета, еще одна платформа в космосе, еще одна заблокированная мирная инициатива, еще одна разбойничья акция — и они смогут повернуть вспять колесо истории...

Не смогут! Разум сильнее безумия, силы мира могущественнее сил войны. Наша страна, социалистическое содружество будут и впредь проводить целеустремленную, активную внешнюю политику во имя укрепления мира. «То, что мы предлагаем, — подчеркнул в своих ответах на вопросы корреспондента ТАСС М. С. Горбачев, — это реальная возможность остановить дальнейшее наращивание ядерных арсеналов, по-настоящему взяться за решение задачи их сокращения, а в конечном итоге и ликвидации».



Быть бережливым везде и во всем, всемерно сокращать потери, рачительно распоряжаться тем, что имеется, — вот требования наших дней. Экономия, умение хозяйствовать эффективно, с наименьшими затратами приобретают особое значение, становятся важнейшим источником обеспечения роста производства. Подсчитано, что только два дня, проработанных на сбереженных материалах, электроэнергии, топливе и сырье, дадут стране более 3,5 миллиарда рублей.

# Сэкономил... электростанцию



**В. Ф. СОКОЛОВ,**  
машинист  
электровоза  
локомотивного  
депо  
Москва-  
Сортировочная,  
дважды  
Герой  
Социалистического  
Труда

**481 железнодорожнику страны вручались звезды Героев Социалистического Труда. Виктор Фадеевич — первый из рабочих Москвы, удостоенный этого звания дважды.**

Мне было семь лет, когда ставили свои рекорды Стаханов и Кривonos. Петр Кривonos открыл большой клапан, и впервые стрелка показала не 23,5 километра в час, а 31. Потом у него было на шкале «50». Николай Лунин из Новосибирска в два раза удлинил межремонтный пробег паровоза. Иван Блинов из Кургана провел тяжеловес в 10 400 тонн — был такой рекорд!

Иван Панин героически, под обстрелом врага, доставлял на фронт поезда. Виктор Блаженков — инициатор движения пятисотников; смысл его в том, что каждый паровоз должен делать в сутки не менее пятисот километров. Панин и Блаженков — из родного мне депо Москва-Сортировочная, того самого депо «Великого почина» и первой бригады коммунистического труда. Я счастлив, что мне довелось работать тут и какое-то время еще при них. В памятный для меня день, 5 марта 1980 года, я вел от станции Рыбное до станции Перово свой первый «десятитысячник» — поезд весом более 10 000 тонн с углем и мазутом. В том рейсе была применена новая технология вождения: один электровоз ВЛ-10 поставили в голову состава, другой — в хвосте. Хвостовым электровозом управлял машинист нашего же депо Д. В. Богданов. Связь между нами поддерживалась по радио. Немало мы поволновались, но экзамен выдержали. Следующий состав повели с машинистом Ю. Н. Чумаченко, теперь Героем Социалистического

Труда. Вскоре началось регулярное курсирование поездов-десятитысячников.

То, что удалось сделать нам и работникам Целинной дороги, а потом и другим, стало достоянием всей сети. Ведь вождение тяжеловесов дает большой экономический эффект. Появилась возможность перевозить значительно больше грузов при том же количестве локомотивов. Выгода налицо. И в том, что мне удалось досрочно выполнить пять пятилеток подряд, решающую роль сыграло именно вождение тяжеловесных составов.

Все мои данные о поездках в течение многих лет я записываю в книжку. И сколько перевезено груза, и число вагонов, и количество остановок, и величину сэкономленной электроэнергии по показаниям приборов и другие особенности поездки. Для экономии электроэнергии надо очень хорошо знать профиль пути, в зависимости от этого управлять тормозами. Немаловажное значение имеет вид груза, самого состава и даже погода — снег или дождь... Все это фиксирую в своей записной книжке. Рекомендую такой «дневник», в котором видны «плюсы» и «минусы» нашей работы, вести каждому машинисту, особенно своим ученикам, а их у меня много — подготовил сорок машинистов и более двухсот помощников машинистов.

Что же показали наблюдения? С ростом тоннажа стали расти и «пережоги», перерасходы электроэнергии, вызванные ограничениями скорости на участках с плохим состоянием пути. Их сняли после того, как привели в порядок путь. Далее. На промежуточных станциях, на которых нам и останавливаться незначительно, вдруг горит красный свет: на главном пути маневры. Стоим, а на это уходит 200—300 киловатт-часов. Или другое: греются буксы, значит, снова остановка, надо осмотреть вагоны. Через 30—40 минут разгоняем на «больших токах», и снова перерасход. В результате получается 600—700 киловатт-часов потерь. Как тут быть? Обратился к инженеру-теплотехнику отделения М. Б. Вигдорчику, пригласил с собой в поездку. Все заинтересовались — руководство отделения, ученые. И выход был найден: надо избежать остановок, открыть тяжеловесам сквозной «зеленый», снять ограничения скорости. За это и за экономию энергии диспетчерам стали платить премию. А если «пережог», то каждый такой случай становился предметом строгого разбора и виновные оставались без премии, разумеется. С диспетчерами других отделений связь была и раньше. В результате машинисты нашего Московско-Рязанского отделения за два с половиной года сэкономили 54 миллиона киловатт-часов электроэнергии.

А вот мой личный итог: за четыре года этой пятилетки я перевез тяжеловесами 445 тысяч

тонн груза сверх нормы, сэкономив при этом 246 тысяч киловатт-часов. Ну, а общая моя экономия за 26 лет работы на электровозе (раньше у меня был паровоз) — более миллиона киловатт-часов, что соответствует отдаче иной электростанции.

Но вот на что хотелось бы обратить внимание конструкторов наших электровозов. Будем откровенными: вождение составов в 6—10 и более тысяч тонн требует повышенного напряжения и сосредоточенности машиниста, как говорят медики, высокой нервной нагрузки. В таких условиях очень важно все, что при обычной работе может показаться мелочью: неудобны, например, сиденья, нет откидного столика. Особенно утомляют шумы — звукоизоляция кабины оставляет желать лучшего. Об этом много раз говорилось, но пока безрезультатно. Кстати, комфортность кабин можно было бы повысить даже и на локомотиворемонтных заводах.

Еще об одной разновидности экономии. Я имею в виду продление жизни техники и оборудования, доверенных нам государством. Сколько теряется средств из-за небрежности, допущенной при ремонте локомотивов или неумелой их эксплуатации! Ведь, случается, сгорает электровоз, стоящий сотни тысяч рублей! Да и сам ремонт происходит часто потому, что вовремя не проверили или не смазали какой-то узел. А с какими увечьями, да, да, именно увечьями — не могу про это говорить спокойно — приходят на сортировку вагоны! То без дверей, то с погнутой обвязкой — результат варварского обращения при погрузке и выгрузке да и работы некоторых, к сожалению, составителей поездов... Сколько мы должны затрачивать потом материалов, рабочей силы на их восстановление! Сколько государство средств теряет ежегодно на этом!

Вот я и решил, что надо брать тяговый и подвижной состав на социалистическую сохранность. Меня поддержали и работники депо, и Перовский райком партии столицы. Эту инициативу одобрили коллегия МПС и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта и транспортного строительства, а Московский городской комитет партии принял постановление, которое касается автомобилистов и вообще транспортников всех родов столицы. У нас, на остальных магистралях, к машинистам присоединились путейцы-механизаторы, вагонники, энергетики, движенцы. И что особенно радует, — молодежь. Она приняла эстафету героев первых пятилеток.

Вот уже девять лет московские и ленинградские машинисты шести депо оспаривают кубок с выгравированными на нем автографами Стаханова и Кривonos.

Соревнование продолжается!





Мастер-выдувальщик Вальтер Вундер.



Банки-склянки и кувшин...



Ассортимент выпускаемой продукции довольно широк.

Ю. ЛУШИН,  
собкор «Огонька»,  
фото автора

## БАНКИ-СКЛЯНКИ И ИНИЦИАТИВА

Изящные вазы, оригинальной формы кувшины... Все это еще вчера было тем, что в быту называется «стеклобой». Но здесь проявили инициативу, смекалку, хозяйский подход люди бережливые, знающие цену народному добру.

Сначала меня подвели к большой куче битого стекла. Зрелище было печальным: не банки, не бутылки — мусор. Во всяком случае, так я думал, глядя на осколки. Но понимал, что есть в нашей экскурсии какой-то скрытый смысл. Так и оказалось.

— Привлекательного тут мало, верно? — спросил меня Кабир Кусайнов, директор Карагандинского комбината товаров народного потребления облпотребсоюза. — А между тем есть фокусники, которые из этого мусора умеют делать «конфетки»...

Мы вошли в цех, в котором дышала всеми своими 1200 градусами, гудела от напряжения стекловаренная печь. Сквозь отверстия в ее стенке вырывались багровые отсветы, сообщая всему происходящему какую-то таинственность. Еще больше ее подчеркивала фигура человека, ловко вращавшего тросточкой с раскаленным стеклянным шариком на конце. Шарик описывал огненные круги и, казалось, вот-вот сорвется со своей орбиты. Но, видно, человек дело знал. И я понял, что вижу как раз одного из здешних «фокусников», о которых говорил Кусайнов. «Фокусник» подошел к огнедышащему окну и сунул трость с шариком прямо в печь, в кипящее стекло. Через некоторое время он вытащил трость, и я увидел, что шарик явно увеличился в размере. Тогда он стал дуть в тросточку, оказавшуюся металлической трубкой, и шарик послушно надулся, будто был из резины. И когда мне

показалось, что он вот-вот лопнет, мастер-выдувальщик Вальтер Вундер вновь начал фокус с вращением. При этом шар стал вытягиваться, стремясь принять форму груши, что, кажется, не вполне совпадало со стремлением мастера. Поэтому он взял да и ткнул раскаленную стеклянную грушу в железную крестовину-форму. И тут действительно произошел фокус: бывший шар, а затем бывшая груша превратилась в почти готовую изящную вазу...

— Видите, чем становятся битые банки-склянки? — прокомментировал директор.

Мастер между тем отнес вазу в так называемую остывательную печь. Я заглянул в нее и увидел на длинном конвейере другие вазы, пепельницы, кувшины, кружки, конфетницы... Их было много. Конвейер понемногу двигал все это куда-то в темную пасть печи. Так он будет их двигать к выходу целые сутки, и по мере продвижения температура плавно понизится от шестисот градусов до комнатной, откуда стекло совершенно не остынет. Быстрее охлаждать нельзя — появятся трещины. Такова природа стекла...

Я долго еще стоял у печи, смотрел на работу Вундера. Поражало, что всякий раз из совершенно одинаковых раскаленных шариков стекла получались различные, в зависимости от фантазии мастера, вещи.

— Этим как раз и интересна работа стеклодува, — объяснил Вундер, — у нас невозмож-

но, например, сделать два одинаковых кувшина. Хотя в какой-то малости, но они будут отличаться...

— А если вещь не получится?

— Ничего страшного, снова отправим ее в печь, на переплавку. Отходов практически нет.

— Стеклобой хорош тем, — добавил директор комбината, — что не ставит в технологии больших проблем. При варке остается только добавить определенное количество соды да нужную температуру держать. В стране подобным делом до нас никто не занимался. Обратились к ученым Государственного НИИ стекла, они и помогли... Кстати, сейчас мы налаживаем производство бытовой керамики из местных дешевых глин. Тоже с помощью ученых. На этот раз нам помогает Украинский институт фарфоро-фаянсовой промышленности. На нашем комбинате есть и полиэтиленовый цех — сами производим полиэтилен, сами делаем из него различные упаковочные пакеты.

— И никаких проблем?

— Если бы так! Не буду говорить о мелочах, скажу о главном. План мы перевыполнили, отправили в торговлю на семьсот тысяч рублей товаров народного потребления. Хорошо. И товары наши спросом пользуются, вот заявки из разных областей республики!.. Но мы сами чувствуем, что начинаем топтаться на месте. Пора менять ассортимент, надо придавать изделиям новый облик, освежить форму. Проблемы качества и обновления не дают нам спать спокойно...

Я слушал директора комбината и думал о том, что коллектив в общем-то на верном пути. От качества работы, от гибкости производства, от бережливости и экономности зависят спрос, прибыли...



# МИНСТАНКОПРОМ: ПЕРВЫЕ ШАГИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

В парткоме министерства мне показали знакомый каждому медицинский шприц. Выпускает его Клинский стекольный завод медицинской промышленности. В том, что он оказался здесь, нет ничего особенного. Да, шприц весь стеклянный, но есть в нем одна металлическая деталька — наконечник с конусом. Небольшая эта, всего полтора сантиметра в диаметре, деталька очень трудоемкая, вытачивается из круглой заготовки, и много металла идет в стружку. Но иначе никак нельзя. Никто и нигде еще не додумался, как экономно и быстро делать этот наконечник с полым острием для полой иглы. Беда сейчас в другом: не успевают токари его вытачивать. Мелитопольский завод Минстанкопрома сделал специальный станок. На нем обрабатывают в Клине 70 тысяч наконечников. А их надо миллионы! Проблема? Проблема! Выручит медиков — а значит, и нас с вами, когда понадобится шприц для обезболивания или введения исцеляющего лекарства, — Житомирский завод. Он налаживает производство автомата, который в отличие от мелитопольского будет шестипиндельным.

В других объединениях и на заводах отрасли делаются «детали» весом по 50—60 тонн. По ним можно себе представить, как выглядят станки и машины, поставляемые Уралмашу, Краматорскому и другим предприятиям тяжелой индустрии.

Только два эти примера дают наглядное представление о диапазоне станкостроения и о требованиях, предъявляемых к продукции его заводов и объединений. От того, какая она, эта продукция, в нашей повседневной жизни зависит немало: качество и стоимость, например, швейной машины и автомобиля; домашнего холодильника и самолета; обыкновенных ножей и мотора, корабля и косилки... Нужно ли говорить, как ужесточаются требования к станкам и инструменту, выпускаемым этой отраслью народного хозяйства в свете нынешних велений времени? Как же готовятся станкостроители к выполнению кардинальных задач, поставленных партией?

Об этом шел разговор на расширенном заседании коллегии Минстанкопрома и на партийном собрании работников его штаба, посвященном мерам по ускорению научно-технического прогресса.

Площадка для старта в двенадцатую пятилетку в отрасли готовится основательно. В десятой пятилетке Минстанкопром надрывно отставал. Положение изменилось с приходом нового минист-

ра Б. В. Бальмонта, наметились положительные перемены. По основным показателям выполнен план четырех лет одиннадцатой пятилетки. Обнадеживают итоги первого полугодия, приведенные в недавно опубликованном сообщении ЦСУ СССР. План реализации продукции станкоинструментальной промышленности, участвующая в крупномасштабном экономическом эксперименте, выполнила на 102 процента, а по объему производства и производительности труда по отношению к тому же периоду 1984 года — на 106 процентов. Парк оборудования пополнился станками и кузнечно-прессовыми машинами с ЧПУ — числовым программным управлением, обрабатывающими центрами, роботизированными комплексами, гибкими автоматизированными системами.

Тем не менее министр в своем докладе, сконцентрировав внимание собравшихся на задачах второго полугодия, еще более сложных по сравнению с теми, которые были уже решены, на выполнении повышенных обязательств в честь XXVII съезда партии, подчеркнул недостатки и допущенные недоработки.

— Мы не добились снижения количества отстающих предприятий, — признал докладчик. — Среди них имеются и так называемые «хроники»: Новочеркасский и Мелитопольский станкозаводы, Ставропольское станкостроительное производственное объединение — СПО, Азовские и Пинские заводы. Мы не справились с выполнением плана по ряду важных позиций основной номенклатуры, в том числе — кузнечно-прессовым машинам, специальным станкам, литейному и деревообрабатывающему оборудованию. Неудовлетворительно работал в первом полугодии «Союзкузмаш», он не выполнил план по всем объемным и экономическим показателям и по основной номенклатуре.

Следовало ожидать, что после такой откровенно нелестной характеристики возьмут слово «хроники» и расскажут, наконец, о родившейся у них инициативе, о том, как они собираются преодолеть отставание. Благо есть с кого брать пример — завод «Красный пролетарий», Ивановский станкостроительный... Но, видимо, в отрасли их опыт распространяется слабо, об этом говорилось позже. К сожалению, «хроники» молчали, не выступали. А ведь времени на раскачку нет! Отмалчивался сначала и ВПО «Союзкузмаш». Может быть, оттого, что не далее как неделю назад партком министерства, обеспокоенный положением дел в этом объединении, рассматривал вопрос о работе партбюро ВПО по повышению ответственности коммунистов за вы-

полнение служебных обязанностей. А в объединении, по существу, только начинается перестройка... На отстающие заводы для оказания им практической помощи выехали бригады институтских и министерских специалистов. Для оперативного принятия конкретных мер начальнику ВПО предложено еженедельно вместе с директорами заводов и руководителями отделов подробно анализировать работу каждого предприятия. Об этом, в частности, и рассказывал уже на партийном собрании министерства, двумя неделями позже, секретарь парторганизации ВПО «Союзкузмаш» С. Павлятич. Перечислив направления технического перевооружения предприятий, выпускающих очень нужное промышленности кузнечно-прессовое оборудование, указав на пути ускоренного освоения новых типов машин, он сказал о причинах, тормозящих процесс перестройки:

— Поставляемые Минприбором, Минэлектротехпромом, Минэлектронпромом, ВПО «Союзгидравлика» и другими смежниками комплектующие изделия по своему техническому уровню, качеству и надежности оставляют желать, мягко говоря, лучшего. Не выполнен приказ министра по освоению производства и поставки ВПО «Союзгидравлика» гидроприводов, распределительной и регулирующей аппаратуры и других комплектующих изделий. Приходится делать их самим, на своих заводах, причем получаются они не того качества, какое требуется.

О бракоделах-поставщиках и смежниках, в том числе и тех, о которых уже шла речь (совпадение отнюдь не случайное), говорил в своем выступлении на коллегии бригадир передового Московского станкостроительного объединения имени Серго Орджоникидзе В. Комаров, Герой Социалистического Труда:

— Мы, сборщики, все делаем для увеличения выпуска продукции и сокращения цикла сборки. Буквально месяц-два — и линия вроде бы готова. Но тут начинаются потери времени, которые трудно предвидеть. То отказывает гидроаппаратура, то электроника, то электротехника, то обнаруживаются ошибки в чертежах и схемах. Несколько лет назад, когда мы собирали линии для КамАЗа и использовали импортную аппаратуру, таких отказов было намного меньше. Становится обидно: изготавливаем сложнейшие линии, а гидронасос, клапан, гидрораспределитель на уровне зарубежных фирм не делаем. Именно не делаем! А сделать это мы можем, если с полной ответственностью отнесемся к порученной работе.

Адрес все один и тот же: ВПО «Союзгидравлика». И не какого-либо «внешнего» ведомства, а своего же министерства: это межотраслевая организация, она должна снабжать своей аппаратурой

другие машиностроительные отрасли, подобно тому как Минавтопром поставляет всем свои подшипники. Не пора ли Минстанкопрому навести порядок в своей «Союзгидравлике»?

Бригадир сборщиков поставил еще один важный вопрос:

— Когда мы собирали автоматические линии для автомобильного завода в Тольятти, в цехах появилось много итальянского и иного механизированного инструмента. Мы сразу оценили его преимущества: легкий, удобный, дает большие скорости. Прошли годы. Механизированный инструмент, как известно, не вечен. Сколько могли — ремонтировали. Подошел срок заменить его на свой, отечественный. А у нас нет таких же удобных, таких же легких и скоростных, на 36 вольт. Работая с нашими, устаешь быстрее. Знаю, что в стране есть целая подотрасль, которой поручен выпуск столь важного средства малой механизации, — «Стройдормаш». Мы ждем от нее не слов, а дела!

Об острых проблемах говорил бригадир Комаров. Надо полагать, что работники штаба отрасли взяли их на карандаш и не только для памяти — для исполнения.

Коль речь зашла об инструменте, то в пору тут задержаться. Ведь министерство так и называется: не только станкостроительной, но и инструментальной промышленности. И полностью несет ответственность за создание и обеспечение тысяч заводов страны инструментом и оснасткой для обработки металла. Какая тут картина?

Присутствующий на заседании коллегии заместитель председателя Совета Министров СССР А. К. Антонов подчеркнул, что инструментальная промышленность — чрезвычайно важное звено в машиностроении. Еще в первые годы Советской власти, когда люди ходили в лаптях, были построены такие заводы, как «Калибр» и «Фрезер», и до сих пор они ведущие в стране. Достаточно ли министерство предоставляет средств для этой отрасли?

Министр Б. Бальмонт сообщил, что выпуск инструмента в двенадцатой пятилетке значительно увеличится. Средства и возможности для такого крутого взлета есть. Тут и совершенствование структуры инструмента, и освоение его более квалифицированными и точных видов, и увеличение выпуска в несколько раз. Будет производиться инструмент с механическим креплением многогранных пластин и из быстрорежущей стали, с износостойкими покрытиями, что позволит увеличить его долговечность. Предстоит создать и освоить широкомащтабное производство инструментов новых конструкций, вместе с Минцветметом создать новые марки безвольфра-



моновых твердых сплавов и режущей керамики. Значительно возрастет роль абразивного инструмента, особенно тех его видов, которые обладают повышенной режущей способностью.

О том, каким станет первенец инструментальной промышленности, московский завод имени М. И. Калинина «Фрезер», подробно рассказывал его директор В. Пашенко. Здесь начнется коренное расширение и перевооружение. Будет построен новый корпус для производства остродефицитного инструмента, особенно нужного нефтяникам.

Многие выступления, и прежде всего доклад министра, были проникнуты заботой о качестве машин, оборудования.

— К сожалению, в нашей отрасли прогресс здесь весьма незначителен, — вынужден был констатировать министр. — Мне, пришлось выслушать на апрельском Пленуме ЦК КПСС справедливую критику качества станков и машин наших нескольких предприятий. По данным Госстандарта, в прошлом году 112 предприятиям было запрещено поставлять свою продукцию из-за ее несоответствия техническим условиям.

112 заводам! Эта цифра говорит сама за себя. И прежде всего свидетельствует о том, что руководители предприятий не перестроились, работают по-старому, «выжимают» прежде всего план, не навели на производстве порядка, не спрашивают строго с конструкторов, технологов, контролеров, мастеров и рабочих за нарушение технологической дисциплины и невыполнение технических требований. Начальник ВПО «Союзлитмаш» М. Чебураков привел на основе изучения причин, порождающих низкое качество продукции, такие данные: только за шесть последних месяцев на четырех заводах подотрасли — Тамбовском, Павлоградском, Ивано-Франковском и Пинском 1445 раз директора и главные инженеры давали разрешения на отступление от чертежей. А на Пинском заводе из 188 таких разрешений 111 — на исправление брака, допущенного рабочими!

К каким это привело последствиям, весьма колоритно рассказал секретарь парткома завода «Станколит» В. Климов.

— Коммунисты завода крайне обеспокоены неудовлетворительно идущими работами по модернизации линии 22821. Формовочные автоматы этой линии, изготовленные десять лет назад заводом «Красная Пресня», предельно физически изношены. Мы настаивали на изготовлении новых на этом же заводе. Но наше предложение министерство отклонило. Проектирование и изготовление новых автоматов поручили Пинскому объединению литейного оборудования. В сжатые сроки был демонтирован старый автомат и на его место в марте установили новый. Однако из-за конструктивных просчетов и дефектов он не отлажен до сих пор, за три месяца не получено ни одной формы. Второй такой же автомат возвращен на исправление. Мы просим руководство министерства безотлагательно решить вопрос изготовления автоматов на «Красной Пресне».

Как же отреагировало министерство на «глас вопиющего»? На партсобрании об этом и речи не было. Но в парткоме министерства мне сообщили, что Пинский завод будет переориентирован на производство кузнечного оборудования и переходит в подчинение ВПО «Союзкузмаш». «Передислокация сил тоже элемент перестройки», — пояснили мне. — Тем более, что в Пинске есть еще один завод кузнечного оборудования, они соседи. Подобным образом

объединяются заводы в Ивано-Франковске и на Дальнем Востоке. Их укрепят кадрами...

В своем докладе министр много времени уделил вопросам реконструкции и технического перевооружения, необходимых отраслей как воздух. Нельзя на старой тележке въезжать в новую пятилетку, пятилетку создания оборудования принципиально новых поколений.

— На заводах нашего министерства треть станков, имеющихся в стране. И хотя коэффициент их работы несколько выше, чем на предприятиях других министерств, этот уровень не может нас удовлетворить, — сказал министр. — Следует предусмотреть и обеспечить в двенадцатой пятилетке ежегодный демонтаж станкового парка, а за десять лет полностью обновить его.

На это ассигнуются немалые средства. К сожалению, они не всегда эффективно используются. Многие планы технического перевооружения не ориентированы на повышение уровня производственного потенциала, его пропорционального развития. На Новосибирском «Тяжстанкогидропрессе» прирост мощности составил 20 копеек товарной продукции на рубль капиталовложений; на Клинском станкозаводе — 18 копеек. Отраслевой же норматив — 1,1 рубля. В то же время на складах предприятий и новостроек скопилось немало неустановленного оборудования, плохо выполняется план его монтажа. Порой это зависит и от качества проектов технического перевооружения. И там, где они носят комплексный характер, успех обеспечен. Это доказали МСПО «Красный пролетарий», Ивановское, Рязанское СПО.

Какой же будет та новая техника, которую должен поставлять Минстанкопром?

Об этом интересно рассказывал на коллегии участник Совещания в ЦК КПСС по ускорению научно-технического прогресса доктор технических наук В. Белов, директор НПО «ЭНИМС»:

— Стратегическая линия работы нашего института — создание гибких производственных модулей — ГПМ, автоматических станков с роботами, работающими по заданной программе; из них будут создаваться гибкие, то есть способные быстро перенастраиваться, производственные системы — ГПС. Они должны обладать высокой надежностью, работать в три смены при минимальном участии человека,

их технический уровень надо поднимать до уровня современного, мирового. Эта работа уже ведется. Таким образом, в стране начнут осуществляться единая техническая политика по созданию высокопроизводительного технологического оборудования, — основы комплектации гибких производственных систем. Как головная организация, институт уже оказал методическую помощь и передал десятистам КБ различных министерств техническую документацию, они будут создавать системы своими силами. Еще в этом году начнут действовать две гибкие системы на заводе «Станкоконструкция» в Москве и на Вильнюсском заводе «Жальгирис». Продолжится работа и по созданию робототехнических комплексов.

Успех выполнения всей этой огромной программы целиком зависит от качества, надежности и наличия комплектующих изделий, выпускаемых Минстанкопромом. К ЧПУ и приводам, которые уже сейчас сдерживают производство новых станков и обрабатывающих центров, прибавятся новые виды комплектующих изделий — электророботы, транспортно-складские системы и системы управления комплексами. Нет в стране многокоординатных систем для тяжелого и уникального станкостроения, крайне необходимого народному хозяйству. А ведь их производство нужно вести опережающими темпами. Ситуация крайне серьезная. Институту приходится собственными силами на существующих площадях изготавливать с помощью Минэлектронпрома небольшие партии одной из систем числового программного управления.

Итак, снова (в который раз!) шел на коллегии острейший разговор о комплектующих изделиях. К сожалению, его не слышали представители штабов других министерств, имеющих к ним прямое отношение. А их пригласить не мешало бы!

Не отвечают современным требованиям и сроки создания новой техники, составляющие в среднем по отрасли около трех лет.

Каков же выход?

— Отменить, — считает директор ЭНИМСА, — ненужные согласования и бесконечное бумаготворчество! Своевременно обеспечить конструкторов и создателей опытных образцов необходимыми комплектующими изделиями, и не так, как сейчас, а заблаговременно, за год-полтора. Тогда сроки рождения новой техники сократятся в три-

четыре раза. Ведь удельный вес продукции, выпускаемой за короткий срок до трех лет, в общем объеме производства составит в 1990 году почти половину, а осваиваемой впервые — 15 процентов. Надо более энергично укреплять институты и крупные КБ специалистами в области электронной и вычислительной техники.

Да, сегодня очень многое зависит от правильной расстановки кадров. Еще лет пять назад в Министерстве ими не занимались, и Б. В. Бальмонт, пришедшему сюда, пришлось пожирать горькие плоды допущенных упущений. За годы одиннадцатой пятилетки было назначено 75 новых начальников и заместителей Всесоюзных промышленных объединений, управлений и отделов. Обновлен руководящий состав многих заводов, институтов и конструкторских бюро, — всего свыше полутысячи человек. Отстранены от занимаемых должностей и понесли заслуженное наказание лица, злоупотреблявшие своим служебным положением. Эта линия благотворно сказалась на общих итогах, к которым пришла сейчас отрасль.

Однако чем иным, как не ослаблением работы с кадрами и их воспитанием в недрах самих ВПО, можно объяснить такой факт: не единицы, а десятки заводов «штампуют» продукцию, не отвечающую ГОСТам, или из года в год не выполняют государственные задания? Может быть, кое-где к бракоделам, нерадивым и не обеспечивающим руководство поря и власть употребить? Немало примеров, говорящих и о недостаточной исполнительской дисциплине, — работники аппарата ослабили контроль за выполнением приказов.

Не случайно, что проблемы, подвигавшиеся обсуждению на коллегии и партийном собрании, не раз и не два сводились к активизации усилий коллективов. Сейчас, как никогда, возрастает значение таких качеств работников, особенно руководителей, как деловитость, компетентность, чувство нового, инициатива, смелость и готовность брать ответственность на себя. Приобретаются такие качества только при желании учиться работать, при правильном понимании своего партийного долга. Самая главная перестройка ведь та, которая должна произойти в умах, в психологии человека.

## Высота 2.40 покорена!

2 метра 40 сантиметров — новый мировой рекорд по прыжкам в высоту, о котором мечтало не одно поколение высотников. И вот новое имя — советский легкоатлет Рудольф Поварницын.

В июне ему исполнилось 23 года. Родом он из Воткинска. Сейчас живет в Киеве. Его рост 2 метра 1 сантиметр. Вес всего 75 килограммов. Тренируется в центре олимпийской подготовки «Трудовые резервы» у Владимира Николаевича Кобы, совсем еще молодого тренера, в недалеком прошлом известного высотника, мастера спорта международного класса.

Несколько лет назад, закончив свои выступления, Коба набрал большую группу прыгунов и стал с ней работать. Интересно, что его группа не уменьшилась: Коба правильно решил не отсеивать перспективных и не прогадал, ведь кое-кто и Поварницын в свое время считал таковым.

Проследим рост результатов нового рекордсмена по годам.

В 1980 году он прыгнул на 2 метра 5 сантиметров, в 1981-м — на 2,15, а в 1982-м — 2,20, в 1983-м — 2,22, в 1984-м — 2,24. В нынешнем году на соревнованиях памяти братьев Знаменских Поварницын совершил прыжок на 2,26.

Рекордный результат, на один сантиметр превышающий достижение китайского прыгуна Чжу Цзяньхуа, Рудольф показал на полуфинальных соревнованиях Куб-

ка СССР в Донецке. Даже для специалистов этот прыжок оказался совершенно неожиданным... но только не для самого Поварницына и его наставника. В Донецке все высоты он взял с первой попытки, а затем с третьей попытки совершил сперва прыжок на 2,35, а затем и свой рекордный прыжок — 2 метра 40 сантиметров.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

Фото ТАСС

Есть 2.40!





# ЗЕЛЕННЫЕ СОСНЫ

Йордан МИЛЕВ



## АЭРОПОРТ

Иному снится Пикадилли,  
другому грезится Париж...  
Ты ж, сердце, властью неги милой  
опять туда — в Баку летишь.

Белеет в поднебесном зное  
Эльбрус, а дальше — Мардакян,  
где мне десяток дней покоя  
подаришь ты, Азербайджан.

Пусть едет кто куда желает.  
Ни капли зависти! О нет!  
А мне туда лишь, где сияет  
Кавказа гордого хребет!

Вдыхайте сами там, смакуя  
дворцы и бронзовых коней;  
с меня довольно, что смогу я  
вести беседы с Шаганэ,

с Атифом погулять у моря,  
услышать Сиявуша стих  
об этом солнечном просторе,  
где я всегда среди своих.

## ДВОЕ

Пошел снег...  
Словно общипали стаю  
лебедей перелетных  
и разбрасывают теперь бездумно  
пушистые их перья.

Была ли весна когда-то?  
Что с летом приключилось?  
И где они, осенние хризантемы?  
Может, это только сон,  
который ты мне разгадывала  
на берегах реки Искар?  
Что там дальше случилось?  
Разбудил я тебя вроде?  
Это что за окошко  
с морозным узором цветов?  
Откуда эта белизна,  
покрывающая бесшумно  
весь мир?  
Белое! Белое! Белое!  
Не по душе мне этот цвет.

Не бойся...  
Ничего страшного, поверь,  
увидеть на миг,  
как краска меняет саму себя.

Это же иллюзия,  
это просто материя  
меняет наряды.  
Мы еще посидим  
на берегах реки Искар.  
И снова тебе доверю  
свои сны,  
именуемые  
лето, весна, осень...  
И вновь повторится прошлое!

Только лишь мы с тобой постареем  
на целый сезон,  
на целый век,  
на целую вечность!

## БАЛЛАДА О ЗВЕЗДАХ

Над Фракией  
уж звездный сполох.  
Дела дневные улеглись,  
упрятав на губах веселых

улыбку молодой  
Земли.  
И небо стало сине-темным,  
а черной — пашня в бсрозде...  
И южный ветер песней томной  
ответил золотой звезде.  
Ах, звезды!

Вечности наперсники!  
Прохладно-ласковый ваш блеск  
зовет и манит, словно персики  
на древнем дереве небес.

Не знаю я,  
привстану ль в стремени,  
чтобы сорвать судьбы плоды!  
Но знаю,  
что живу я временем  
великолепнейшей звезды!

## ЗЕЛЕННЫЕ СОСНЫ

Данче

Понял я —  
мне надо найти самого себя  
перед встречей с тобой!  
Рассвет моего сердца —  
это струящийся свет  
твоих очей.  
Но я невидим тобой,  
как и ты — мной...  
Между нами  
пролегли километры,  
которые надо пройти,  
чтобы сплести наши руки.  
Ждешь ли этого мига?  
Я его жду!  
Это будет, когда спозаранку  
зеленые сосны Белмекена  
прокалывают своей хвоей  
росяные капельки.  
Мое далекое утро!  
Сколько раз я ждал ту девушку,  
у которой твои взоры...  
Но всегда приходила иная!  
Сколько раз повторял до хрипа,  
что люблю я.  
Но любовью мне не отвечали!  
Который раз я  
напрасно клялся!  
Был бы художником,  
взял бы палитру,  
чтобы нарисовать картину  
нашей с тобой встречи:  
Белмекен. Зеленые сосны.  
Капельки росы на макушках.  
И двое влюбленных,  
беседующих взаимно,  
со сплетенными руками!

## БИОГРАФИЯ

Меня  
не мерьте вашей меркой.  
Родился я без акушерки.  
Без покровителей...  
И трудно  
писалась повесть жизни скудной.  
Меня встречали недоимки  
в кругу отцовского огня,  
но на подмогу мое имя  
не звало ваши имена.

И если я остался верным  
себе  
и чтим теперь кругом —  
я все постиг неимоверным,  
тяжелым до смерти трудом!

Перевел с болгарского  
Халид ГИЯСБЕЙЛИ.

## ВОЙНА

Война была вначале. За селом,  
там, где дорога прямо шла на Врацу,  
колонны немцев стали появляться,  
коричневат был отсвет их одежд,  
винтовок, глаз. Неандертальский ящер  
огромный день и ночь полз по шоссе.  
Нам, детям, страшно было прикоснуться

к его броне коричневой. Тот ящер  
нас искушал кусками шоколада,  
который, как мы потом узнали,  
Европа отдала ему.  
Европа... Тогда  
крестьянам было невдомек,  
зачем у них все отбирают: сено,  
еще зеленое, и хлеб, и лошадей.  
Дорога из Оряхово на Врацу  
мне сердце раскроила пополам,  
коричневое я забыть не в силах,  
ползущее, грохочущее, злое,  
оно сосет протяжно в Златияте  
веселый смех родимого села;  
оно течет к Балканам и не знает  
пути обратно... Что с собой уносит  
коричневый поток — невооруженно,  
кроме одной взбесившейся кобылы,  
которую впрягли в телегу немцы,  
но двинулись — она сломала ногу.  
Война была в разгаре... За селом,  
в ложбине, под железной дорогой  
жевала та кобыла клевер боли,  
глота слезы, что похожи были  
на чистую росу среди травы.  
Мы все тогда готовы были сделать,  
чтобы кобыла пожила немного,  
вокруг нее сновали, суетились,  
я воду ей носил, чтобы пила  
не только горечь слез. И в те минуты  
шоссе с его колоннами железа,  
с его от боли горьким шоколадом  
куда-то отступало далеко.

Нам уши прожужжали самолеты,  
спалившие Плоешти, бомбы рвались.  
Посередине школьного двора  
толпились новобранцы. Их труба  
мерещилась мне ржаньем лошадиным,  
оно несло ко мне, а я стоял  
на той, последней солнечной поляне  
ее судьбы. Неведомый солдат,  
стрелок отменный, положил конец  
моим неверным знаниям о смерти.

Война кончалась... Через все село,  
заполонив восточную дорогу,  
шли воины советские. Их лица  
усталые я помню хорошо.  
Прославленных «катюш» в глазах сверканье.  
Тогда я стал постарше, понимал,  
прочувствовал, что значит радость жизни,  
летающая из глубины души. Я понял,  
что значит улыбаться и кричать  
в восторге, в общем ликование,  
как будто крылья ты обрел отныне...

Но столько лет я слышу это ржанье  
кобылы, умирающей в ложбине.

## ПРИДОРОЖНЫЙ ТОПОЛЬ

Любовь — это радость!  
Любовь — это смех!  
Любовь — молчанье  
под звездами ночи!

Не помню  
минут ослепления тех,  
а помню  
лишь синие очи.

Помню  
мгновенье короткое:  
ты, словно молния,  
над миром взметнулась —  
твой смех долгожданный  
разбил  
облака моего одиночества.

Небо над нами.  
Дорога под нами.  
Луна, ослепляя, блесит.  
Мой голос,

улыбка твоя —  
все весело кружится.  
Тополь шепчет тебе  
придорожный:  
— Будь весела и счастлива.  
Любовь твоя нежная  
вечно бессмертна,  
хотя лишь однажды  
жива!

Перевела Лариса ВАСИЛЬЕВА.





В. Сафронов. Род. 1932. КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД! 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».





Х. Якупов. Род. 1919. ХУДОЖНИК. ФРОНТОВЫЕ ЗАРИСОВКИ. 1984 — 1985 гг.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».



# Заиндин и его отряд

Сказать, что они боролись на равных, значит здорово погрешить против истины. Судите сами: Магомед Омаров сложения далеко не богатырского, иное дело — его противник. Их даже сравнивать неудобно. И хотя Магомед знает все приемы, а противник слышит о них не слыхивал, но поди уложи такого... Правда, Магомеду надо во что бы то ни стало победить, а тот уперся, как бык. Пассивность, как все знают, — качество отрицательное. Тут у Магомеда преимущество явное, но он приезжий, постоянно живет в Махачкале. А противник местный, родился здесь, в селе Параул. Вполне понятно, что симпатии жителей, обступивших место схватки, были отнюдь не на стороне приезжего. О противнике было сказано, что он уперся, как бык. Это в самом деле так. Поэтому что буйвол родился! Буйволы, как утверждает словарь, жвачные, парнокопытные, семейство полорогих. Близки к быкам. Только буйвол, пожалуй, страшнее быка.

Итак, толпа замерла. Прошло секунд пятнадцать, и снова загомонили, потому что буйвол был прижат к земле! Его кровью налитый глаз непонимающе косил на Магомеда. Старики восхищались:

— Вай-вай, не студент, а шайтан! Настоящий мужчина! Голыми руками!

— Наверное, укол усыпил незаметным, — прошептала школьница.

— Укол нельзя. Анализ будет неточен, — возразили в толпе.

Магомед Омаров скомандовал напарнику Мураду Магомедову:

— Есть фиксация, бери кровь на анализ.

...Вот что рассказал Заиндин Джамбулатов, кандидат ветеринарных наук, научный сотрудник Дагестанского научно-исследовательского ветеринарного института:

— Наш институт почти полтора года изучал положение с животноводством в Ленинском (сельском) районе. Выводы печальные. Нарушение ветеринарного устава стало нормой. Главные специалисты хозяйств и ветеринары запустили работу настолько, что район оказался в прорыве. Если об общественном поголовье были кое-какие сведения, зачастую далекие от реальности, то о личном стаде даже приблизительных данных не имелось. Общественный и личный скот жевал траву на одном и том же пастбище! Таким образом, животные успешно заражали друг друга. Скот бесконтрольно продавали из районов, где были вспышки заболеваний, в районы благополучные.

Идея профилактических работ укрупненными отрядами ветврачей пришла в голову по аналогии с

уборочно-транспортными комплексами. Действительно, и тут применим метод ипатовцев. Отряд мобилен и должен перебрасываться туда, где в данный момент труднее всего. Оставалось одно: организовать отряд. Что-то вроде ветеринарного десанта!

В марте я пришел в сельскохозяйственный институт на занятия по ветеринарно-санитарной экспертизе в 241-ю группу ветфака. Я знал по себе, что студентам всегда не терпится опробовать знания на практике. Конечно, работа в отряде — дело добровольное. Записались сорок пять человек. Комитет комсомола института утвердил состав отряда. Днем рождения десанта мы считаем 27 марта 1985 года — день первого выезда. Мы тряслись в автобусе «Кубань», пришедшем за нами из села Доргели. Все два часа, проведенные в пути, мы обсуждали, как нас встретят. Дадут ли обследовать скот? Все-таки он частный...

Въехали в село. И сразу выяснилось, что предусмотрели мы отнюдь не все. Большинство студентов были в легкой обуви — в кроссовках, в туфлях, а вокруг... Грязь, снег не везде растаял. Только трое из отряда смело зашагали: они были в сапогах. Однако и сапоги, и черные халаты для всех нашлись подозрительно быстро. Отряд, имевший только что довольно легкомысленный вид, стал похож на трудовой коллектив. Мы разбились на группы по пять человек и пошли по дворам. Предстояло исследовать крупный рогатый скот, взять анализы на бруцеллез и туберкулез, сделать прививки...

Почти в каждом дворе обнаружилось по два, а то и по три буйвола. Сами хозяева опасались грозных животных, а нам предстояло у каждой полудикой громадины взять кровь из вены и вакцинировать. В селе много религиозных стариков. Кое-где нам возражали: зачем мучить животных? В одном дворе возразили палкой. Но сила слова — великая сила! Работа шла, началось соревнование между пятерками. Итог дня порадовал, обследовали более ста пятидесяти голов, из них шестьдесят — буйволы.

Перед отъездом долго счищали грязь, налипшую на сапоги, отмывали халаты. Все-таки отдавать надо в чистом виде!

— А каким образом так быстро нашлись и халаты, и сапоги? — спросил кто-то в автобусе.

Совхозный шофер долго прислушивался к нашим домыслам, а потом сказал:

— Мы с вами выехали из города в шесть утра, а Бекмурзаев с директором института выехали пораньше...

— Но мы их там не видели!

— Чего им там долго делать?

Они нам уже навстречу попались, когда возвращались. С вечера обо всем договорились, а утром только проверили...

Бекмурза Хакимович Бекмурзаев — первый секретарь райкома партии. Он кумык, ему только тридцать пять, недавно окончил аспирантуру при кафедре истории КПСС в Дагестанском госуниверситете имени Ленина. И сейчас учится, теперь заочно, на экономическом факультете. Был и рабочим, и в армии служил, и директорствовал в совхозе...

Бекмурза Хакимович так начал свое повествование:

— Ребят смущать не хотелось. Мы с директором института условились за подготовкой десанта наблюдать со стороны. Мелочная опека — корень безответственности. Из этого корня такое потом вырастет, не выкорчуете! Ребята сами тщательно все продумали, но насчет экипировки оплошали. Вот мы и подстраховали! А вообще золотой народ, помощь от них огромная. Ветеринарным врачам нелегко и с общественным стадом управиться, забот сверх головы, а до личного скота руки не доходят. Здоровье личного скота тоже вклад в Продовольственную программу. За месяц обследованы почти пять тысяч голов в Ленинском и Буйнакском районах. Есть у нас карта здоровья, там уже заштрихованы селения Доргели, Параул, Аданак, Карабудахмент, Губден... Главное, от села к селу растет мастерство каждого студента! Ветеринар за смену обрабатывает двадцать пять животных и считает, достиг потолка. А многие ребята успевают по тридцать, а то и больше...

Дисциплина в отряде стальная! Десант могут вызвать в любой момент, так что совет отряда должен в любое время суток знать, где находятся ребята. Ушел в кино — предупреди, в гости — оставь адрес. Ребята легки на подъем. А работу каждый раз надо начинать вместе с сельскими жителями, с восходом солнца.

Селяне удивляются: «Они у вас двуязычные?» Молодость! После работы, казалось бы, ноги не держат, а студенты могут в футбол сгонять с местными или дискотеку затеять... Кстати, заработанные деньги перечислялись в фонд фестиваля. Эти ребята чем-то напоминают армейских заповал. Студенческий отряд и есть заповал! Скоро остальные подхватят песню... Обязательно подхватят.

И секрет простой, он заключен в слове «надо». В этом слове Турксиб, Магнитка, «Ростсельмаш», целина, атомные ледоколы, магистральные газопроводы, наконец, БАМ... Слово обязывает.

\* \* \*

Однажды студенческий отряд должен был выехать в село Аданак. Как условились, в шесть утра появился у автобуса Заиндин Джамбулатов. Он объявил, что поехать не сможет — в институте ученый совет. Ребята опешили, как

же так, без руководителя? В автобус садились молча. Заиндин позже признался: эксперимент был запланирован. В воспитательных целях.

Село Аданак равнинное. Три параллельные улицы. Триста дворов. Много времени не уйдет. Но бывает, что кто-то из жителей может и не впустить. Мол, иди к соседу, над его скотиной издевайся... Тут сила убеждения нужна, Джамбулатов нужен!

Испытание для ребят стало испытанием для Заиндина. В полдень позвонил в райком Бекмурзаеву. Оказалось, что секретарь райкома еще ранним утром побывал в селе, да не один — с главным ветврачом района Нуховым. Они не только подготовили отряду фронт работ, но и обед заказали, побеспокоились.

Ребята закончили работу в Аданак за день. Последние дворы обрабатывали уже под вечер. Полный охват селения за один прием дал большую экономию времени. Опыт пригодился. Джамбулатов понял, что необходимо все ветеринарные мероприятия проводить как можно быстрее и такими вот отрядами. Раньше да и сейчас местами подобную работу растягивают на неделю.

В колхозе имени XXII партсъезда полторы тысячи голов скота в личном пользовании, из них почти половина буйволы. С ними управиться никто и не пробовал. Приезда отряда ждали.

Студентов буйволы «признали». Конечно, повозиться пришлось.

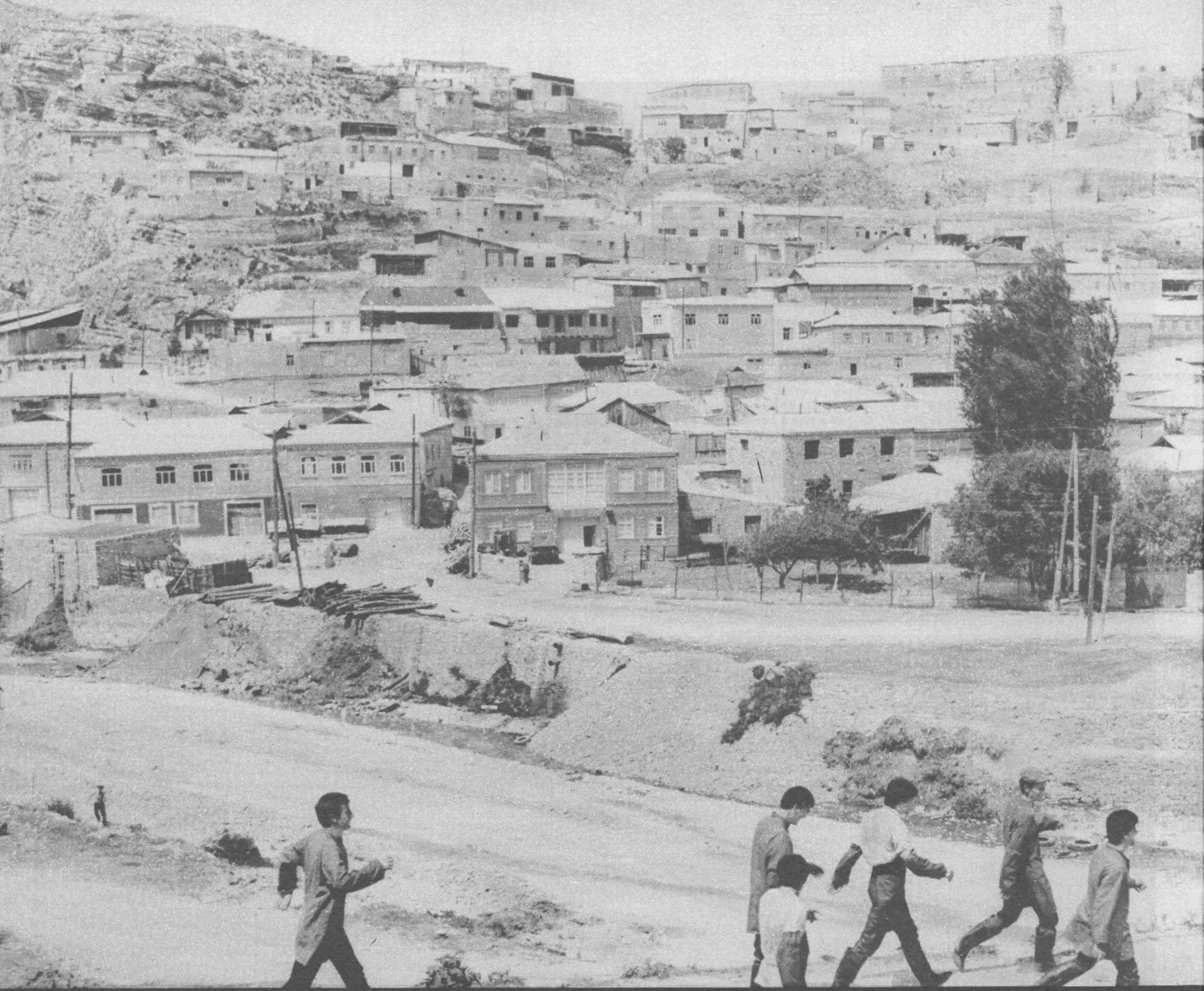
Отряд пополняется. Стать членом ветеринарного десанта — значит заслужить доверие сокурсников. Есть в отряде и девушки. Валить буйволов им не поручают, но вот Заза Османова настолько освоила процесс обработки животных, что возглавила одну из пятерок. А Умсалимат Гаджимурадова работает в отряде с первого дня и все операции выполняет быстро и квалифицированно.

Отлично зарекомендовали себя чеченец М. Ибрагимов, даргинец М. Омаров, аварец А. Ахмедов, кумык А. Кочкарев — отряд получился интернациональный. Когда идет работа, засмотришься. Кажется, к такому буйволу никто на пушечный выстрел не подойдет, но студенты с ним, как с котенком. Что там испанская коррида!..

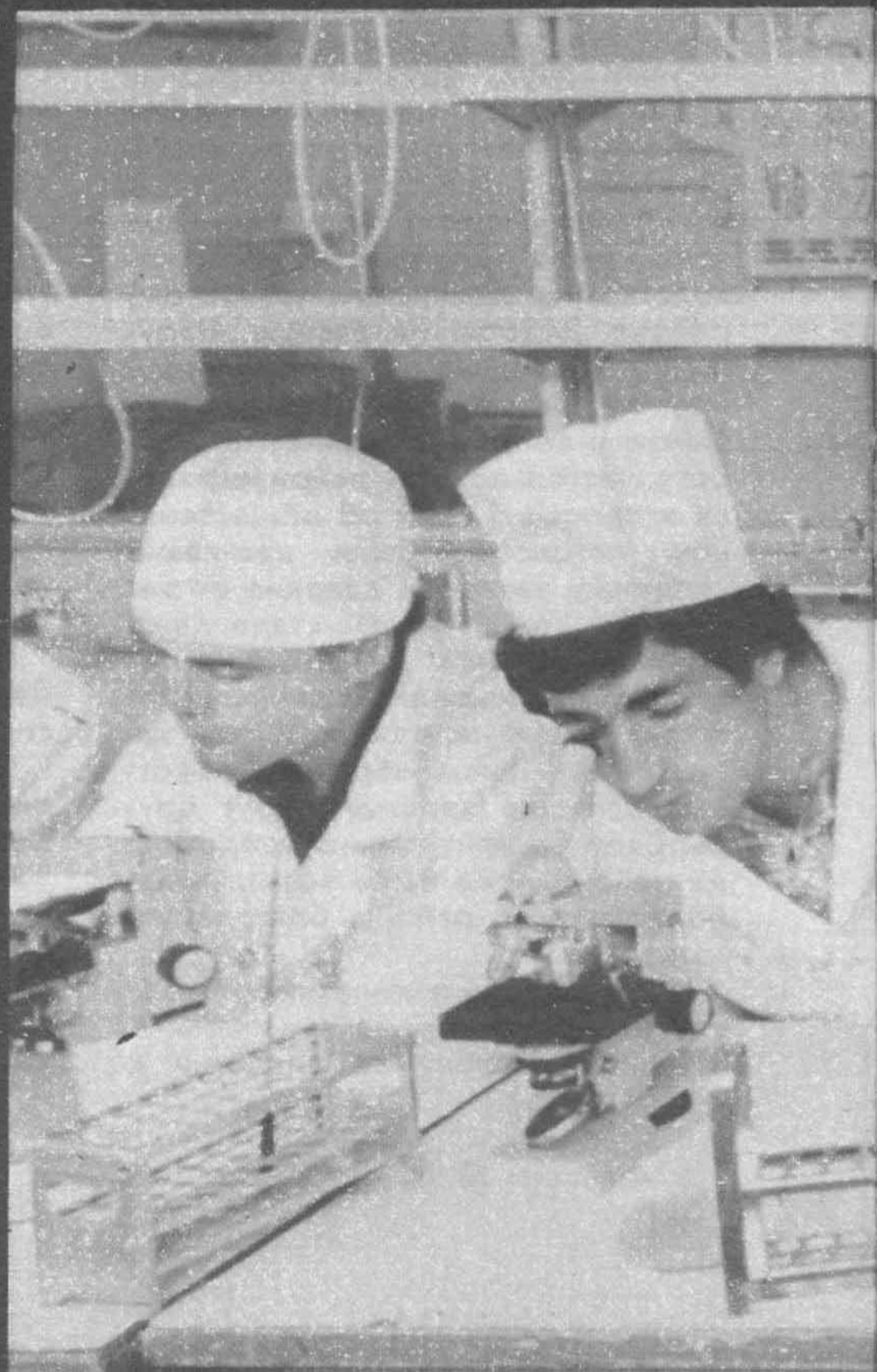
И вот случилось, что Магомед Омаров никак не мог найти общего языка с одним буйволом. Непонятливый попался. Терпение иссякало у обоих. Буйволу надоели приставания Магомеда, и он рванул в сторону старого сарая. Хорошо, что на столб налетел сначала буйвол — Магомед в этот момент ухватил его за рога. Столб пополам. Из-под ветхой крыши выбились вместе... Магомед был деловит и скор на руку. Пришлось и этому буйволу в конце концов расстаться с малой толикой крови для анализа...

...Поздним вечером молодой ученый Заиндин Джамбулатов садится за письменный стол. Перед ним первые страницы докторской диссертации...





Вечер. Костер.





Здравствуй, Губден!



— Проверим, как ваше здоровье.

В коневодческом совхозе «Дагестанский».



Занятия на кафедре микробиологии Дагестанского сельскохозяйственного института.





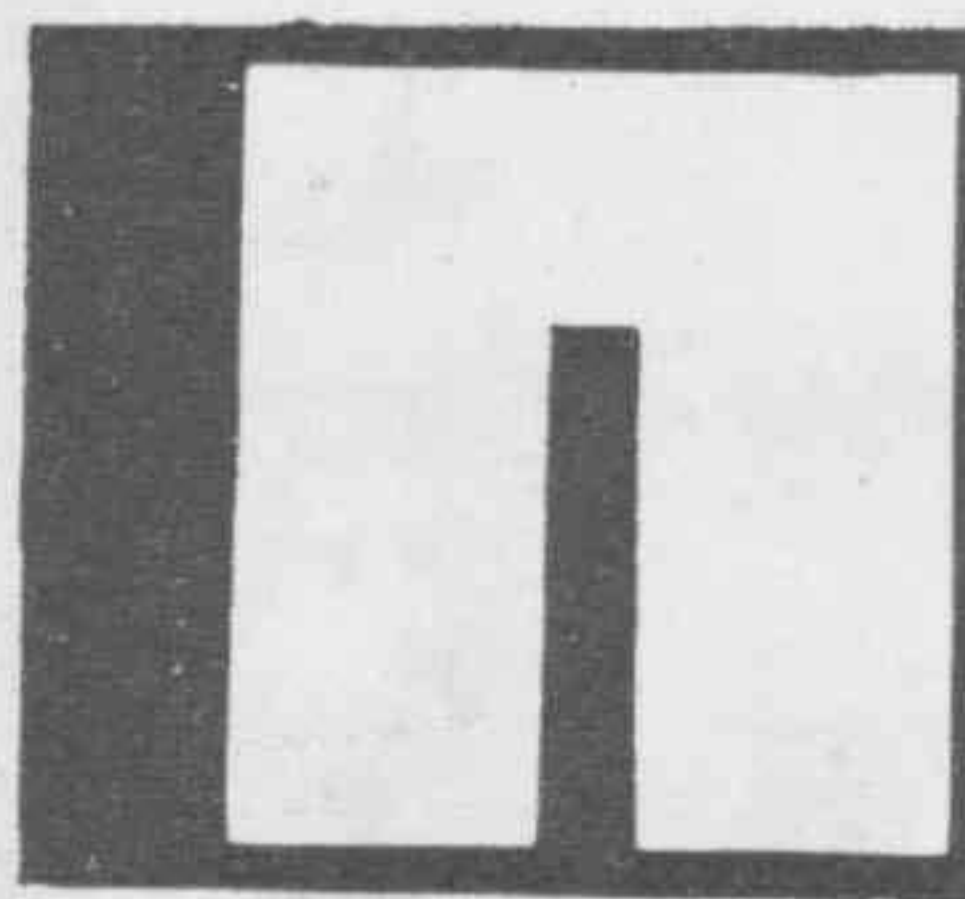


Михаил ГОРБУНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

1



рожекторы били слепым светом вдоль бетонки, уходящей в густоту островного леса, в бесконечно простирающуюся за ним душную тропическую ночь, мерцающую мириадами мутных звезд, и у Тиббетса чуть-чуть покривились по-юношески

твердые губы от внезапной мысли: «Что там, в этой ночи?»

Моторы ревели, и в стеклянной капсуле кабины среди фосфорически мерцающих приборов он ощущал по обе стороны бешеное вращение винтов, с интуитивным напряжением вслушиваясь, выискивая в сплошном грохоте хотя бы ничтожную фальшивую нотку, но ничего не находил и сам как бы сливался с этим прошившим плотной зыбью всю машину, всегда подмывающим душу ревом. Но все-таки была еще земля, и обычная его твердость пока не приходила к Тиббетсу, он знал: придет, когда он наконец оторвет свою шестидесятипятитонную «суперкрепость» от этого забытого богом острова с его отупляюще-однообразным режимом: непрерывные тренировочные полеты, ну еще покер, пиво, комиксы, все одно и то же, даже агенты секретной службы с быстрой, как в старом кино, походкой и сухими, обрезанными тайной заботой лицами.

Нет, это не для него. Пусть кое-кто считает такую жизнь раем, но только не он, и сейчас Тиббетс мирился лишь с тем, что нужно как следует проверить работу двигателей, прогреть их; вибрация машины ухнула мощными буравами в глубину бетонных плит, и чудовищная пространственная даль полета с пугающей остротой жила в нем, воображение рисовало ушедшую в ночь слегка ломаную, невообразимо длинную нить, которая приведет его к цели. То, что он оставлял здесь, на затерянном в Океании острове, еще вспомнится в бесконечно долгой и совершенно особой работе, он поймал себя лишь на почти физическом ощущении — как попусту сгорает топливо, а каждый литр на счету.

Он весь уже растворился в этой дали, среди мутноватых звезд тропической темени, и все, что было только что — напутствия друзей, ночной завтрак, короткое богослужение, — все было отсечено пуленепробиваемым стеклом его кабины. Только болящей занозой засел в сознании Гриф — так он назвал про себя появившегося на острове перед самым полетом несуразно высокого и как бы неодоушевленного человека со странно, взад-вперед, ходящей, изрезанной морщинами, как у старой хищной птицы, шеей, грязно-восковым

# Я СТАНОВЛЮСЬ СМЕРТЬЮ





слепком лица и тусклыми, незрячими глазами, затерянными в бликах очков, с головой, неровно, клочковато покрытой серой шерстью. Человек этот, появившись на острове, незаметно оказался в центре приготовлений к полету, его давящая власть распространилась и на военных, и на специалистов из Лос-Аламоса, которых с приближением старта было все больше, и наконец сам Тиббетс, почувствовавший в прибытии на остров Грифа некое покушение на очевидный для всех престиж, с бешенством стал ощущать эту почти гипнотическую власть и лишь теперь испытывал облегчение, как после болезни.

Час назад уже поднялись, сразу поглощенные чернотой ночи, три «суперкрепости», но причудливо текшая в Тиббетсе мысль переключилась теперь лишь на одну из них — на ту, где был Клод Изерли; он с поразительной ясностью видел лицо друга в минуту их прощания — тонкое, чуть ли не женское лицо интеллигента. На взгляд непросвещенного человека, Клоду вообще нечего делать на войне, но он-то, Тиббетс, хорошо помнит, как они вместе ходили бомбить Германию, покрывая на своих «крепостях» почти всю Европу — такие полеты назывались челночными. Они в самом деле сновали туда и обратно, как проклятые, взлетая в голубое небо Италии и садясь в сырых туманах Англии, с тем чтобы сбросить бомбовый груз на германские города без возврата на аэродром старта, им не хватало для этого горючки, — и снова взлететь, уже с бетонки Альбиона, и опять бомбить затаенные дымкой германские города, и сесть на итальянскую землю с ее теплом, безопасностью нравов, шумными кафе и легковерными женщинами... Эти полеты, эти заполнявшие небо сотни «летающих крепостей» и «либерейторов», кружащие над ними истребители прикрытия, это тяжелое, азартное курсирование над целыми континентами — все, все вспоминалось Тиббетсу. Были друзья, был Клод, и когда открыли аэродром посадки еще и в России, был, правда, единственный, полет в эту незнакомую, непонятную страну... Была Полтава.

Совсем непростительно, но очень четко ему вдруг вспомнился тот день прилета в Полтаву, это было в самом начале июня, они устали как черти и шли на одном сознании, что уцелели, нервничали — еще оттого, что впервые сажались в России, голодной и разрушенной, и не были уверены, что аэродром готов к приему «крепостей». К удивлению Тиббетса, поле было в полном порядке и аэродромная служба сработала превосходно... Стояла еще почти весенняя прохлада, легкие кроны окаймлявших аэродром деревьев дымчато зеленели, и когда наступил вечер, оттуда понеслись умопомрачительные речитативы соловьев, и, черт побери, это было так неожиданно и трогало сердце.

Потом был товарищеский ужин в летной столовой, они крепко выпили; и Тиббетс еще помнит танцы, уже вечером, — играл на гармонике сержант, всем было весело, только он почему-то грустил. А танцевали с девочками из батальона аэродромного обслуживания тут же, возле своих «крепостей», казавшихся настоящими Гулливерами в сравнении с базировавшимися на аэродроме советскими штурмовиками, кстати, очень неплохими машинами.

Русские офицеры галантно предоставляли право выбора партнерш своим гостям. Тиббетс вспомнил девочку с простеньким, но неуловимо красивым, смугловатым, как у мулатки, лицом, — когда он подошел, чтобы пригласить ее на вальс, щеки у нее вспыхнули, а в полуприкрытых, почти детских глазах пробежало выражение странного наивного испуга... Девочка предпочла ему Клода, и, несмотря на весь комизм сценки, это чудотворное оскорбило Тиббетса, и он пошел к стоявшей совсем рядом, высоко поднявшей нос машине, возле нее ребята еще продолжали ужин, и Тиббетс с досады приложился к фляге.

После танцев отправились спать в сохранившееся неподалеку от аэродрома помещение, кажется, это была когда-то школа. Клода он потерял из вида, да это было и немудрено при столпотворении, которое царило в явно недостаточном для нескольких десятков экипажей помещении, впрочем, это было простительно для разоренной, к тому же, видимо, не привыкшей к американским меркам России. Клод, болтавшийся неизвестно где, зачем-то разбу-

дил его под утро и был задумчив, меланхоличен, как кислая сыворотка. Тиббетс хлопнул его по плечу:

— Надеюсь, все о'кей, Клод?

— Не надо, старина. Она очень несчастна... Ее маленького брата против воли увезли в Германию.

Тиббетс рассмеялся, еще с неприятным осадком на душе, оставшимся от той сценки на танцульках.

— И только-то? Но это не помешало ей закрутить шашни с иноземцем, или, может, это узы союзничества?

— Не иронизируй, Пол. Все не так, Пол, все гораздо чище...

— Смотрите-ка, два невинных ангела... И что же, если бы... — Тиббетс снова засмеялся все с тем же ущемленным чувством, которое никак не мог побороть в себе. — Если бы ты знал, где ее маленький брат, ты не бросил бы на этот город бомбы?

Клод сузил чистые, совершенно трезвые глаза и твердо сказал:

— Да, я не бросил бы на этот город бомбы.

...Тогда он не понравился Тиббетсу, но Клод Изерли был первоклассный летчик, и когда генерал Арнольд поручил Тиббетсу лично сформировать особую авиационную группу, он взял Клода.

И вот только что, при прощании, до того, как машина Клода ушла в непроглядную ночь, они побледили несколько минут вместе. Неимоверно, но в эти минуты Клод напомнил ему того, прошлогодного Клода, после тех танцулек на полтавском аэродроме... Впрочем, настоящие танцульки состоялись при возвращении в Италию: над германским городом, который они бомбили, зенитный снаряд сделал огромную дыру в машине Клода — чудом не отвалился хвост и не возник пожар, и то же чудо помогло Клоду дотянуть до Италии и сесть, пусть на запасной аэродром. Тогда Тиббетс не услышал от него по радио ни одного слова жалобы или тревоги, он проявил себя настоящим солдатом. Но вот только что там, на отсеченном стеклом кабины аэродромном бетоне, в нем снова почувствовалась некая «сосредоточенность духа», проще говоря, всегда отвергаемая Тиббетсом меланхолия. А Клод будто прочитал его мысли, кивнул ему с обычной своей предупредительностью:

— Все будет о'кей.

Странно, но в эту минуту, перед крайне сложным и трудным полетом, Тиббетса непривычно подтачивало глубоко внутреннее чувство, вроде охотничьей зависти к этому «интеллигенту»: тот был уже далеко, в начинающейся сразу за бетонкой, за буйной растительностью острова ночи, и при свете «восходящего солнца» — он усмехнулся, когда мысль запульсировала символикой при этих неожиданно зазвучавших в нем словах, — первым увидит цель... Но ничего, пусть он летит... Он летит пустой, все доверено ему, Тиббетсу, и то, что должен сделать он, сделает он сам.

Впрочем, все это — и немислимо далекая теперь — по расстоянию, по времени, по вихревому накалу событий войны — Полтава, и душевные борения Клода, до которых Тиббетсу в общем-то не было никакого дела, — проплыло в нем неосознанной тенью, забытой мощно и непрерывно льющимся грохотом двигателей, растворенной в притушенном свечении приборов. Он чувствовал на лице туговатую, удобную стяжку шлемофона, и если бы кто-то видел сейчас его сведенные к переносице широкие темные брови, спокойно проходящие по приборам зрачки, по-молодому твердый, немного индейский овал лица, он не смог бы представить на его месте никого, кроме самого Тиббетса. И все у него на своих местах — и второй пилот Льюис, и штурман Кирк, и кормовой стрелок Стродди, и Джеппсон, специалист по электронике, и бомбардир Фериби, особенно Фериби, рослый рыжий парень, хороший выпивоха, которому все нипочем, и он тоже делает свое дело — в то время, когда все только начиналось, Тиббетс отобрал и его — с ним он тоже летал на Дрезден и на Берлин, — не подведи же и сейчас, Томас!

Он включил внутреннюю самолетную связь и не удержался, чтобы не вызвать первым «рыжего», как называл про себя Фериби.

— Как там у тебя, Томас?

Фериби проворчал:

— Ты мог бы об этом не спрашивать.

Один Фериби из всего экипажа был способен ответить ему в таком тоне, но Тиббетс любил бомбардира, к тому же львиная доля того, что они должны были сделать, отводилась Фериби, ну еще штурман Кирк, но Кирк прилежен и исполнительен, а от этого можно всего ожидать. Тиббетс добродушно пожурил бомбардира:

— Инструкция, Томас.

— Вся инструкция в моей башке, Пол.

— Надеюсь, Томас.

Он вызывал каждого, и каждый отвечал коротко:

— О'кей.

— О'кей.

— О'кей...

В лаконичности докладов, в привычном Тиббетсу металлически жестком мембранном звучании голосов на этот раз тоже было что-то особое, едва ли не фантастическое.

Он произнес про себя несколько фраз молитвы и, посмотрев на часы — было два часа сорок пять минут, — дал газ. Машина тронулась, подминая под себя бетонку, приседая на амортизаторах, набирая и набирая скорость. Залитая мертвым светом взлетная полоса стелилась и скользила навстречу из густоты и путаницы леса, когда наконец Тиббетс уловил холодающее мгновение предела и легким движением штурвала отслоил каучук мощных скатов от бетонки. Сразу оборвались тяжелые, раскачивающие, чуть не ломающие крылья удары о земную твердь, наступила удивительная соразмерность движения, сравнимая, может быть, с предельно точными гомеровскими гекзаметрами.

Но развивать предельную скорость не следовало — за Тиббетсом взлетали еще три «суперкрепости»: справа от него пойдут майор Суиней со специалистами; где-то там, в неимоверной дали через четверть суток полета, когда все произойдет — Тиббетс настолько проникся секретностью возложенной на него миссии, что даже мысленно привык не называть вещи своими именами, — они с помощью точнейших приборов определяют результаты. Слева полетит капитан Маркворт с кинокамерами на борту: пленка точнее человеческой памяти и человеческих глаз зафиксировать мощь разъятой природы. Замыкать пропарывающий океанскую высь трезубец будет четвертая «суперкрепость» — ее бомбовый отсек, так же, как у машины Тиббетса, переоборудован под «Литтл бой», длина которого около трех метров, вес более четырех тонн... Только великий юморист мог дать этому безобразному тупорылому бревну кодовое название «Малыш», но никогда и ничего не хотелось Тиббетсу, как сейчас, чтобы все было в порядке с его «Энолой Гей» и никакая случайность не помешала ему исполнить свое предназначение... Иначе нужно будет садиться на запасной аэродром — остров Иводзима, — и эта четвертая «суперкрепость» — она была уже в воздухе, Тиббетс как бы ощущал позади себя настороженное движение огромной лисы, воющей в ночной тьме, — примет «Малыша», и тогда слава Америки достанется друтому... «Нет, нет, — подумал Тиббетс, жестко сведя брови от мысли о неимоверной, какая только может быть, несправедливости, — то, что должен сделать я, сделаю я сам...»

Теперь он мог развить предельную скорость и скорость, всем телом и мозгом чувствовал ее в ровном нарастании пожирающей мили тяге винтов, в мгновенных срывах причудливых нагромождений мутных облаков по сторонам, — скорость успокоила его, и он снова зримо, до мельчайших подробностей увидел всю операцию в глубину.

Пока он вел «суперкрепость» на небольшой высоте, держал всего тысячу двести метров: выше шли встречным курсом, возвращаясь с задания, ночные бомбардировщики, была пусть микроскопическая, но все же опасность столкновения, как двух песчинок в океане, а поручение, данное Тиббетсу, исключало даже эту ничтожную долю риска. Была еще ночь, не дававшая возможности обстрела его машины с неприятельских кораблей, а когда будет светло, он уйдет за десять тысяч метров, и еще тогда его будет оберегать протянувшаяся до самых вражеских берегов цепь боевых кораблей и подразделений военно-морских сил. То, что должен сделать он, он сделает сам.



Это нужно было ему — лишний раз утвердиться в своей миссии, беспокойство, владевшее им на земле, проходило, и в какой-то точке над безмерной, пропастью чернотой океана, в какой-то миг среди ровного и мощного гула двигателей он с мучительной сладостью почувствовал начало.

2

В открывшейся перед ним дали полета, в напряженном ожидании смутно рисовавшегося конечного действия затерялся день, когда он неожиданно был приглашен к командующему армейскими военно-воздушными силами генералу Арнольду, — вот когда было начало. Совсем недавно перед этим его отозвали в Штаты — испытывать невиданные по мощности и дальности полета машины Б-29, вот эти «суперкрепости», на одной из которых он летел сейчас. Он был уже заметным человеком в круговращениях «верхнего этажа» авиационного командования, но, еще «горячий» от войны, тосковал по фронту, и когда адъютанты позволили ему войти в кабинет генерала, он переступил порог с забрезжившей, смутной надеждой, что сейчас круто изменится его вызывающая у многих зависть карьера, и тайно радовался этому.

Ему уже приходилось посещать этот огромный, как ангар, кабинет, и все было привычным для него, вплоть до старой фотографии двух американцев, братьев, авиаконструкторов и зачинателей воздухоплавания, молодых, с задорно сдвинутыми на затылок шлемами и огромными, как у мотоциклистов, очками, запечатленными на фоне одной из своих «этажерок». Эта фотография, черновато-расплывчатая от сильного увеличения, казалась Тиббетсу странной в кабинете командующего авиацией, во всем мире сопрягаемой с понятиями новизны и мощи, но теперь, увидев за широким столом небольшого человека с торчащими в стороны, как у зверька, ушами, с высокой залысиной и прозрачным белым пушком над ней, он понял, что снимок братьев Райт не случаен в этом кабинете: его хозяин в таком возрасте, когда дорог каждый блик молодости, он сам оттуда, из того мира, если Тиббетсу не изменяла память, курсанство генерала в военном училище Вест-Пойнта как раз приходилось на время расцвета славы двух счастливых парней.

Но это ощущение владело Тиббетсом какой-то миг — до того, как генерал, плотно затянутый в мундир, молодо встал из-за стола и пошел к нему с острой, изучающей игрой зрачков из-под темных, при общей седине, бровей, и в тот момент, когда пожимал ему руку жесткой ладонью, Тиббетс заметил на прилегающих к его плечам ровными листиками генеральских погон что-то необычное. Лицо его вспыхнуло, он вспомнил, что командующему армейской авиацией только что, впервые за историю американских военно-воздушных сил, присвоено звание генерала армии — как в сухопутных войсках. За этим что-то крылось, никто не знал, что именно, и теперь это никем не известное тоже затаенно излучал всепроникающий взгляд Генри Арнольда. Тиббетс стал поздравлять генерала, извиняясь за то, что не нашел случая сделать это раньше. Генерал был демократичен.

— Наши личные заслуги не имеют значения, гораздо важнее честь Америки.

После этих слов беседа как-то очень естественно зашла о положении на фронтах — в срок четвертом без таких бесед не обходилась ни одна встреча, будь то совещание глав правительств или кутеж завсегдатаев нью-йоркских притонов. Генерал, усадив Тиббетса в кресло, обегая ладонью огромную и очень подробную, густо пестрящую надписями карту, говорил о близком крахе Германии как о вполне решенном деле.

— У нас Рим. Блестяще проведена Нормандская операция. Мы идем по Франции... Советы готовятся к решающему штурму. Они в Румынии, в Польше, за Вислой. Они уже не уступят...

Тиббетс задумчиво побарабанил пальцами о стол.

— Мне это стало ясно, как только мы сели в Полтаве. Русские летчики танцуют под гармошку.

— Да, да, может быть, — проговорил гене-

рал соглашающимся тоном и меж тем как бы отбирая у собеседника его «козыри». Он быстро, может быть, играя в молодость в свои без малого шестьдесят, поднялся, приглашая его к карте. — У нас, здесь... — он произнес эти слова с расстановкой, с незауалированной ревностью к миру, из которого пришел Тиббетс, — тоже кое-что есть. Кое-что!

Проследив за взглядом генерала, Тиббетс уперся в затерянные в светло-голубой ширине океана небольшие, неровные, как еще не совсем обкатанные морские камешки, желтые пятна, и они отделились в нем жгуче пережитой тоской по настоящему делу при известии о бомбежках Марианских островов, о выигранном при них морском сражении с японцами, о падении одного звенья островной цепи — Сайпана, о том, что на очереди Гуам и Тиниан, он мог бы быть там, в выси над океаном, чтобы бомбить и бомбить...

Генерал резко шагнул от карты к столу, сел в кресло, показав Тиббетсу, чтобы он сделал то же самое.

— Но, но и но! Мой мальчик, Пол... — От этого впервые принятого с ним почти отеческого обращения растроганно защемило сердце. Генерал посмотрел на него с долгой, мудрой улыбкой. — Поверьте мне, Пол. Тут таится гибель нашего недруга. — Он еще раз взглянул на карту, медленно поднимая глаза от еле видного накрапа «морских камешков», выше и выше, к другим, почти слепленным вместе островам, напоминающим птицу, замахнувшуюся уродливым клювом на азиатский материк. — На Марианских островах прекрасные японские аэродромы. Они в радиусе действий против империи. Мы будем взлетать с этих аэродромов. И... уверяю вас, Пол, надвигается такое, о чем не подозревает само человечество.

Генерал вел издали, слова его оплетали Тиббетса непонятным смыслом, видно, Арнольд еще раздумывал над принятием важного, — Тиббетс чувствовал это, — решения, и от роли подопытного кролика ему было не по себе.

— Вам что-нибудь говорит имя генерала Гровса? Лесли Гровса? — Вопрос был неожиданным.

— Лесли Гровса? — переспросил Тиббетс, чтобы выиграть время и справиться с возникшей в мозгу догадкой. Он тут же представил себе тучного, коротко подстриженного, с нарочитой небрежностью одевающегося в полевую форму генерала, руководителя глубоко засекреченного проекта нового оружия... Он слышал о лаборатории на пустынном плато близ города Лос-Аламос, отрезанной от живого мира каньонами, эту лабораторию связывают еще с ученым Оппенгеймером... — Да, сэр, я слышал о генерале Гровсе.

— А об ученом Оппенгеймере?

Генерал будто читал его мысли.

— Да, сэр, я слышал о физике Оппенгеймере.

Ему вспомнился недавний день, когда он должен был показать «суперкрепость» высшим чинам. К его испытательному центру, располагающемуся у самого города, подкатил черный лимузин, из него вышли трое: генерал Арнольд, безукоризненно впаиванный в мундир, этот Лесли Гровс в своем мешком сидящем на нем полевом костюме и третий, штатский, высокий человек в широкополой шляпе, — Тиббетс уловил на его тонком, белом лице с аристократическим, чуть искривленным, но красивым именно этой кривизной носом пронизывающий взгляд отрочески больших густо-синих глаз...

— Это был он? В тот день на испытательном центре?

— Да, Пол.

Сам Арнольд не мог решить, чего было больше в этом человеке — поразительной одаренности или счастливых совпадений в сложном калейдоскопе судьбы. Совпало, что на пути Оппенгеймера оказались центры мировой научной мысли — Гарвард, Кембридж, Ганновер, великие физики века — англичанин Эрнест Резерфорд, датчанин Нильс Бор, немец Макс Борн, что «время и место» бросили его в водоворот новейших, глобальных по значению исследований в теории атома, квантовой теории, что волею невообразимого исторического парадокса в Америке, гонимые не-

мецким нацизмом, объявившим основополагающие достижения века «еврейской физикой», оказались лучшие умы Европы — Эйнштейн из Германии, Бор из Дании, Сциллард из Венгрии, Ферми из Италии, от которых многое взял Оппенгеймер, что, наконец, необычный талант Оппи, как его звали в своих кругах, не сделавшего ни одного решающего научного открытия, не разработавшего ни одной самобытной теории, сумел вобрать и трансформировать на практике коренные сдвиги мирового научного прогресса, уходящие к открытиям Менделеева, Беккереля и супругов Кюри. Он стал апостолом развернувшихся в Америке работ по созданию уникального оружия, основанного на эпохальных творениях человеческого разума...

О многом из того, что говорил генерал, прохаживаясь вдоль карты мира, Тиббетс знал или догадывался, но сейчас от неожиданности самого предмета разговора все предстало перед ним в крайней и жуткой новизне.

— Знаете, Пол... — Генерал остановился, внимательно глядя на него, как бы подразумевая особую степень своей доверительности... — Знаете, Пол, каков главный изъян политики Гитлера? Он болен маниакальной идеей о международном еврейском заговоре. Он лишился поддержки финансистов и промышленников повсюду на земле. Он подверг уничтожению евреев в Германии и странах-сателлитах... Великое благо, что многим ученым, тем, кому предстояло носить «желтую звезду», удалось вырваться из ада. Теперь они у нас. Германия была ближе всех к тому, к чему мы сейчас подходим вплотную. В руках варвара могла оказаться такая дубина, которой он разможил бы череп миру... К счастью, этого не произошло.

Генерал потянул Тиббетса к столу и, как бы в шутку напрягая мышцы, втиснул в кресло, сел напротив.

— Пол, эта дубина скоро будет у нас.

Сухая зыбь пробежала под самыми волосами Тиббетса: «Вот оно!»

Генерал развел руки, как бы говоря, что иначе не могло быть.

— Гигантский правительственный заказ. Дело в руках нескольких монополий. Первая скрипка — Дюпоны, надеюсь, это вам о чем-то говорит. Предельная мобилизация ресурсов компаний, неустанный труд ученых, новые промышленные комплексы, лаборатории. — Генерал покашлял в кулак с видом дружеской игры. — Наш друг Лесли Гровс называет их «мышеловками»... — И сразу посерьезнел. — Все работы под его контролем. На таких, как Гровс, можно положиться, он умеет выжимать сок. Даже из Оппенгеймера. Все кипит, как в урановом котле. Виден конец. Близятся испытания. Только бы она взорвалась!

Он вышел от генерала с тяжелой головой. За эти проведенные с Арнольдом два часа судьба его была решена: если все звезды на небе сойдутся в начертанный выше знак и подспудно готовящееся испытание атомной бомбы окончится победой, он, Тиббетс, сбросит ее на цель.

«Почему я?» — спрашивал он себя, лишь мгновение опускаясь до утилитарной мысли о счастливым зигзаге судьбы, связавшей его с «суперкрепостями»: именно Б-29, которые он испытывал, были выбраны носителями будущей бомбы. Но только такая подоплека выбора на главную роль в затеваемом грандиозном спектакле была бы достаточна для любого пилота дальней бомбардировочной авиации, но не для Тиббетса; и когда он спускался по гранитным ступеням, окаймлявшим аскетически строгий дом, из которого только что вышел, сквозь губчато-серую влагу почти осенних облаков издали вспыхнул крохотный, как человеческий глаз, сгусток солнца, засветив летнюю мокрую зелень деревьев, низко, ровно подстриженную траву геометрически безукоризненных, в мириадах каплей газонов, разноцветный лак машин, застывших у каменного парашюта на еще не просохшем после дождя, в зеркальцах луж, асфальте, — смутная власть какого-то необычайно дорогого ему провидения невообразимо сблизила его с новым для него миром, где все достижимо, потому что это и есть сфера господства Америки. Рассудок его был счастливо истомлен ощущением своей избранности, и от этого



головокружительного ощущения ему стало свободно и вольно дышать.

Он еще не представлял, какая адская работа впереди — и у него, и у них там в «мышеловках»... Ему виделся генерал Гровс со своей способностью внедряться с помощью секретных служб в умы и души подчиненных ему специалистов, они действительно напоминали мышей, с которыми, как кот, поигрывал генерал. Сам оракул теоретической физики, без которой немыслимо было и думать о создании модели бомбы, был у него в руках и должен был заложить душу дьяволу; и неминуемо наступит время, когда с великими муками рожденное «дитя» превратит в пепел прекрасные города, и все тайное станет явным, и наступит тяжелое раскаяние уже ненужного Америке, едва ли не обезумевшего Оппенгеймера; и Трумэн, взбешенный его самобичеванием, выкрикнет, сверкая очками, Дину Ачесону: «Не приводите больше сюда этого чертова дурака. Не он взрывал бомбу. Я взрывал ее. От его хныканья меня выворачивает наизнанку».

Но до этого было слишком далеко, и крохотный, пробившийся из скопления облаков, так ярко расцветивший все вокруг и в самом Тиббетсе луч остался щемящим бликом судьбы, может быть, последней ее улыбкой перед чредой слившихся в один поток дней и ночей работы, подгонки и испытаний узлов, обоюдной увязки форм рождающихся бомб ствольного и взрывного типов с размерами и аэродинамикой бомбового отсека, — и то, что делалось в «мышеловках» с их бесконечными таинственными опытами, импульсивно приходило в ангарные цеха заводов, где по ночам среди выделенных для этого огромных молчаливых машин бились молнии электросварки, стучали пневматические молотки.

Тиббетс часто бывал здесь, испытывая тревогу при виде того, как бесцеремонно перекраивались всегда казавшиеся ему совершенными линии боевых машин, будто с ними уходило его прошлое. И когда ему было поручено сформировать авиагруппу специального применения, мысли его понеслись за тысячи миль от Америки — в Африку, в Италию, в Англию, в Россию, и оттуда, из дымных просторов войны, выплывали лица боевых друзей — штурмана Кирка, бомбардира Ферриби, пилота Льюиса и еще майора Суиней, майора Изерли...

3

Потом они обживали базу в Уэндовере, в полупустыне: то, что они должны были делать, требовало пещерной скрытности, удаленности от центров цивилизации...

Это было уже осенью, удручающе текли дни ожидания полетов, приводились в порядок аэродромное оборудование, связь, радиолокация, ждали переоборудованные машины, чтобы начать тренировочные полеты. Было сыро, промозгло, и Тиббетс, сам задыхаясь от безделья, боялся нередких в таких случаях срывов психики, особенно у новичков — а их было немало среди технического и обслуживающего состава, — которые оканчиваются черт знает чем — пьянством, безудержным азартом карточной игры, самовольными поездками на «джипах» по значным местам пусть редких в окрестности поселений. Тиббетс знал, что больше всего мучает людей неизвестность, настало время приоткрыть завесу.

Был дождливый, сумрачный день, когда он собрал людей в классе, где обычно велись предварительные теоретические занятия, лишь путавшие людям мозги. Дождевые капли забили отпотевшие окна, две лампочки свисали на шнурах с потолка, неяркий свет пропадал в конце комнаты, в сумраке лиц, в вялых помахиваниях ладоней с дымящими сигаретами, в нестройных головах с шевельшейся рукой, привлекающей к себе внимание, и не сразу смолкший говор вдруг вызвал в нем лютую обиду на этих людей, как бы не признающих его старшинства. Он начал говорить — негромко, резко, понимая крайнюю ответственность момента... Говорил, что сформированная им авиагруппа способна выполнить все, что нужно престижу и славе Америки. Они ни от кого не зависят, у них будет все свое, даже своя полиция, черт возьми. Но только полная секретность и дисциплина. В ближайшее время они получат боевые машины и совершенно идентичные оригиналу макеты двух типов неведо-

мых человечеству бомб. Он знал, что они только рождаются — в муках и болях, как рождаются дети, и, поддавшись неожиданной нежности к этим таинственно выходящим на свет «младенцам», так и назвал их — «наши бэби». Они будут испытывать их здесь, в Уэндовере, они понесут их туда, куда прикажут им нести...

— Да, да, наши бэби, — в этот миг он почувствовал, как плотный клубок забил ему горло, — наши бэби закончат войну великой победой Америки...

С Тиббетсом остались самые близкие — майор Суиней, майор Ферриби, капитан Кирк, майор Изерли... Друзья не хотели оставлять его одного, они видели: старика подводят нервы. Решили заглянуть в офицерское кафе, пропустить по глотку виски. Их отвели в отдельную комнату, куда глухо доносился гул общего зала, он был полон — многие со скуки коротали здесь время. Когда сели за столик у окна, по которому сползали дождевые капли, и отпили из фужеров, Тиббетс обвел всех внимательным взглядом. Такие все разные — этот Ферриби с волосами дикобраза на голове, Кирк, незаметный, неразговорчивый капитан, на которого, он знал это, ляжет большая доля нагрузки, Изерли с тонким, задумчивым лицом. Суиней, твердый, самоуверенный до дерзости...

— Теперь вы знаете все. Вернее, знаете то, что должны знать, — сказал Тиббетс, сжимая в обеих руках короткую ножку фужера, сверкающего толстыми гранями стекла. — Скорее бы их доставили нам, машины и бомбы.

Ферриби сжал ему запястье огромной, волосатой, в рыжую дробь лапой.

— Ты сегодня сверх меры взвинчен, Пол. Это было заметно.

Вдруг заговорил майор Изерли:

— Скажи, Пол, когда ее... — Он ограничился таким местоимением, соблюдая конспирацию здесь, в кафе, где их могут подслушать. — Когда ее испытают?

— Насколько я знаю, потребуется еще более полугода.

Клод помолчал, что-то прикидывая в уме, глаза его были прикрыты.

— Война в Европе идет к концу. Остается Япония. Ты имел в виду ее, когда говорил о победе Америки?

— Разумеется, Клод. Но... — Тиббетс, привыкший, бессмысленно рассматривал фужер толстого шлифованного стекла. — Только бы она у нас была. С окончанием войны могут произойти непредсказуемые события. Если мы будем иметь ее, Америка станет во главе мира. Россия слишком измучена войной, она не скоро поднимется.

— Но это не совсем честно, Пол.

Ферриби поморщился — то ли от слов майора Изерли, то ли от жадности: его фужер был уже пуст. Майор Суиней тяжело повернулся к Клоду, кресло под ним заскрипело.

— Война, Клод. Что делать: выживает сильнейший.

— Не выпить ли нам еще? — сказал Томас со страдальческим выражением на лице.

— Нет, я пойду, — поднялся Тиббетс. — Как ты, Клод?

— Я думаю, довольно. Надо идти.

— Вот это в самом деле нечестно, Клод! — захохотал Ферриби.

Стояли темные сумерки, когда Тиббетс и Изерли вышли из кафе; в бледном сером закате смутно вырисовывалась гряда холмов, в стороне аэродрома влажно мерцали электрические огни. Эта заброшенность будто впервые обживаемой человеком землей в чем-то объединяла Тиббетса с натянувшим на голову капюшон, молчаливо шагавшим рядом Клодом. Ему вдруг вспомнилась весенняя свежесть вечера под нереально далекой отсюда Полтавой. Прошло всего несколько месяцев, а жизнь резко переломилась, но вот Клод-то, кажется, совсем не меняется...

Прежде чем разойтись, они немного постояли на хрустящей под подошвами щбенке. Тиббетс взял Клода за плечо, встряхнул.

— Ну, дружище, не раскисай. Мы солдаты. Это наш долг.

Майор Изерли ничего не ответил. Плотнее натянув капюшон, он зашагал прочь, во тьму, в мелкое сеево дождя.

## товар — прилавок — покупатель

### ПРОПАВШИЙ «КРОТ»

Более полутора месяцев потребовалось начальнику Всесоюзного промышленного объединения «Союзбытхим» В. Яблокову для того, чтобы отреагировать на опубликованное в «Огоньке» письмо читательницы журнала Е. Поляковой «Пропавший «Крот». Читательница спрашивала: отчего, из-за каких «объективных» причин исчезло из продажи такое нужное в быту чистящее средство.

Сообщив, что «Крот»-2 «средство удобное в применении и технологичное в производстве», В. Яблоков отмечает, что на 1986 год намечено выпустить около 1500 тонн (очень мало, отметим мы. — Ред.). Письмо «Союзбытхима» далее поясняет, что объемы выпуска планируются с учетом заключенных с торговлей договоров. «Заявок от торгующих организаций на увеличение выпуска средства не поступало», — пишет В. Яблоков и тут же заверяет, что объем выпуска препарата «Крот»-2 «может быть увеличен».

Все бы хорошо, не получи мы письмо от заместителя начальника Главкультабторга Минторга СССР В. Гудина: «При заявке торговых организаций Москвы 45 тонн препарата «Крот» ими закуплено у промышленности 22 тонны», что, как подчеркивает тов. Гудин, «вызывает справедливые жалобы покупателей». Значит, об увеличении выпуска препарата «Крот» торговля ходатайствовала. И это подтверждается и тем, что Главкультбторг снова попросил Минхимпром рассмотреть вопрос о значительном «увеличении производства этого препарата до объемов, обеспечивающих потребность». Письмо В. Гудина было направлено в Минхимпром за пятнадцать дней до того, как В. Яблоков написал свое письмо в редакцию. Остается предположить и догадываться: либо письмо-заявка Минторга не дошло до Минхимпрома, либо дошло, но там на него не обратили внимания. Есть и еще один вариант версии: два министерства решили поиграть в популярную ныне игру: «виноват не я, виноваты другие».

Может, промышленности и торговле вместо того, чтобы вести письменные баталии, встретиться, вместе определить объемы, которые обеспечивают потребность, и уже в этом году решить простейший вопрос с простейшим товаром?

Но как бы ни сложились взаимоотношения торговли и промышленности в споре о «Кроте»-2, следует сказать, что письмо, написанное, как сообщает В. Яблоков, от имени Министерства химической промышленности, отвечает (да и то, как видим, весьма своеобразно) только на один из поставленных в публикации вопросов.

В заметке, сопровождающей письмо читательницы, говорилось о том, что перестал выпускаться «шрифтоочиститель». Перестала торговля получать (может, не заказывает?) картотеки и другие недорогие, очень нужные изделия, ранее выпускавшиеся заводом по переработке пластмасс в городе Олайне.

Хотелось бы, чтобы в Министерстве химической промышленности внимательнее прочитали и письмо «Пропавший «Крот», и комментарий к нему, и эту публикацию. Надеемся, что ответ не потребует столько времени, сколько ушло на первое письмо из «Союзбытхима».

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ БЫТА

Продолжение следует.





Монумент Чхольима.

Новелла ИВАНОВА,  
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ (фото),  
специальные корреспонденты  
«Огонька»

# В стране утренней свежести

От Москвы до Пхеньяна восемь часов полета, но не задремлешь: вокруг оживленный говор — звучит немецкая, русская, польская, английская, венгерская, румынская, чешская речь. Что это, специальный рейс? «Обыкновенный рейс! — улыбается стюардесса. — Аэрофлот постоянно доставляет в Пхеньян гостей со всего света». Потом, во время поездки по стране, мы повстречали некоторых наших попутчиков: одни приехали в составе делегации, другие в командировку, а третьи — по туристической путевке. Часто мы слышали здесь русскую речь. В городе Вонсане на берегу Восточно-Корейского залива гостили загорелые туристы из Забайкалья, в Алмазных горах — жители Сахалина, а в столичной гостинице «Пхеньян» нашими соседями были спортсмены из команды московского «Динамо» по вольной борьбе и съемочная группа совместного корейско-советского фильма «Секунда на подвиг». И все эти встречи не были простой случайностью. Корейская Народно-Демократическая Республика широко распахнула двери перед зарубежными гостями, и девятнадцать миллионов жителей страны имеют возможность познакомиться с ними в передачах телевизионных новостей. Мы убедились в том, увидев на экране приезд... журналистов «Огонька»!

## ВСТРЕЧИ В ПХЕНЬЯНЕ

**Т**от, кто хочет увидеть Пхеньян с птичьего полета, отправляется на левый берег реки Тэдонган, на смотровую площадку 170-метровой башни, сооруженной из белых гранитных плит. Отсюда видишь, как красив город, где так органично сочетается национальная и современная архитектура. Здесь стоят дома в шестнадцать, двадцать, тридцать этажей, а недавно появились два здания более сорока этажей! Как же этому не подивиться, когда узнаешь, что летом 1953 года, когда героическая борьба народа заставила американских агрессоров подписать перемирие в Корее, от Пхеньяна оставались лишь завалы кирпича да несколько коробок зданий, опаленных напалмом!

На смотровой площадке рядом с нами оказался один из самых популярных киноартистов, Ким Зун Сик. Громкую славу принесла ему роль Ким Чака, прославленного командующего Народной армии, который погиб за свободу родины. «Фильмы о борьбе нашего народа за свободу всегда встречаются у нас с энтузиазмом, — заметил артист. — Должен сказать, что у нас постоянно показывают по телевидению и в кинотеатрах советские картины, они, особенно на темы войны, пользуются большим успехом. В характере наших народов есть эмоциональная близость, потому и наши песни здесь так любимы! 15 августа 1945 года навечно останется в благодарной памяти нашего народа!» Среди зеленых волн на горе Моранбон высится обелиск, увенчанный пятиконечной красной звездой. На нем высечены слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше укрепились узы дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник».

Прошлое и день сегодняшний неотделимы! Пхеньян просыпается очень рано, и сразу улицы наполняет поток грузовиков, которые везут людей, строительные материалы, овощи и фрукты, а командуют их движением, как правило, молоденькие регулировщицы в белой щегольской форме. И под землей тран-

спортом руководят женщины. В первый же день мы побывали в пхеньянском метро. Потребность в нем, как нам объяснили, была огромная. Ведь население столицы за последние полтора-два десятилетия возросло в два с половиной раза и перовалило за полтора миллиона! Первые станции метро появились двенадцать лет назад. Теперь их уже пятнадцать и строятся новые. Мы прошли по трем нарядным станциям, отделанным мрамором и гранитом, и с интересом рассматривали стены и потолки, расписанные картинами из истории борьбы корейского народа за независимость.

Пик городского движения — шесть часов. В это время улицы заполняют белые, розовые и голубые кофточки. Это торопятся домой корейки, у которых есть дети. Их рабочий день на час короче, чем у всех остальных. Сумерки опускаются на город по-южному внезапно, и Пхеньян очень экономно зажигает огни. Полуосвещенные улицы быстро пустеют. Экономия электроэнергии — необходимость, вызванная бурным развитием народного хозяйства. Энергетика, растущая стремительными темпами (за первую четверть века народной власти ее выработка, увеличившись в несколько раз, достигла в 70-м году 16,5 миллиарда киловатт-часов, а к завершению нынешнего года должна быть у черты 56—60 миллиардов), не поспевает за размахом преобразований. Ведь только на западном побережье страны, где идет массированное наступление на Желтое море и предстоит отгородить дамбами 300 тысяч гектаров приливной зоны, энергия потребуется в огромных количествах!

Пхеньян уже при первом знакомстве заставляет многому подивиться. Нас поразила идеальная чистота, царящая повсюду, и превосходно ухоженные сады и скверы. Их тут множество — ведь на каждого жителя приходится почти полсотни квадратных метров зеленых насаждений! Разгадка оказалась перед глазами: мы постоянно видели на улицах мужчин и женщин с метлой в руках и толпы школьников, спешивших после уроков с ведерками и мотыгами. Пхеньянцы гордятся

своей красивой многоэтажной столицей и следят за порядком так, как это делает хорошая хозяйка у себя в доме. Впрочем, такую же картину мы наблюдали и в других больших и малых городах во время поездки по этой стране.

Зарубежных гостей непременно привозят в парк на берегу реки Тэдонган. Здесь стоит знаменитый пхеньянский колокол. Пхеньяну полторы тысячи лет. Этот один из старейших городов Кореи долгие годы был торговым центром и главной крепостью на пути из Китая в Корею. Много раз город осаждали китайцы и японцы. В конце XVI века после кровопролитных боев у Пхеньяна была остановлена японская армия Хидэйси. Вскоре после этого события на крепостной стене появился трехметровой высоты колокол весом более тринадцати тонн. И всякий раз, когда враги угрожали родине, пхеньянский колокол мощным набатом призывал к борьбе.

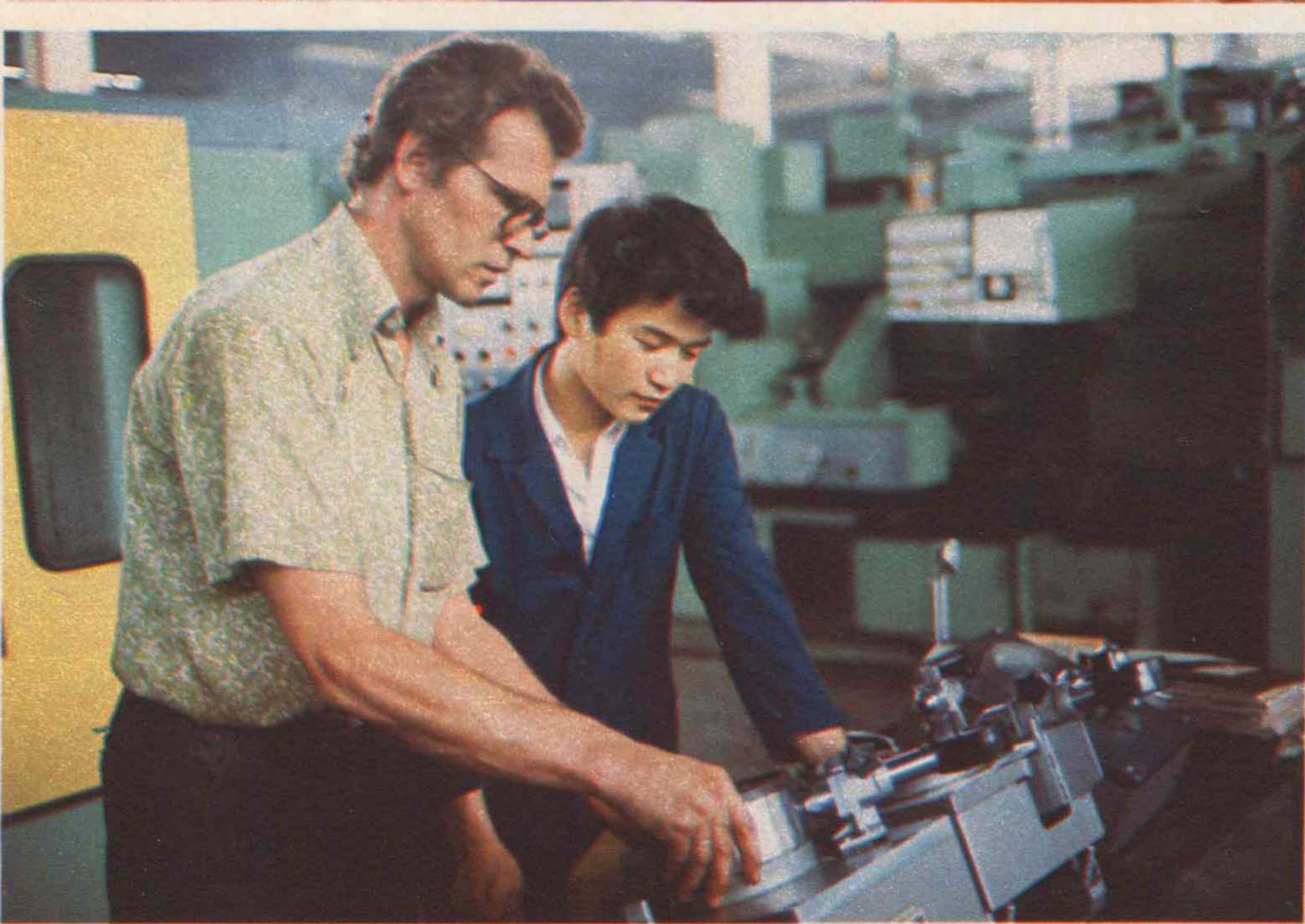
И теперь его торжественный звон разносится по всей стране. В новогоднюю ночь один из должностных столицы получает почетное право возвестить ударом в колокол о наступлении Нового года. Нынешний год — год двух знаменательных юбилеев — 40-летия освобождения страны и 40-й годовщины создания Трудовой партии Кореи. Он ознаменован успешным выполнением второго семилетнего плана развития народного хозяйства. По данным ЦСУ страны по выполнению этого плана, объем валовой продукции промышленности вырос в 2,2 раза, а национальный доход — в 1,8 раза. В прошлом году собран рекордный урожай зерна — 10 миллионов тонн. За эту семилетку появилось почти 18 тысяч новых предприятий и цехов. В их числе промышленные объекты, сооруженные при содействии Советского Союза.

Мы решили побывать на одном из них и отправились на Ренсенский подшипниковый завод. Строительство этого гиганта (спроекти-

Здравствуй, маленькая Зен Хи! \* Наставник и ученик: В. Муравьев и Хан Сок Чор за наладкой станка \* Ворота Тэдонмун \* В метро \* Моранбон. У входа на территорию, где стоит памятник советским воинам.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:  
Пак Ен Сир — учительница математики \* Большой театр \* Школьники Пхеньяна.



















рованного в Москве) на окраине Пхеньяна началось в январе 1983 года. Спустя год уже стояли все производственные корпуса. Еще не выросли кусты и деревья, посаженные на раскаленном солнцем заводском дворе, по которому нас ведут начальник объекта инженер Пак Дён Голь и начальник иностранного отдела Ким Ён Сонь, но главное, как они считают оба, уже сделано — освоен выпуск четырех видов подшипников. А с пуском завода на полную мощность (это намечается сделать к 15 августа) ежегодно будет производиться 10 миллионов подшипников двухсот видов.

— Почти все оборудование на заводе советское, — по-русски объясняет инженер Пак. Он не раз бывал в Москве, Харькове, Ленинграде и сам отбирал для закупки через «Проммашэкспорт» все оборудование для нового предприятия. Мы шли по просторным цехам и, услышав в цехе железнодорожных подшипников русскую речь, остановились. Советские наладчики что-то горячо обсуждали с корейскими специалистами. Кто такие?

— Мы с Московского завода автоматических линий. Вот приехали сюда, чтобы наладить наши станки, сдать их в промышленную эксплуатацию и обучить работе на них корейских друзей, — говорит старший инженер по автоматическим линиям Валентин Муравьев и представляет нам своих товарищей мастеров-наладчиков Павла Абросова, Виктора Верещагина, Валентина Шулика и его тезку Иванова.

Нам интересно было познакомиться не только с наставниками, но и с их учениками.

— Дела идут хорошо, — по-русски говорит Хан Сок Чор, которого опекает Муравьев. — Скоро я уже буду работать наладчиком на круглом шлифовальном автомате самостоятельно. Мне очень нравится этот умный станок.

— Где русскому выучились?

— На Харьковском ГПЗ. Там я практиковался несколько месяцев.

...Назавтра мы отправились в Центр матери и ребенка, построенный пять лет назад. До сих пор не приходило нам при входе в медицинское учреждение снимать обувь и надевать тапочки, как в музее. А тут пришлось! Но, попав в этот мраморный дворец, где полы застелены инкрустированными ценными камнями, мы уже не удивлялись тому, что пациенты оставляют свою обувь у входа, а туристы толпами ходят по этажам. Тут было чему подивиться! И не только вкусу дизайнеров, мастерству строителей. Оснащенный первоклассным медицинским оборудованием, Центр решает много важных задач по охране здоровья матери и ребенка, а также ведет научную разработку новых лечебных препаратов, которые и создаются здесь же, в отделении восточной медицины.

— В Центре работает тысяча четыреста человек, — рассказал Юн Мин Чу, начальник отделения лечения средствами восточной медицины. — Ежедневно мы принимаем около пятисот больных, приезжающих со всех концов республики, к тому же в нашем центре каждый день появляется 30—40 младенцев. И должен сказать, что шестьдесят процентов всех лекарств, которыми мы лечим, созданы здесь при участии такого известного специалиста в области восточной медицины, как доктор Ким Дэн Вон.

Конечно, нам захотелось познакомиться с этим человеком! Отыскать отдел, которым он руководит, пожалуй, можно было и без провожатых — крепкий запах трав разносился по всему этажу. Любезно встретивший нас доктор Ким провел по кабинетам-лабораториям. Здесь с помощью оборудования, сделанного в нашей стране и ГДР, изготавливаются всевозможные лекарства, начиная с порошка от насморка и кончая препаратом-новинкой, который предупреждает астму и гипертонию. В основе бесчисленного множества лекарств, которые созданы доктором Кимом за 26 лет работы, заложен многовековой опыт восточной народной медицины. На его рабочем столе лежит несколько увесистых томов. Показывая их, он говорит:

— В пятнадцатом веке в нашей стране жил

замечательный врач Ли Зун, который собрал и нам оставил бесценные дары — рецепты приготовления лекарств и методы лечения, существовавшие многие сотни лет назад. И вот теперь его труды наконец-то переведены, и мы с благодарностью используем в своей работе! Тут, очевидно, надо пояснить читателям, что Корея, страна многовековой истории, до пятнадцатого века не имела своей письменности и использовала иероглифическую письменность Китая. В 1403 году здесь был изобретен первый в мире металлический шрифт для печатания, а спустя сорок лет появилась корейская национальная письменность.

— Чем вы объясните такую популярность в Корею народной медицины?

— Это верно — наш народ предпочитает лекарства восточной медицины другим современным препаратам. Дело в том, что лекарства, приготовленные на основе трав, лечат не только конкретную болезнь, но оказывают действие на оздоровление всего организма в целом. Во всех наших медицинских учебных заведениях существуют факультеты восточной медицины.

— Если не секрет, над чем вы работаете сейчас?

— Над созданием уникального лекарства, которое надолго продлит жизнедеятельность женского организма. Это значит, что женщина будет оставаться молодой намного дольше, чем сегодня!

Доктор Ким, помолчав, продолжил:

— А знаете, почему я стал врачом? Мой отец умер от болезни, когда мне было всего три года. При японских колонизаторах Корея была страной неграмотного, обнищавшего народа, который носил болезни. Отец мой погиб, хотя его можно было вылечить, если бы у нас в доме были деньги. И после освобождения, хотя мне было всего десять лет, я твердо решил — буду лечить людей! Всем, чего я достиг, я обязан своей стране, своему народу. Здоровье каждой семьи — это здоровье народа. Ради этого я и работаю!

Ну, а семьи здесь, как правило, крепкие (разводы тут — большая редкость!) и многочисленные: четверо, а то и пятеро ребятишек. Вот и получалось, куда бы мы ни пришли — всюду видели молодые лица. На улицах Пхеньяна пионеры, завидев зарубежного гостя, отдают салют, а мальчики — те непременно сдернут с головы синий картуз. Мы обратили внимание, что они одеты в одинаковые клетчатые рубашки, темные брюки, а девочки — в синих сарафанчиках и светлых кофточках.

Учащихся техникумов можно узнать по светло-зеленым костюмам, а студентов по темно-зеленым сарафанам. В стране насчитывается 216 вузов и 576 техникумов, где обучаются шесть миллионов юношей и девушек. И всех их страна одевает бесплатно. Школьники к тому же получают портфели, учебники и спортивную форму. Понятно, что это требует средств, и немалых. Но социалистическое государство идет на такие расходы, хотя вынуждено пока еще осуществлять нормированное распределение некоторых продуктов питания, одежды. На 10-м Пленуме ЦК Трудовой партии Кореи была поставлена задача: «В ближайшее время решительно увеличить производство ткани, одежды, обуви, масла, кондитерских изделий, сделать жизнь населения более зажиточной».

«Дети в нашей стране — короли!» — часто слышали мы здесь. Так оно и есть!

Неподалеку от столицы находится местечко Мангендэ. Тут родился и вырос Генеральный секретарь ЦК ТПК, Президент КНДР товарищ Ким Ир Сен. Поблизости от дома-музея, куда постоянно приходит множество людей, устроен детский городок аттракционов. На огромной площади 600 тысяч квадратных метров раскинулся парк с аттракционами.

Перед отъездом из Мангендэ мы поднялись и беседке «десяти тысяч видов». Отсюда и впрямь открывались живописнейшие картины. Вместе с нами ими залюбовалась группа молодых девушек. Это были учителя начальных и средних школ отдаленной провинции, приехавшие на экскурсию. Пак Ён Сир, которую вы видите на фотографии в этом номере, рассказала, что она из рабочей семьи, окончила столичный учительский институт и преподает математику в средней школе.

— В нашей стране, — сказала она, — школьники хорошо знают историю освободительной борьбы своей родины и роль Советского Союза в разгроме общего врага. В школах преподаются русский, и ребята с интересом его изучают.

Возвращаясь в гостиницу, мы остановились на площади у Триумфальных ворот. Школьницы в красных и голубых спортивных костюмах разучивали гимнастические упражнения. Шла репетиция к предстоящему празднику. А чуть в стороне, на зеленом пригорке устроились с книжками пятеро девочек с красными и розовыми бантами на макушке. Я подошла поближе и, заглянув в книжку, прочитала написанные по-русски фразы: «Мой брат работает трактористом. Моя мама — учительница. Я живу в Пхеньяне». Пионерское звено второклассниц средней школы района Кинзе дружно готовило домашнее задание. «Что вы хотите передать

советским ребятам?» — спросила я у девочек. «Мы хотим дружить с ними!» — сказала одна. «И чтобы дружили дети всех стран!» — сказала вторая, а третья, самая бойкая девочка, старательно написала в моем блокноте русскими буквами МИР.

## ПУТЕШЕСТВИЕ К АЛМАЗНЫМ ГОРАМ

«Если вы не побываете в Кымгансане — значит, не увидите нашей страны!» — сказали коллеги из партийной газеты «Пхеньян синмун», которые взяли на себя заботы о нашей рабочей программе. С Кымгансаном — Алмазными горами связано множество легенд. Суровые скалы Чхоллима и каскады водопадов увековечены в полотнах художников, поэтами созданы о них стихи, а композиторами написаны песни о героях, сражавшихся здесь с врагами в годы освободительной войны 1951—1953 годов.

Мы едем в Кымгансан. В пути убеждаемся: горы, захватив 80 процентов территории, оставили людям всего-навсего 18 процентов пахотной земли. Но зато как рачительно и по-хозяйски заботливо относятся здесь к каждому клочку земли, пригодному для сельского хозяйства! Рисовые чеки порой взбираются на такие кручи! Ограды из камня оберегают эти рисовые поля от ливневых дождей и оползней, а кулечки из особой бумаги, в которых дозревает каждое яблоко и каждая груша в садах, помогают вырастить урожай почти без червоточинки. Мы проезжали нежно-зеленые рисовые поля, по которым, словно огромные детские кубики, были разбросаны белые буквы. «Все на борьбу с сорняками!» И сорняк не знает пощады: на полях под дождем работают крестьянки. Вдоль дороги школьники, присев на корточки, расчищают обочины шоссе, где посажены помидоры, салат, капуста. Рис и овощи, приготовленные с обжигающей приправой из перца, — главная крестьянская еда. Особенно здесь любят и много едят салатной капусты. Мы видели, как волы тащили повозки, доверху груженные этой капустой (так у нас обычно грузят сено!). Но коров мы почти не встречали. Разведение крупного рогатого скота для страны с ограниченными земельными угодьями — дело непростое, и курс взят на свиноводство и птицеводство.

Мы мчимся по широкому бетонированному шоссе со скоростью 120 километров. За годы народной власти в Корею построены сотни километров первоклассных дорог. На нашем пути двадцать тоннелей, причем один из них протяженностью свыше четырех километров!

Стоит жаркая дождливая погода. Начался сезон «сливовых дождей». В эту пору до победы революции никто не решался на путешествие — нигдежные дороги становились непроходимыми. Сохранился дневник русского любознательного купца Павла Делоткевича, который в 1885 году отважился пешком за три месяца пройти всю страну и оставил описание ужасающей нищеты корейских крестьян. Но первыми русскими, ступившими на эту землю, были моряки фрегата «Паллада», которые обследовали в 1854 году прибрежные воды Корейского полуострова. Среди них был писатель И. А. Гончаров, описавший впоследствии свои впечатления в известной книге «Фрегат Паллада». До того времени в России почти ничего не знали о Кореи, и только после 1884 года, когда Россия заключила с Кореей торговый договор и были установлены дипломатические отношения, научные экспедиции отправились в эту далекую, неизвестную страну. В одной из них побывал писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, который собирал корейские сказки, легенды.

«По долинам, по загорьям шли дивизии вперед», — негромко запевает наш коллега Ким Рё Зу, из пхеньянской газеты.

«Чтобы с боем взять Приморье, —

Белой армии оплот», — радостно подхватывает мелодию наш переводчик, молодой сотрудник МИДа Ким Су Чер, а сидящий за рулем невозмутимый Го Тхэ Ун оборачивается с белой улыбкой, словно пригласив и нас войти в песню. И мы поем. Вот уж никогда бы не подумали, собираясь в эту командировку, что нам придется так много петь! Но самым неожиданным было то, что Ким-большой и Ким-маленький — так мы называли однофамильцев (здесь это такая же распространенная фамилия, как Иванов или Петров) знали слова наших песен гораздо лучше нас. Правда, репертуар у них был во многом разный. Ким-большой знал старинные русские романсы, песни времен гражданской и Отечественной войн, а Ким-маленький к тому же еще и распевал песни Тухманова, Пугачевой, Антонова. Но это неудивительно, если принять во внимание, что у них разница в возрасте — четверть века. Это жизнь двух поколений, отцов и детей.

Ким-маленький — столичный житель. Он, как и его ровесники, счастливо вступил во взрослую жизнь. Школа, университет, интересная работа. Он очень ответственно относится к переводу с русского языка, стараясь попутно

На прогулке в парке Мангендэ \* Художница Дзон Мин Ок работает в пхеньянском Институте вышивки \* Алмазные горы \* В руках у доктора Ким Дэн Вон его новые лекарства \* В Кочханском сельскохозяйственном кооперативе имени корейско-советской дружбы \* Выходной день на горном озере Самильпхо \* Они несут службу в Пханмунджоме.



узнать как можно больше о нашей стране и ее людях. «Мечтаю поработать в Москве!» — сказал он, когда мы спросили его о планах. Для него главные авторитеты в жизни — отец, кадровый военный, и мать, директор школы. «Без совета родных, и особенно отца, у нас в семьях не принято делать ни одного важного шага», — говорит Ким. — Со старых времен осталась и другая традиция — женатые сыновья обязательно остаются в родном доме, чтобы оберегать старость родителей!»

Ким-большой — отец двоих детей. Сын служит в армии, а дочка — студентка, будет инженером-химиком. В нашей стране Ким-большой бывал не раз, а русский выучил самостоятельно еще мальчишкой. Мы заинтересовались и попросили рассказать, как это было. Человек очень скромный, даже застенчивый, он долго отнекивался. Но мы не отступились и ушли из истории судьбы, которую смело можно назвать типичной для этого поколения.

Он родился и вырос в крестьянской семье в тех местах, куда мы держали путь. Когда в сорок пятом пришла свобода, ему исполнилось десять лет. Однажды, совсем случайно в руки мальчика попала книга. Это был «Японско-русский словарь». Заинтересовавшись, он стал заучивать русские слова, ведь на этом языке говорили советские солдаты, которые принесли в страну свободу! Увидев на родном языке книгу Ленина «Что делать?», Ким принялся за чтение и... ничего не понял! Тогда-то он и решил во что бы то ни стало выучить русский. Эти планы разрушила война, развязанная американскими агрессорами. На глазах четырнадцатилетнего подростка американские солдаты повесили мать и отца. Так расправлялись со всеми, кто был коммунистом или сочувствовал им. Старший брат, работав в железнодорожном депо города, стал помогать партизанам и надолго то и дело исчезал из дома. Старшая сестра вместе с мужем тоже участвовала в борьбе с врагами. Маленькую сестренку забрали в деревню родные, и юноша отправился в Алмазные горы, туда, где находилась Народная армия.

— Долго упреждал я командира, чтобы меня взяли с собой и дали оружие. Мне говорили: «Мал еще, подрасти, тогда и будешь воевать!» Но в конце концов я стал, как у вас говорили, «сыном полка». Сначала был часовым, а потом меня определили в разведку. Однажды, возвращаясь с задания, мы напоролись на врага и вступили в бой. Нас было тринадцать, а вернулось семеро, причем четверых тяжело ранило. В их числе был и я...

— А что было потом? Как сложилась ваша судьба?

— Долго лечился, но все же пришлось из армии уйти. Когда война закончилась, меня послали учиться в Пхеньянский университет на философский факультет.

...Мы приближались к Вонсану. Горная дорога пошла вниз крутым серпантинном, и мы увидели море. Синей полоской оно прижалось к горизонту, и горы, словно пытаясь отогнать море в сторону, сбросили в него тяжелые каменные глыбы. Красота-то какая! Машина стремительно вписывается в поворот, другой, третий, и вот уже совсем рядом желтая кромка пляжа. Но... что это? Рядом с машиной на расстоянии вытянутой руки появилось проволочное заграждение под током высокого напряжения. Два смертоносных ряда проволоки протянулись на многие километры. Так охраняется здесь открытая с моря территория страны, которая постоянно подвергается провокациям с Юга.

Вот и Вонсан! Этот город на холмах был, как и Пхеньян, разрушен до основания и так же, как столица, отстроен заново. Теперь это не только курорт, сходный по климату и растительному миру с Южной Италией, но и крупный промышленный центр. Тут живут вагоностроители, корабелы, текстильщики, химики.

До Кымгансана мы домчались очень быстро. День, проведенный на туристских тропах этого сказочного царства двенадцати тысяч пиков и ста горных водопадов, останется в нашей памяти. И еще останется в памяти песня о горном перевале Ончон. В годы минувшей войны этот перевал связывал фронт с тылом. И до чери Кореи, хрупкие, миниатюрные, словно статуэтки, носили на своих плечах вверх и вниз по перевалу боеприпасы и продовольствие для бойцов Народной армии.

«Ты помнишь этих девушек, перевал Ончон! — поется в этой песне. — Расскажи людям об этих героинях!»

#### НА 38-Й ПАРАЛЛЕЛИ

Кэсон. Знаменитые крепостные ворота Намдэ-мун. Когда-то через них сюда въезжал император династии Корё. При этой династии Кэсон с X по XIV век был столицей этого государства. И европейское название полуострова идет от этой династии. Португальские моряки услышали его и завезли в Европу, и хотя корейцы называют свою страну Чосон — Страна утренней свежести, у европейцев она стала известна как Корея.

От прежнего Кэсона с узкими улочками, мощенными каменными плитами, почти ничего

не осталось. Он сильно пострадал от варварских бомбардировок. Здесь, как и повсюду, все отстроено заново. Но мы отыскали одну старую улочку, где дома, отделанные темно-бордовой керамической плиткой, так тесно прижались друг к другу, что казалось, будто это одно здание с окнами, расчерченными темными геометрическими узорами.

— Это особенность постройки домов на юге Кореи! Говорят, что в старину можно было по крышам домов пройти всю улицу! — объясняет Ким-маленький и ведет нас на древнее кладбище, где чудом уцелели... черепахи! Они там стоят две одинаковые, словно близнецы, многотонные черепахи из серого гранита. Надпись гласит, что поставил их 250 лет тому назад правитель этих мест в честь одного своего придворного, чтобы народ был таким же верным и стойким, как он. Вот и стоят с той поры черепахи — символ долголетия и верности... Есть на улицах этого города еще один любопытный памятник, созданный в наше время. Это фонтан, который венчают странные фигурки, и, присмотревшись к ним, видишь: это же знаменитый жених, который в Корею называется инсамом.

Чхон Ги Хен, заместитель председателя народного комитета провинции Кэсон, которого мы спросили об этом необычном фонтане, ответил:

— Так ведь наша провинция — родина «корня жизни». Плантации инсама у нас большие, выращивать его нелегко. Ребенок родится, станет школьником, прежде чем мы соберем урожай «корня жизни». Считается, что 7—8 лет — срок, необходимый для того, чтобы он обрел всю силу. Из нашей провинции идет эта продукция на экспорт. Вот и решили жители города поставить такой необычный фонтан!

Наш собеседник — уроженец этого города и участник борьбы с американскими агрессорами.

— Хотя Кэсон был пять веков столицей древней Кореи, сегодня он больше известен из-за близости к деревушке Пханмунджом, где 32 года назад было подписано соглашение о перемирии, остановившее войну, — говорит он. — Ежегодно к нам сюда на 38-ю параллель приезжают до 900 делегаций из разных стран мира — почти восемь тысяч человек! Сейчас, например, сюда приехала киногруппа японской телекомпании Эн Эйч Кей, чтобы снять фильм о тех семьях, которые на долгие годы разлучила военная демаркационная линия.

— И много здесь таких семей? — Примерно семьдесят процентов! По данным ООН, двадцать процентов жителей Севера и Юга Кореи являются членами разделенных семей, то есть каждый пятый кореец. Наша страна прилагает много усилий к тому, чтобы эти семьи могли встретиться. Но всякий раз позитивные инициативы КНДР наталкиваются на противодействие Юга. Взять хотя бы инициативу нашей страны о встречах родных! Южнокорейская сторона поставила условие — предварительно составить список всех разделенных семей, а если учесть, что их более десяти миллионов, то на составление его и уточнение уйдет много лет.

Мы попросили товарища Чхона рассказать о городе и провинции.

— В Кэсоне живут триста тысяч человек. Вы, наверное, обратили внимание, как много тут построено. Так вот, с гордостью могу сказать, что в основном мы решили жилищную проблему. Люди живут в двухкомнатных, трехкомнатных квартирах. Я-то хорошо помню, как в дни агрессии людям приходилось жить под землей, а потом в землянках... В эту провинцию, кроме города, входят еще три уезда. Так что на шестьдесят процентов наша провинция сельскохозяйственная, а на сорок — промышленная. В сельском хозяйстве главная культура — рис. Промышленность тут в основном легкая и текстильная, причем мы обеспечиваем восьмидесять процентов жителей провинции своей продукцией. Кстати, наша текстильная фабрика работает на советском хлопке, и у нас часто бывают советские текстильщики, приезжал и министр. Сегодня, когда мы готовимся отпраздновать 40-летие освобождения родины, хочется сказать советским людям: никто из нас не забыл и не забудет никогда, что именно ваша страна вынесла на себе главную тяжесть во второй мировой войне и что советские воины помогли нам обрести свободу! Мы благодарны Советскому государству за то, что оно поддерживает борьбу нашего народа за вывод иностранных войск из Южной Кореи и объединение родины на мирной, демократической основе.

...Утром следующего дня отправляемся на 38-ю параллель.

На этот раз члены нашего «экипажа» остаются в гостинице и за руль садится незнакомый человек. Сотрудники администрации на демаркационной линии предвительно снимают с нашей машины номер и прикрепляют специальный флажок — знак того, что они сопровождают гостей. Этой же операции подвергается машина, в которой одновременно с нами отправляется в Пханмунджом делегация Народной Демократической Республики Йемен. Обе машины медленно выезжают за городскую черту. Кэсон остается позади, и мы въезжаем на проселочную, в ухабах дорогу. Наш путь недалек — всего семнадцать километров. Через полчаса мы уже попадаем в узкий коридор между двумя рядами проволочного заграждения. У въезда по обе стороны — огромные валуны, по-

ставленные с таким расчетом, чтобы в случае необходимости можно было завалить выезд на дорогу. Такие же каменные глыбы разбросаны вокруг на полях. «Смотри-на, да ведь это же противотанковые надолбы», — негромко произносит бывший фронтовик Дмитрий Николаевич Бальтерманц. Машина сворачивает с пыльной дороги на асфальтированную площадку перед невысоким павильоном. Нас приглашают зайти. Тут макет района Пханмунджом, и корейский офицер с указкой в руках дает объяснения. В соответствии с соглашением о перемирии в Корею военно-демаркационная линия пролегает по 38-й параллели. Войска обеих сторон от этой линии отведены на два километра, а между ними находится четырехкилометровая демилитаризованная зона. В центре ее расположены семь барачков — три выкрашены в голубой цвет, остальные в белый. Это и есть Пханмунджом, где периодически заседает Военная комиссия по перемирию в Корею. Здесь же работает нейтральная комиссия по наблюдению за перемирием, которая состоит из представителей Польши, Чехословакии, Швеции и Швейцарии. Их коттеджи находятся неподалеку.

Но прежде чем мы увидим все это воочию, нам показали короткую документальную киноленту. Вот лица тех, кто под маской «освободителей страны» фактически оккупировал территорию к югу от 38-й параллели. В то время как в Северной Корею создались условия для установления подлинно демократических порядков, на Юге после высадки в сентябре 1945 года американских войск были разогнаны народные комитеты, начались аресты патриотов. Отвергнув в 1947 году предложение нашей страны об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск, США протаскивали на сессии Генеральной Ассамблеи ООН решение об отправке на юг Кореи Временной комиссии ООН и начали готовить «выборы» в Национальное собрание. Они состоялись, и провозглашение Корейской Республики узаконило раскол Кореи. На кинокадрах — свидание двух главных лиц этого фарса: Даллеса и доставленного из США предателя корейского народа Ли Сын Мана. Оба оживленно беседуют в саду, довольные друг другом. План объединения Севера и Юга под эгидой послушной марионетки уже готов. Под прикрытием лживой завесы «об угрозах со стороны Севера» 25 июня 1950 года южнокорейская военщина начала боевые действия. Вот эта мирная земля, по которой мы только что ехали, — она в дыму пожаров. Убитые женщины, дети, старики... Перед нами прошли страницы агрессии и страницы мужества, храбрости бойцов Народной армии, которая уже через два месяца контролировала на 90 процентов территорию Южной Кореи. И снова американские «радетели за свободу» Кореи приходят на помощь марионетке. На полуостров высаживается крупный американский десант. Его стойко отразила КНДР, и 27 июля 1953 года США были вынуждены пойти на подписание соглашения о перемирии.

...С балкона второго этажа здания корейской военной администрации смотрим в бинокль на ту сторону от 38-й параллели, где стоят и в упор разглядывают нас два американских солдата в белых касках с буквами «MR». Бинокль переходит из рук в руки. Вглядываясь в дальние сопки, поросшие лесом, — где-то там проходит невидимая отсюда 240-километровая бетонная стена высотой в пять метров. На ней наблюдательные пункты и огневые точки. А за стеной — свыше 40 тысяч американских солдат. 40 военных баз и объектов, около тысячи единиц ядерных боезарядов.

Может быть, как раз на одном из тех наблюдательных пунктов, который я вижу в бинокль, стоял осенью прошлого года Ким Сон Чжин. Сын бедного крестьянина из Южной Кореи, он долго с трудом пробивался в люди, но не сумел закончить Пусанский институт иностранных языков — был завербован в армию. Всего пять месяцев прослужил юноша в «армии национальной обороны», а когда проходил службу в демилитаризованной зоне, взорвал гранатой колючую проволоку и побежал на другую сторону. «У меня была одна мысль — умереть на земле свободной Кореи! Я не хотел больше жить в обществе, где любой человек без денег и поддержки властей подвергается оскорблениям», — сказал Ким Сон Чжин. Теперь он студент одного из вузов КНДР.

...Свидание с Пханмунджомом закончено. Минуты проволочные заграждения, выезд на пыльную сельскую дорогу вдоль обмелевшей речки. Женщины расстелили на траве только что выстиранное белье. С визгом плещутся ребятишки. Зеленеют рисовые поля. А вдали, там, где стоят дома, построенные для членов сельского кооператива Пханмун, слышна песня. Это поют строители, которые ставят еще один новый дом на своей земле. И мы верим, что придет день, когда не будет здесь ни проволочных заграждений, ни каменных надолбов, а будет и «на той стороне» стоять дома, построенные свободными людьми единой демократической Кореи, древней и прекрасной Страны утренней свежести!

Пхеньян — Москва.



Укрепление порядка и дисциплины диктует ответственный, творческий подход ко всем областям хозяйственной и культурной жизни. Поднимая сегодня вопрос о печальной судьбе бывшего некогда одним из лучших мемориальных музеев страны музея-усадьбы «Мураново» имени Ф. И. Тютчева, мы хотим обратить внимание на проблему сохранения и реставрации памятников истории и культуры, тем более важную, что она связана не только с материальной, но и духовной жизнью нашего и грядущих поколений.

Мураново, выдающаяся, неповторимая мемориальная усадьба, многие десятилетия с первых лет Советской власти оставалось поистине эталонным музеем Тютчева и Баратынского.

Судьба усадьбы благодаря бережной заботе ее хранителей складывалась на редкость удачно и в XIX веке, и в послереволюционные годы XX века.

Известно, что В. И. Ленин высоко ценил поэзию Тютчева. В 1918 году Ленин подписал список памятников великим людям, в котором стояло и имя Тютчева. А в 1920 году в Муранове был создан Литературно-мемориальный музей имени Ф. И. Тютчева.

И, пожалуй, кроме Ясной Поляны и дома Л. Н. Толстого в Москве, не было в России мемориальной усадьбы, дошедшей до наших дней в такой абсолютной подлинности, как Мураново.

\* \* \*

Начало марта прошлого года было пасмурным, то подмораживало, то оттепель торопила весну. Что-то лихорадочное было в природе. Лихорадило и коллектив музея-усадьбы Мураново. Ответственные за сохранность экспонатов сотрудники категорически противились разборке экспозиции и перевозке ее в неподготовленные помещения. По холодным залам и комнатам главного дома усадьбы ходили озабоченные люди, споря и сердясь порою.

И все же пришлось собрать портреты, книги, мебель, множество старинных, уникальных вещей и перевезти их под сводами двух больших церковных помещений, совершенно не приспособленных для хранения фондов. Что касается портретов, то они оказались в такой же тесноте и духоте (что им особенно вредно), как наши современники в транспорте в часы пик. Так теперь уже второй год в неподобающих условиях и «хранятся» ценнейшие произведения изобразительного и прикладного искусства — картины замечательных мастеров, фарфор, бронза, уникальная, мемориальная мебель, архивы, старинные фотографии, обширная библиотека и т. д. и т. д.

О значении Муранова написано много. Известны слова Максимилиана Волошина: «Погибни Мураново, нарушится этот изумительный «ансамбль» — вместе с ним утратится живой ключ к истокам русской философской поэзии, перестанет быть осязаема связь быта и пейзажа с лирикой Баратынского и Тютчева». «Погибни Мураново...» — как пугающе реально звучат эти слова сейчас.

Конечно, за более чем вековую историю мурановскому дому пришлось немало пережить. Его не раз перестраивали, ремонтировали, а с тех пор как в Муранове открыт музей — и реставрировали, причем, быть может, не всегда достаточно квалифицированно. Особенно тяжело пришлось дому в последние десятилетия: не был он готов принять ту массу экскурсантов, которые буквально штурмовали усадьбу в нашу эпоху туристского взрыва. Да и возраст и состояние постройки, несомненно, требовали реставрации. Но какой? Ответ напрашивается совершенно определенный — бережной по отношению к уникальному памятнику культуры; компетентной по исполнению и уж, во всяком случае, добросовестной.

Что же получилось на деле, когда за Мураново взялись специали-

сты треста «Мособлстройреставрация» (управляющий Ю. В. Кузнецов)? К осени 1984 года от усадебного дома остались одни стены да крыша, изнутри он был полностью разобран — сняты облицовочные конструкции, перегородки, двери, рамы, полы, причем мемориальный паркет снимали порой без должных предосторожностей. Со всех печей и каминов сняты изразцы, многое испорчено.

Капризы погоды интенсивно разрушают ободранные, обнаженные несущие конструкции дома. Из раскопанных глубоких шурфов и ям в помещения попадает влага — все это губительно для здания.

Да, собственно, дома уже и нет сегодня, а оставшаяся коробка может и не пережить следующую зиму.

А ведь по правилам дом в Муранове следовало реставрировать не только с предельной тщательностью и осторожностью, но и с максимальной скоростью, чтобы не дать сырости, морозам, жаре и иным отрицательным факторам далее губить постройку.

На деле получилось так, что не только реставрировать не начали, а и некоторые демонтированные детали дома (мемориальные, между прочим) сохранить не удалось.

## ЧП В МУРАНОВЕ

лись. И давно угас костер, в котором они сгорели.

Если же замечательный паркет и другие детали здания больны и требуют, как то утверждают работники «Мособлстройреставрации», лечения, специальной обработки, то почему никто не проводит ее уже годы и, кажется, проводить в ближайшее время не собирается?

Можно уверенно утверждать, что ни один из тех, кто приложил руку к бедам усадьбы в Муранове, не поступил бы так при ремонте собственного дома. Был бы вовремя завезен необходимый и перво-сортный материал, составлены планы, работы не прерывались бы не то что на годы, но и на часы. Но Мураново не свое, оно государственное, и действовать там оказалось возможно с вопиющей безответственностью.

Покажется невероятным, что разборка экспозиции и интерьера, разрушение самого дома были начаты без планов последующего восстановления. Это уже является грубейшим нарушением существующих порядков производства реставрационных работ, да и здравый смысл говорит, что нельзя было начинать разборку здания, не организовав дело так, что-

бы немедленно перейти к восстановлению демонтированного.

Но беды Муранова этим не ограничиваются. В 1977 году решением Мособлсполкома были утверждены охранная зона музея, зоны регулирования застройки и охраняемого ландшафта. По этому документу подлежит сносу все, что противоречит исторически сложившемуся пейзажу вокруг усадьбы. Контроль за исполнением решения был возложен на руководство Главного управления культуры Мособлсполкома (начальник В. Я. Азаров). Однако упомянутое решение осталось на бумаге. Никто и не подумал благоустроить мурановские ландшафты. Наоборот, здесь возникали все новые, искажающие пейзаж, природный баланс и гидрогеологический режим сооружения. Немало вреда приносит музею прижавшаяся к нему вплотную молочная ферма совхоза «Майский». Значительно повысился уровень грунтовых вод.

Старые, засорившиеся дренажи вблизи главного дома, разумеется, не смогли отводить подстилающую грунтовую воду. Фундаменты стали деформироваться. В стенах кое-где появились трещины. И вот тогда-то были произнесены панические слова — «аварийное состояние».

Между тем проект реставрации дома в Муранове (автор И. А. Леваков) появился лишь совсем недавно, причем он весьма дискуссионен. Представляется совершенно необходимым компетентное обсуждение и решение всех проблем Муранова с участием архитекторов-реставраторов и других

специалистов самой высокой квалификации.

А предварительные рассмотрение проекта убедили специалистов научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР в том, что в Муранове предполагается, по сути, постройка нового здания, с новыми фундаментами, новыми кирпичными стенами, железобетонными перекрытиями, медной кровлей. Защитники проекта утверждают, что хотели бы гарантировать долговечность сооружения. Но практика знает множество случаев, когда реставрация мемориальных зданий достигалась без излишних хирургических операций, без новоделов.

Заметим, что необходимых проектов инженерных коммуникаций (отопления, вентиляции, электро-снабжения) нет по сей день; и неизвестно, кто их будет выполнять.

Трест «Мособлстройреставрация» относится к числу тех немногочисленных пестроплановых организаций, которые финансируются из очень многих источников. Он выполняет как чисто строительные, более выгодные, так и реставрационные работы. Трест сам для себя проектирует и сам

расценивает стоимость своих работ. Благодаря всему этому «Мособлстройреставрация» имеет очень большие возможности быть всегда, как говорится, «на коне».

Сегодня хозяйственный двор Муранова устлан «выгодными» для треста железобетонными плитами. Уже заготовлены «выгодные» мощные бетонные блоки для фундаментов под легкие усадебные строения. Все это — выполнение плана по валу, в деньгах; все это премии для треста; но все это не нужно для Муранова в таком объеме и таком качестве. А о какой бережливости и рачительном хозяйствовании можно говорить, если тот лесоматериал, который все же был завезен в усадьбу, гниет из-за возмутительно небрежного хранения?

Приехав в Мураново, мы поразились полным затишьем, господствовавшим за мощным забором, скрывающим от посторонних глаз «объект реставрации».

Теперь пора перейти к выводам.

Случай с Мурановым чрезвычайен. И не только в силу уникальности самого музея, без сомнения, бывшего одним из лучших мемориальных музеев страны. Не только потому, что чрезвычайно допущенная халатность, но и потому, что проблема постоянно искусственно усложняется, вопросы накручиваются и множатся, решать их становится все труднее.

Теперь ясно, что Главное управление культуры Мособлсполкома и трест «Мособлстройреставрация» с проблемами Муранова не справились. Музей, по сути, разрушен, к реставрации дома по-настоящему, как то полагается, когда речь идет о таком памятнике, никто в обозримом будущем приступить, как видно, не способен.

Беды музея-усадьбы начались, когда ею по состоянию здоровья не смог руководить ныне покойный доктор филологических наук К. В. Пигарев, правнук Ф. И. Тютчева. И дом поистине остался без хозяина. Новое руководство музея (уже не раз менявшееся — и эта чехарда малокомпетентного руководства много повредила в последние годы музею) оказалось не в состоянии продолжить ту традицию, благодаря которой так бережно хранилась истинная жемчужина культуры — Мураново.

В заключение этого печального материала хотелось бы вновь поставить уже в общем-то высказанные вопросы:

Как можно было разрушать дом в Муранове, не представляя перспектив, сроков и даже принципов его восстановления?

Почему до сих пор не начаты реставрационные работы?

До каких пор уникальные экспонаты музея будут храниться в плохо приспособленных помещениях?

Кто в конце концов должен отвечать за происходящее в Муранове?

Сейчас, когда всюду действенно взялись за проведение принципов экономии и бережливости, за наведение порядка во всех сферах нашей жизни, пора, не откладывая, навести его и в Муранове.

**В. ПОТРЕСОВ,**  
кандидат технических наук,  
специальный корреспондент  
«Огонька».  
**М. ПОСПЕЛОВ,**  
инженер-строитель,  
общественный инспектор  
Всероссийского общества охраны  
памятников истории и культуры.





# Ритмы дружбы

**Айман АБУ-ШААР**

Известный сирийский поэт-интернационалист Айман Абу-Шаар прошел суровую трудовую и политическую школу жизни. В шестнадцать лет он вступил в ряды Сирийской коммунистической партии.

Тогда же Абу-Шаар заявил о себе как талантливый сочинитель и исполнитель песен, тепло принимавшихся рабочими и крестьянами и вызывавших ярость реакционеров.

Как поэт, Айман Абу-Шаар твердо стоит на позициях социалистического реализма. Он автор восьми книг стихов и пьес.

Приглашение от Союза советских писателей участвовать в Неделе интернациональной солидарности я получил, когда с головой ушел в подготовку к печати первого тома антологии советской поэзии. Вот почему я с сожалением хотел было уже отказаться от приглашения. Однако друзья из Союза советских писателей убедили меня не делать этого. Ну что ж, антологии придется подождать...

Преодолевая небесные просторы, наш самолет летел навстречу солнцу. В иллюминаторе мимо нас проплывали облака самых фантастических форм: вот чудовищный великан, вот огромная сказочная рыба, а вот облако, чем-то напоминающее давно исчезнувших динозавров. И чем больше мы приближались к Новосибирску, тем чаще мысли обращались к пред-

стоящей интернациональной встрече.

Вместе со мной в самолете находилась палестинская делегация: Муса Мубарак представлял средства информации, Сухейр Намир — постановщик фильмов и Махди — сценарист. Прилетели мы уже поздней ночью.

— Здравствуйте! Меня зовут Рита, а это моя подруга Лена. Мы из подготовительной комиссии: встречаем гостей, помогаем им разместиться, узнаем, в каких мероприятиях они собираются участвовать.

Обе подруги выглядели уставшими. И тем не менее улыбка не сходила с их лиц: они радовались, сознавая, что вносят свой вклад в успешное проведение Недели солидарности.

Большая часть делегаций уже прибыла в Академгородок, и мы очутились точно в пчелином улье. Творческие встречи, выставки рисунка и плаката, демонстрация кинолент, политические дискуссии и так далее.

— Лена, — спросил я с удивлением, — как вы могли подготовить такую обширную программу в таком небольшом городке?

— Да это не так уж сложно, — объяснила она. — В ее осуществлении примут участие все прибывшие к нам делегации: кинематографисты покажут фильмы о своей стране, о жизни своих народов; политические деятели расскажут о борьбе их стран против империализма; художники устроят выставки своих картин; ансамбли политической песни выступят с новыми произведениями. А вы, товарищ Айман, прочтете нам свои стихи, расскажете о Сирии, о положении в районе Ближнего Востока. Кроме того, вы еще член жюри конкурса на лучший рассказ, стихотворение или статью...

Каждая делегация нашла свое место здесь и приступила к работе по программе дня. Лозунги интернациональной дружбы звучали повсюду. Оформление всех помещений университета символизировало солидарность народов Земли.

Стены коридоров университета украшены плакатами, отражающими устремления народов, борющихся за свою свободу и независимость. Были выпущены прекрасно оформленные стенные газеты. Но самым замечательным было то, что я видел сейчас вокруг себя: студенты скружали делегации, составляя пестрые группы, походившие на розы, лепестками которых были девушки и юноши. Казалось, что этот городок превратился в шумную столицу дружбы и борьбы, человеческих чувств, проникнутых заботой о мире.

Делегации прибыли из Никарагуа, Чили, Эфиопии, Турции, Намибии, Кубы, Польши, Германской Демократической Республики, Афганистана, Ливана. Были здесь и наши друзья-палестинцы. Делегаты от многих республик Советского Союза тоже приехали сюда.

На третий день в университете состоялся литературный конкурс на лучшее политическое произве-

дение. Молодые поэты и прозаики читали свои сочинения. А вечером того же дня у меня состоялась встреча с представителями общест-венности. Она транслировалась по телевидению.

Здесьние юноши и девушки отличаются подлинной искренностью, которая так и светится в их глазах. Вопросы задаются со знанием дела, взвешенные, умные, последовательные. Они поступают со всех концов зала.

Я рассказывал о своей родине, Сирии. Передал приветствия от своего народа, своих товарищей по Сирийской коммунистической партии и Национальному прогрессивному фронту, прочел несколько своих стихотворений, рассказал о положении на Ближнем Востоке, о борьбе арабских прогрессивных сил против империализма и сионизма, о палестинских и ливанских бойцах, о трагедии заключенных лагеря Ансар, о Хасане, который приехал сюда в составе ливанской группы и который был его узником.

— Ансар, — рассказал Хасан, — это концентрационный лагерь, куда израильские захватчики бросали тысячи юношей и там подвергали их пыткам, морили голодом, они гибли от болезней. В отчете комиссии, специально созданной для расследования преступлений в Ансаре, говорилось: «Вес заключенного не превышает 30 килограммов!»... Это были молодые люди, такие же, как вы, с надеждами и мечтами, которых ждали матери, сестры, любимые девушки. И всего этого их лишали только за то, что они любили свою родину, защищали ее свободу. Честь и слава тем, кто пал, защищая родину! Вы, советские люди, знаете, как дорога свобода родины, и поэтому высоко цените усилия других народов, борющихся за нее.

— А если вы победите, какие отношения у вас будут с израиль-тянами? — спросили меня уже после окончания встречи.

— Будем жить с ними в мире, — ответил я. — Мы вовсе не против евреев, мы против сионистов, а это совершенно разные вещи. Не каждый немец был фашистом, так же, как не каждый еврей — сионист. Ведь хорошо известно, что во время агрессии Израиля против Ливана в Тель-Авиве состоялись массовые демонстрации евреев, протестовавших против агрессии. Главное состоит в том, чтобы одна нация не строила своего благополучия на бедствиях другой. Мы стремимся к тому, чтобы рав-



На концерте политической песни.



ные права и гуманная справедливость, право на достойную жизнь на своей родной земле были обеспечены для всех народов, а не для какого-то одного. Именно этого мы и добиваемся.

Ко мне подошел парень, участвовавший в литературном конкурсе. Он назвал себя — Леонид Прицкер.

— Я еврей, — сказал он. — Но я готов бороться вместе с вами за те принципы, о которых вы говорили. Поверите ли, я не мог спокойно спать, посмотрев документальные киноленты о зверствах израильской армии. Вот послушайте стихотворение о Сабре и Шатиле.

Плачущий, стрекочущий экран,  
Изгнанные старики и дети —  
Это тени их в неверном свете,  
Но и тени корчатся от ран.

Но и тени корчатся от мук,  
Горсть земли с собой да корка хлеба,

И ладони материнских рук  
В злое, убивающее небо!  
И ладони материнских рук.  
Через сорок лет замкнулся круг.

Если ты еврей, то как же это!  
Треблинка, Майданек, Бабий Яр...  
Разве ты забыл, в чем боль твоя?  
Сабра и Шатила ждут ответа!

— Спасибо, Леонид, — сказал я ему. — Я рад, что к старым друзьям у меня добавился новый хороший друг.

...Все подходы к огромному залу забиты народом. С политическими песнями тут выступают десятки музыкальных коллективов. Весь зал превратился как бы в одно огромное сердце, которое громко выбивает ритмы дружбы и любви.

Исполнители и слушатели — единый музыкальный коллектив разных народов. Прекрасно выступила латиноамериканская труппа. Ливанский ансамбль «Кедр» вызвал восхищение публики и великолепным исполнением песен, и их боевым и в то же время душевным содержанием. Коллективы из советских республик воспевали верность своей страны миру, ее стремление к светлому будущему человечества.

Вспомнилось, как в начале семидесятых годов я организовал труппу «Спартак». И я уже стал думать о создании нового коллектива политической песни. Может быть, в следующем году я с радостью буду участвовать в такой же встрече, но уже не только как поэт, но и с моей новой труппой.

Хочу еще раз сказать моим советским друзьям, что их родина — нежная, заботливая мать для всех защитников свободы.

Заключительному вечеру интернациональной дружбы предшествовала яркая, многолюдная манифестация. Все направилось к большой площади Академгородка. Здесь собралось около 20 тысяч человек разного возраста. Это был поистине величественный праздник мира, дружбы и борьбы. Один оратор сменял другого. Бывший министр экономики в правительстве Альенде произнес пламенную речь, которая часто прерывалась возгласами, призывавшими героический народ Чили к победе. Вслед за ним выступали представители народов Намибии, Никарагуа, арабского народа Палестины. Над площадью гремело: «Нет» войне! «Нет» новым ракетам! «Да» миру!»

Местные товарищи, партийные и комсомольские организации позаботились об оформлении площади. В центре ее высились сооружения из бревен и веток. На нем висели деревянные и матерчатые куклы, символизировавшие колониализм, сионизм и империализм. Вдруг все это вспыхнуло гигантским пылающим костром. В его пламени горели символы всего злого и гнусного.

## Айман АБУ-ШААР

Бей, барабанщик,  
бей!  
Бей в барабан  
краснокожий,  
с алою кровью  
схожий!  
Мщенье взызает:  
«Бей!»  
Пусть слова  
не расходятся

## ДИАЛЕКТИКА

с делом,  
подтверди их  
действием смелым!  
Диалектика —  
это прилив и отлив.  
Диалектика —  
это подъем и спуск.  
Если ты молчалив —  
значит, трус!  
Не бывает героев

застенчивых, как невеста,  
хватит ссылаться на слабость,  
трусам в бою не место!  
Бей в барабан,  
пробил час!  
Кто не с нами,  
тот против нас!

Перевел с арабского  
Анатолий МАМОНОВ.

## ПИСЬМА, НЕПОДВЛАСТНЫЕ ОГНЮ

I  
Ты вся — немой упрек...  
Не надо — мне не легче.  
Я холоден с тобой, но плавлюсь изнутри.  
Я обесцветил боль —  
разлука нас излечит.  
Я, может быть, вернусь, но только не смотри  
Так страшно...  
Не вскрывай меня — я жив,  
как прежде.

Грохочет кровь в висках, как барабанный бой,  
Бикфордовым шнуром натянута надежда,  
Один незерный жест —  
не будет нас с тобой.

Помилуй и пойми,  
нельзя нам больше вместе,  
И злобы, и любви нам поровну дано.  
Малейшая вина во мне взорвется местью,  
И ты припомнишь грех, отпущенный дазно.  
Люблю тебя, люблю  
и равно ненавижу.  
И ненависть хочу испелить в пути.  
Прости меня, прости —  
свидетелем всевышней...  
Мне б только лишний миг с тобою провести.

II  
Любимая, не отводи лица,  
Ведь эта ночь, последняя для нас,  
Уж истекает каплями печали,  
И вместе с нею истекаем мы,  
Струимся между пальцами друг друга  
В объятиях прощальных,  
Но объятья — помеха взорам нашим,  
Омут страсти, снедающий последние мгновенья.  
О, дай вобрать в святилище зрачка  
Твой образ  
И хранить на дне сознания...  
Лицо твоё не плачет, но рука  
Застывшая, безжизненная слезою  
Покоится в моей.  
Биенье пульса — метроном судьбы —  
Затихло, словно нам дает отсрочку.  
Еще мы вместе, но уже повзрослели...  
Мне улётать, а я роняю крылья...  
И слепну от невыплаканных слез.  
И верный парус в странствиях моих —  
Глаза твои — во тьме не различаю.  
Слились все краски мира в цвет печали.  
Лишь осязанье призрачной руки,  
А образ твой сокрыт чадрой тоски.

III  
Мы, флейты печали, играем мелодию страсти  
По нотам увядшим ушедших, усталых времен...  
А быть бы волнами, телами в песке растворяться,  
И вновь возрождаться, и вновь возвращаться  
На круги немолкнущих волн.  
Мы пена морская...  
Любовь нас от прошлого прячет,  
Но прошлое давит на плечи,  
И в схватке ночной  
Мы прошлое сбросить пытались упрямо,  
Как всадника коня,  
от весеннего душа шальной.  
Но время настало,  
и свет на востоке забрезжил,  
И мир для двоих оказался суроз и велик.  
Из отсветов ночи  
мы сшили такие одежды,  
Чтоб взгляд ни один под покровы любви не проник,

Такие одежды, чтоб в миг возрождения света  
Мы сами, как факел священный,  
дарили весну,  
А прошлое наше в агонии билось и слепо,  
Клонилось к последнему сну...  
Любовь же с рассветом воскресла...  
Но если любовь проиграет сражение с прошлым,  
От мира уйдем мы в пустыню в терновом венце,  
А если любовь побеждает — она непорочна,  
И мы в ней как в сказке со свадебным пиром в конце.

IV  
Была ты приливом бушующим крови хмельной,  
Поившим росток героизма в слабеющем сердце.  
Была вдохновеньем, парила легко надо мной,  
И песням моим ты дарила оттенок весенний.  
Взываю к тебе, но исполненный горечи зов  
Растерзан ветрами... О робкая Муза касиды!  
Ушла от меня ты за дальний слепой горизонт.  
Я краски земные своими слезами насытил...  
А голос мой слаб, словно плач нерожденного сына...

V  
Пустыня без края,  
холодное море без края...  
Дорога моя  
утекла в этот лютый песок.  
И я бесприютен, и сердце уже догорает,  
Безумное сердце — летящий к огню мотылек.  
Безумное сердце  
летело на ласку, на верность,  
Летело на свет, а попало в жестокий пожар,  
И краткую жизнь, словно пепел по ветру, развеет  
Пристрастие к сказкам,  
к бесплотным, пустым  
миражам.  
И каяться поздно, раскаянье — мать прощенья,  
Но, даже простив, я поверить в тебя не смогу.  
Мы в прах обратили  
огонь нашей веры священной —  
Утраты такой не хочу пожелать и врагу!  
Но ты предо мною  
в пустыне, засыпанной пеплом,  
И в море штормящем  
язляешься,  
манишь меня...  
И снова заводит свою недопетую песню  
Бессмертная птица во чреве святого огня.  
Но Феникс страдает от жажды  
в бескрайней пустыне.  
Пошли ему ливень, слезами его напои!  
О, пусть  
ни в огне не сгорят,  
ни в золе не остынут

Зеленые кони — весенние крылья твои!  
Да сбудется встреча,  
сольются в единое двое!  
Да выплывет парус из шторма  
в надежду мою!  
Цвети, моя вера, как рана,  
которую воин  
получит предсмертной наградой  
в кровавом бою.  
Цвети, моя вера! Зияй, моя вечная рана!  
Гори, мое сердце,  
любви не позволь догореть!  
Я встречусь с любимой в пустыне ли,  
в море бескрайнем  
И пламенем нежным сумею весь мир отогреть!

Перевела Марина ЛОЗИНСКАЯ.



Э

та трагическая история связала в один узел судьбы двух разных людей. В ней переплелось много нитей — причудливо и на первый взгляд случайно. Но если отправиться вспять от той точки, где сошлись пути преступника и потерпевшей, то каждый с болью и горечью обнаружит, что случайной можно считать лишь дату происшествия, да и то, как мы увидим позже, довольно условно. Все остальное, к великому сожалению, закономерно.

Произошло это в мае 1985 года, а начиналось десять лет назад.

Боря Дастов, ученик шестого класса, от урока физкультуры был освобожден, потому что на прошлой неделе вывихнул правую ногу, голеностопный сустав, и опухоль еще не совсем прошла. Ребята и девочки 6-го «Б» встали во дворе на лыжи и ушли следом за учителем на пробитую вдоль железной дороги лыжню, а Боря остался в теплом классе.

Он давно ждал этого момента. У Наташки конопатой, которая сидела в правом ряду на две парты впереди него, в ранце лежала та самая ручка — она не давала Боре покоя. Ручка вся золотистая, а на одном боку в прозрачном длинном окошке растет зеленая пальма. Как только начинаешь писать, на макушку пальмы откуда-то прыгает маленькая обезьянка. А положишь ручку на парту — обезьянка убегает с пальмы.

Боря взял ранец Наташки, нашел ручку, засунул ее под бинт на правой ноге. В ранце под тетрадками лежали три конфеты «Ласточка», Боря их тоже взял. Положил ранец на место, быстро сжевал одну за другой конфеты, скатал фанты шариком, вышел из класса и выбросил бумажный шарик в девчоночьем туалете.

Наташкахватила ручки на уроке математики. Боря с опаской следил за нею, но она и не подумала на него оглянуться. И шуму не поднимала, лишь пошептала с соседом по парте.

Дома ручку увидел старший брат. Спросил: «Откуда взял?» Боря сказал: «Нашел». «Годится», — одобрил брат, студент механического техникума, и положил ручку к себе в карман. Боря пытался протестовать, но получил подзатыльник и смирился.

На следующем уроке физкультуры Боря обшарил три ранца — все они принадлежали девочкам. В одном лежал аккуратно сложенный форменный передник. С изнанки были приколоты серьги — крохотные, с гречишное зерно, золотые шарики. В другом обнаружился кожаный кошелечек, а в нем трешка и юбилейный рубль — 30 лет Победы.

Серьги и деньги Боря засунул под бинт. Нога у него уже поправилась и нисколько не болела, но он решил еще долго не снимать повязку: на случай чего — удобная штука.

В этот раз без шума не обошлось. И Наташка про ручку тоже вспомнила. На Бору никто не косился, но до совпадений все-таки додумались. Позвали классного руководителя и постановили: класс во время урока физкультуры запирают на ключ.

Боря сережки никому дома не

показывал, положил в пенал с разноцветными карандашами. Но Вера, старшая сестра, полезла утром искать себе синий карандаш для век, увидела, вынула из ушей свои бирюзовые серьги, а золотые вдела. В этот раз Боря и не протестовал. «Где нашел?» — спросила довольная Вера. «В трамвае», — буркнул Боря. «Молодец», — похвалила Вера. — Ты мне там еще колечко с бриллиантом найди». И убежала на свои курсы учиться на парикмахера.

Вечером мать, придя с работы, увидела на Вере новые серьги. «На какие шиши?» — поинтересовалась вяло. Она была уставшая после полуторасуточного дежурства у себя в больнице. «А Борька в трамвае нашел», — отвечала Вера. «Кто же это сразу по две теряет?» — мимолетно усомнилась мать, но тут же забыла про серьги, занявшись горой немытых тарелок и сковородок.

Меж тем Боря, да и никто из 6-го «Б», не знал, что пропажа сережек, денег и ручки с обезьянкой обсуждалась в директорском кабинете. Марина Петровна, классный руководитель, сопоставив факты, осторожно высказала подозрение: оба раза происшествия случились во время урока физкультуры, и оба раза в классе оставался Борис Дастов, следовательно, не исключено, что... И надо бы посоветоваться с милицией...

Директор даже руками на нее замахала. «Этого еще нам не хватает! Сами разберемся. А к Дас-

позор, а беда... В этом возрасте всякое бывает... Важно вовремя заметить...» Мать Бори таких слов не одобряла: «Нет уж, вы как хотите, а сына моего не трожьте. Мы люди честные, работающие, и детей вырастили — пусть-ка другие попробуют».

С тем Марина Петровна и ушла. Немного позже в этот же вечер Боря получил без лишних нравучений две увесистые пощечины, от которых у него, пока не уснул, звенело в ушах. Сережки у Веры были отобраны и спрятаны под замок в ящик серванта. На том дело было предано забвению. Брат потихоньку от матери продолжал пользоваться ручкой. Четыре рубля — трешка и металлический целковый — истрачены Борей на кино и мороженое.

Так случилось, что четырнадцатилетний Борис Дастов не попал своевременно в поле зрения инспекции по делам несовершеннолетних, ускользнул, на свою беду... Если бы материнское сердце было более чутким и смогло бы предвидеть, что произойдет в дальнейшем, если бы директор не столь бездумно пекся о репутации родной школы — все могло бы развиваться иначе. Но первый, поистине роковой шаг сделан...

А мать преподавала сыну первый пагубный урок. Нет, не нужны ей были какие-то несчастные сережки. Но как признаешься перед школой, как вернешь? Стыд! Боря же понял: что ни сделай — мать не выдаст, прикроет. Вон и сережки спрятала...

должался до самого окончания учебного года. Каково ему было, никто не ведал.

В восьмом классе четко определилось: если Боря и потянет на переход в девятый, то с сильной натяжкой. Он решил идти в ПТУ, и все, наконец, вздохнули с облегчением.

Училище ему понравилось. Во-первых, не было девчонок. Во-вторых, здесь у него появились друзья — настоящие парни, не чета школьным пижонам. Иван Кузнецов и Толя Максименко научили его курить. По субботам они втроем обязательно ходили в кино, а перед сеансом Иван покупал в магазине бутылку портвейна или наливки, и они распивали ее в кафе-мороженом. Ивану продавцы винного отдела никогда не отказывали, потому что он и телосложением был как взрослый, и брился уже второй год. Боря тоже начал бриться — электрической бритвой старшего брата, — хотя нужды в этом пока не было, но Иван объяснил: начнешь бриться — щетинка быстрее появится.

В обычные дни они собирались у Толи. Он клево играл на гитаре, у него был магнитофон, правда, отечественный, а не японский, как у брата Бориса, но зато записи — супер. А главное, двухкомнатная квартира, и из предков — только мать. Отец от них ушел.

Год пролетел для Бориса незаметно. Про школу и связанные с нею неприятности он давно забыл. И вот как-то в токарной мастерской Иван позвал его в кори-

# КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?

Олег ШМЕЛЕВ

тову, пожалуйста, побольше внимания. Последите». Завуч была того же мнения.

Роль соглядая, доглядчика и даже сыщика претила Марине Петровне, но долг учителя повелевал ей что-то предпринять.

Семью Дастовых она знала не очень-то хорошо, но она считала ее вполне благополучной. Отец — шофер на дальних рейсах, мать — медсестра. Старшие дети устроены. Живут в достатке. На родительские собрания мать и отец ходят по очереди, но чаще бывает мать.

Марина Петровна однажды вечером отправилась к Дастовым, и получилось удачно: дома застала одну хозяйку, детей и мужа не было.

Услышав историю ручки и сережек, мать Бори недружелюбно спросила: «На Борьку намекаете?» Марина Петровна, уловив недовольство, смутилась, начала оправдываться: «Тут ведь, знаете, не

Однако Боря с тех пор притих. И лишь на следующий год, в седьмом классе, неожиданно сорвался. Это было перед самыми новогодними каникулами. Когда кончился последний урок, он прибежал на вешалку первым: его соблазняли недавно появившиеся у Лешки Климова новые кожаные перчатки. Но ребята, оказывается, присматривали за ним уже с первого сентября. Боря был пойман с поличным, отведен в соседний двор и избит. Ему расквасили нос и пригрозили: если еще раз попадется — получит не так, а если пожалуется — лучше пусть не приходит в школу. Мимо во дворе проходили люди, кое-кто даже останавливался поглазеть, как четверо бьют одного, но никто не вмешался.

Боря жаловаться никому не стал, матери сказал, что упал на скользком тротуаре. И больше в школе ничего не крал. Бойкот, объявленный ему классом, про-

дур, спросил: «У тебя дома чемоданчик какой есть?» Дом Бориса находился недалеко от училища. У брата имелся чемоданчик. «Смотайся, принеси», — сказал Иван. Борис сходил — мастер не заметил. Иван наполнил чемоданчик инструментом — там и алмазный был. Борис отнес домой, а после занятий они втроем отправились к автобазе, Иван вызвал своего знакомого, который работал на базе слесарем, взрослого мужика, они поговорили, слесарь унес чемоданчик, опорожнил и, вернувшись, дал Ивану три червонца.

Потом зашли в магазин, Иван купил вина, а Борис с Толей — колбасу, хлеб и печенье, и поехали к Толе. В тот раз Борис впервые не ночевал дома — не мог подняться из-за стола. Утром надо было сразу в училище, так что родительская кара в виде привычных пощечин от матери откладывалась до вечера.



Троица явилась на занятия с такими физиономиями, что не обратить внимание было решительно невозможно. Однако не обратили. И все бы прошло незамеченным, если бы мастер не обнаружил в токарной мастерской пропажу инструмента.

Он почел за благо никуда не заявлять, а обойтись своими силами. И так как мастер был наблюдательный человек, он, повстречав неразлучных друзей, по их виду тотчас высчитал все: и чем они занимались вчера вечером, и где деньгами разжились. Сверх того, мастер был, безусловно, честным человеком, но имел своеобразное понятие о честности.

Пригласив учеников на улицу, он без труда вынудил их признаться и сообщил, что похищенный инструмент стоит, по его точным подсчетам, двести десять рублей и что ему известно, где такой инструмент можно купить. «Дурни вы, — сказал в заключение мастер. — Стыд и срам! Родных не жалко? Вас же посадят!» Выход виделся единственный: он лично вместе с виноватыми пойдет к родителям, придется тем раскошелиться.

Как проходили эти неприятные переговоры — точно неизвестно, но легко догадаться. Родители деньги дали, мастер вместе с учениками съездил в знакомый ему магазин, инструмент был куплен, возможный скандал затушен.

Теперь оставалась последняя ступенька, с которой Борис Дастов шагнет в колонию, а дальше — к тяжкому преступлению.

...Ему сравнялось восемнадцать. Была середина марта, четверг. Проснулся он поздно, в десятом часу, потому что еще вчера решил не ходить в училище ради такого события. Дома — никого. В кухне на столе — листок с одним словом при трех восклицательных знаках: «Поздравляем!!!» Писано рукою брата. Под листком — пятерка. Она оставлена рукою матери, которая уехала в больницу на суточное дежурство. Отец — в дальнем рейсе, но должен в днях вернуться.

В три часа явятся Иван и Толя. Борис побрился (у него уже была своя электрическая бритва), позавтракал, надел подаренный вчера костюм и стал смотреться в зеркало. Очнулся он от этого шикарного зрелища в двенадцатом часу, как раз пора в магазин. Он пошел на угол, в винный, где ему уже с осени отпускали без всяких, купил две бутылки по два тридцать.

Иван и Толя прибыли без опозданий. К четырем часам были опустошены бутылки и прикончена оставленная матерью закуска. Они сидели и скучали, и вдруг щелкнул дверной замок — отец приехал! Расцеловались, отец кинул на стол четвертной: «Купи четыре половинки». Иван сбегал на угол. Отец нарезал привезенное из рейса деревенское душистое сало, выпил единым духом за здоровье Бориса тонкий стакан и больше не пил. Они же осилили два раза по полстакана и решили идти к Толе. Но не добрались...

Взятую с собой бутылку они распили по дороге в неизвестном подъезде. Было уже темно, часов семь или восемь. Выйдя из подъезда, они увидели стоявших под железным грибом парня и девушку...

Кто ударил парня первым, кто

снял с него шапку, кто вырвал у девушки сумку — суд определить не смог, это было невозможно, так как и пострадавшие, и нападавшие плохо помнили скоротечный ход событий.

Девушка кричала, и, на счастье, по улице проезжал милицейский «рафик». Три друга пришли в себя на следующий день в камере отделения милиции. Парень с опасными для жизни телесными повреждениями слег на месяц в больницу, девушка отделалась синяком под глазом.

Каждый из троих был осужден на пять лет лишения свободы. Когда Борис вернулся из колонии, оставалось совсем немного до трагического майского дня 1985-го.

Нина М., шестнадцатилетняя ученица девятого класса, пришла к этому дню гораздо более коротким, но не менее катастрофическим путем.

Она прекрасно училась. Папа и мама, люди с высшим образованием и интеллигентные, воспитывали ее по своему образу и подобию.

Отец недавно получил квартиру в новом доме по соседству с тем, где жила семья Дастовых. Нина успела познакомиться лишь с одной девочкой, которую звали Тошей, причем по инициативе самой Тоши, — в силу застенчивости Нина никогда на дружбу не напрашивалась. Так как Тоша курила, хотя была не старше, и употребляла в разговоре неприличные слова, Нина о ней ничего родителям не говорила. То обстоятельство, что о родителях Тоши ходили недобрые слухи — мол, оба пьяницы, — значения для Нины не имело.

Нина возвращалась с занятий в бассейне. Ее во дворе остановила Тоша, а с тою была подруга Женя. Тоша держала в руке хозяйственную сумку. Показав Нине горлышко бутылки, она объявила, что у нее день рождения (как было пять лет назад у Бориса; поэтому в первых строчках и сказано, что даже дату преступления можно считать случайной лишь условно); надо бы отметить, а вдвоем неинтересно. Нина ни разу в жизни не пила вина и никогда не хотела попробовать, но постеснялась отказаться, не хватило характера.

Тоша повела за гаражи, там они выпили, и Тоша с подругой куда-то тут же исчезли, а Нина пошла домой. Хватило пяти минут, чтобы потерять всякую ориентацию. Она вошла в подъезд, где жили Дастовы, поднялась на площадку между первым и вторым (!) этажом и свалилась у батареи...

Борис после заключения жил и работал в Брянске, но часто навещался в Москву. В тот день он приехал нетрезвый, а дома еще добавил. Отец был, по обыкновению, в дальнем рейсе, мать на дежурстве, сестра вышла замуж и жила на другом конце города, брат отсутствовал по каким-то своим делам. Борис решил прогуляться, спустился вниз, увидел лежащую на площадке девочку, поднял ее на плечи, принес в квартиру и изнасиловал.

Девочка была в тяжелой степени опьянения, а попросту отравлена. Она ничего не соображала. Жильцы, подходившие к лифтам и выходившие из них, могли ее видеть и наверняка многие видели. И ни один не поинтересовался, кто и почему там лежит.

Нину с большим трудом привели наутро в чувство врачи института имени Склифосовского.

...Не остановленный вовремя малолетний правонарушитель,доросший до тяжчайшего преступления, и его несовершеннолетняя жертва... Анатомия этого преступления не требует разъяснительных примечаний, все связи, причины и следствия ясны и так. Эта история содержит в себе почти все элементы, входящие составными частями в другие, менее тяжкие преступления, и потому ее можно рассматривать как одну из наиболее поучительных. Жестокая наука.

Где истоки правонарушений среди несовершеннолетних граждан? Мы ищем их порою чуть не с детского сада, рассуждая в общем и целом. Но в определенном, конкретном несчастном случае редко удается найти непосредственного виновника, и это понятно. Такие случаи кристаллизуются из окружающей маленького человека среды — из атмосферы, какой он дышит в семье, в компании ровесников, рядом с не замечающими его взрослыми прохожими, — это тоже всем известно.

Вряд ли уместно будет вдаваться в психологию подросткового возраста, считающегося критическим, а потому особым (а какой возраст не критический?). Это предмет для ученых специалистов. Нам важно помнить стержневую истину: психология на любом отрезке и уровне не абстрактная величина, она складывается из реалий повседневного бытия.

Вот наблюдение. Молодой биолог, выступая перед своими коллегами, упорно произносил «млекопитающиеся», и никто из товарищей не поправил его. Только в конце дискуссии пожилой профессор, подытожив споры, между прочим, заметил: «Должен вам напомнить: все-таки мы не млекопитающиеся, а некоторым образом млекопитающие. Разницу легко уловить».

Случай анекдотический, но тут не просто терминологическая ошибка. Она заключает в себе порок самосознания.

Можно быть уверенным, что вышеупомянутый биолог никогда ни в чем не знал от родителей отказа. Коли человек считает себя обязанным питаться, но не питать — как же он должен представлять свое назначение среди себе подобных, в обществе, в государстве?

Это одна граница. На противоположной — неблагополучные семьи, где дети лишены необходимого родительского внимания и содержания. А посреди — обширное поле, где обитают нормальные, обыкновенные семьи, но встречаются и родители вроде Дастовых, для которых главная забота — материальное благополучие и внешнее приличие, а единственное педагогическое средство и пособие — пощечина.

Милиция, ее инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) ведут большую работу, поставив себе основной задачей предупреждение безнадзорности и правонарушений, оказание на подростков воспитательного воздействия. Это дает убедительные результаты. Опыт Москвы показывает, что правонарушители, находящиеся в поле зрения инспекций по делам несовершеннолетних,

повторные нарушения совершают очень редко. Но сначала необходимо, чтобы оступивший подросток попал в это «поле зрения».

Всегда легче сказать, чего не следует делать, чем что надо делать, однако все сложилось бы иначе, если бы Борю Дастова сразу после кражи шариковой ручки познакомили с инспектором ИДН.

Вот пример, который не ответит на все вопросы, но показывает тот прямой путь, куда малолетнего Дастова, к прискорбию, не допустили...

Летним днем десятиклассник П. Р., не дотянувший всего двух недель до семнадцатилетия, украл мотоцикл. Его скоро задержали, был суд, П. Р. приговорили к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на год.

Как положено, П. Р. поставили на учет в ИДН Москворецкого РУВД. Участковый инспектор по делам несовершеннолетних капитан милиции Галина Александровна Нечитайло вместе с общественным воспитателем — классным руководителем Аллой Степановной Белавенец — взяли его на свое сугубое попечение. Ему растолковали, что его «мотогонки» не единственный вид спорта, и он занялся лыжами, коньками, футболом. Каждый день либо Нечитайло, либо Белавенец навещали к нему домой, и когда однажды он вернулся с улицы, не в 21.00, как положено в учебные дни, а часом позже, ему в инспекции сделали серьезное внушение.

Можно возразить: слишком строгий и мелочный, мол, контроль. Но от этого зависит действенность предупредительных мер. Как знать, может, не будь строгости, не выполнил бы П. Р. возложенную на него судом обязанность — успешно окончить школу, не поступил бы на подготовительные курсы Московского авиационного института, не сдал бы на следующее лето вступительные экзамены. А так — сейчас он студент. И, более того, надежный помощник Галины Александровны Нечитайло в ее очень нужной службе. Он-то знает, что надо делать: на себе самом учился.

Путь суровый, потому что П. Р. сразу совершил серьезное преступление. У Бориса Дастова он оказался бы не столь болезненным, если бы взрослое окружение с первого его проступка беспокоилось больше о его дальнейшей жизни, а не о собственном спокойствии и репутации. Ведь не от рождения же был Борис Дастов склонен к мелкому воровству. Шариковая ручка с обезьянкой на пальме прельстила его, как прельщает сороку и галку брошенная в траву фольга или оставленная на дачном столе ложечка в солонке. Не остановили — и рефлекс закрепился, а затем превратился в обдуманные действия.

Аптечно невкусное понятие «профилактика» не исчерпывает всего объема деятельности милиции в этой важнейшей области. Конечно, предупреждение всяких преступлений вообще — коренная задача милиции, но мы все ни на минуту не должны забывать: глубинный смысл профилактики, ее стратегическая суть заключается в том, чтобы она начиналась именно в раннем возрасте и чтобы в ней участвовало все общество. Кто делает это, если не мы?





А. Я. Таиров

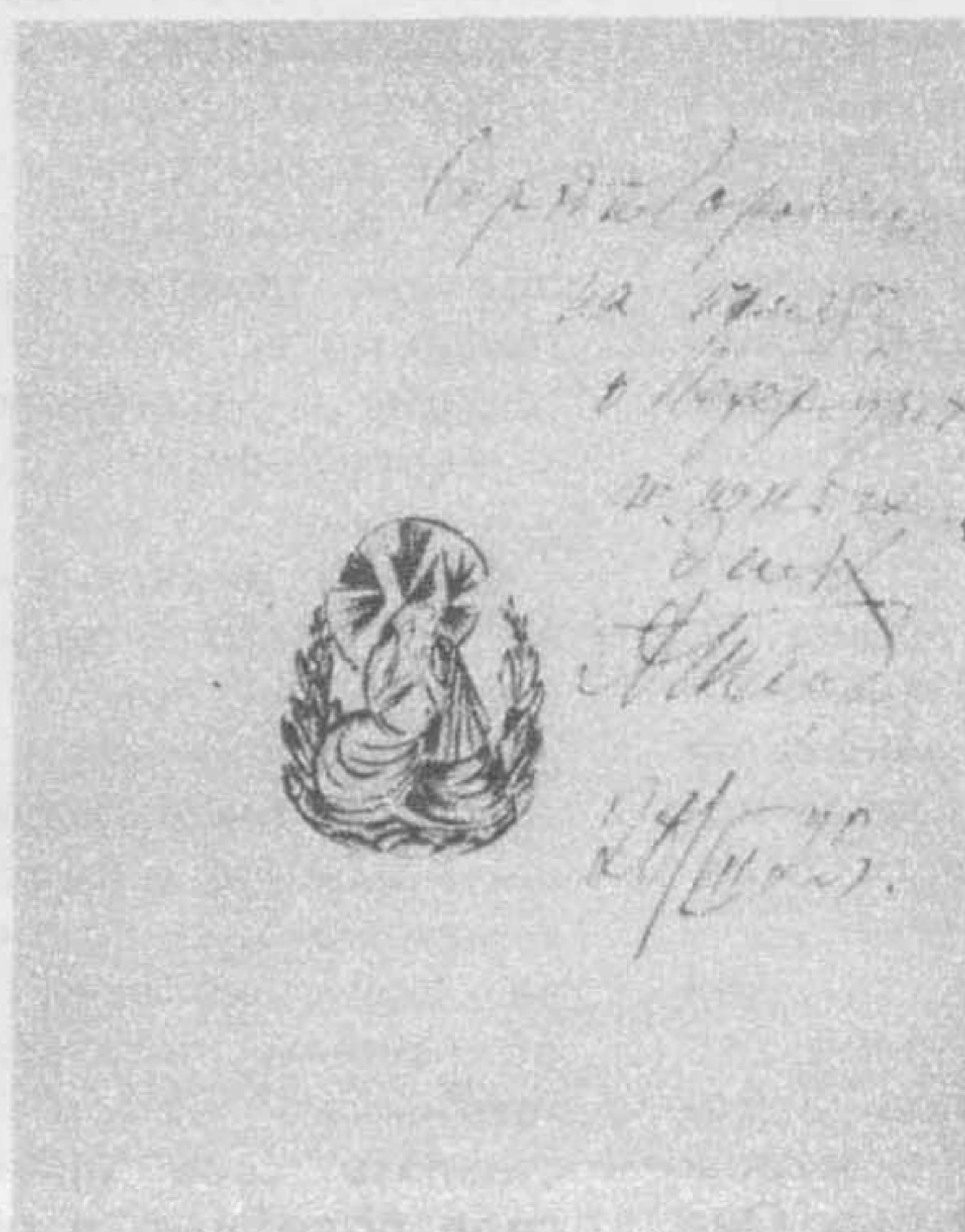


А. Г. Коонен в роли Антигоны

## «АНТИГОНА» В ОГНЕ СОВРЕМЕННОСТИ



Книга А. Таирова «Записки режиссера» с автографом режиссера С. Городецкого. (Публикуется впервые.)



Владимир ЕНИШЕРЛОВ

**В** сентябре 1927 года А. В. Луначарский, делая обзор репертуара, писал в статье «Что обещают театры» («Современный театр» № 2): «В Камерном театре пойдет «Антигона» Газенклевера, кипучая, яростная молодая пьеса». Этим спектаклем Камерный театр и его руководитель А. Я. Таиров вновь обратились к античной теме. Все еще помнили его постановку «Федры» Расина в замечательном переводе В. Брюсова, спектакль, который П. А. Марков назвал «событием историческим в развитии советского театра». Последовательно утверждая на сцене героическое начало, венцом которого стала постановка «Оптимистической трагедии», Таиров выдвигал применительно к практике Камерного театра термины «крылатый» реализм, «романтический» ре-

ализм. Большие страсти и обобщения, которые, по идеям Таирова, должны были нести спектакли, казалось, находились в явном противоречии с именем созданного им театра — Камерный, но название это относилось к тем дореволюционным годам, когда молодые энтузиасты — создатели нового театра хотели, как писал Таиров в своей книге «Записки режиссера», «иметь небольшую камерную аудиторию своих зрителей, таких же неудовлетворенных, беспокойных и ищущих, как и мы, мы хотели сразу сказать расплывшемуся театральному обывателю, что мы не ищем его дружбы и не хотим его послеобеденных визитов». И действительно, постепенно вокруг молодого коллектива единомышленников сплотился свой зритель, образовался круг друзей. Среди тех, кто поддерживал театр Таирова,

были прекрасные поэты, те, кого мы сейчас считаем ведущими представителями «серебряного века» русской поэзии. А. Г. Коонен вспоминала, как однажды у нее дома Таиров устроил репертуарное совещание, на котором были Бальмонт, Брюсов, Балтрушайтис, С. Городецкий. Именно тогда Городецкий предложил режиссеру поставить трагедию замечательного русского поэта, знатока античности И. Анненского «Фамира-Кифарэд», ставшую одним из выдающихся достижений «старого», дореволюционного Камерного театра, подлинным сценическим манифестом Таирова, завершившим целый этап его творчества. «...Это действительно так, — писала А. Г. Коонен. — Но значение спектакля в другом — он был не только завершением пройденного этапа, но в то же время и броском в будущее. Именно этим спектаклем началась трагедийная линия репертуара Камерного театра».

У истоков этой линии Камерного театра оказался С. Городецкий, давший идею обращения к трагедии И. Ф. Анненского. Это, быть может, случайное в то время совпадение, получило логическое развитие почти через два десятилетия, когда Таиров приступил к работе над «Антигоной», пьесой, написанной по мотивам Софокла молодым немецким поэтом-экспрессионистом Вальтером Газенклевером. Таирова привлекло, что немецкий поэт подошел к античному сюжету «совершенно заново и свежо, преломив сквозь античный мир и античных героев свое сегодняшнее чувствование жизни и бороздящих ее страстей». Перед Сергеем Городецким Камерный театр поставил задачу переработать «прекрасное произведение Газенклевера», не совлекая с него античный убор, а стремясь лишь к тому, чтобы «сделать эту трагедию еще более актуальной для современности и особенно для нашего зрителя».

А. Я. Таиров был знаком с С. М. Городецким со времен своей театральной молодости. «Сергею Городецкому на память о Петербурге и юных днях» — написал он на экземпляре «Записок режиссера». Эти слова напоминают о времени, когда молодой Таиров после двух арестов в Киеве за участие в революционном движении и организацию всеобщей забастовки киевских театров и актеров приехал в конце 1905 года в Петербург и вступил в театр В. Ф. Комиссаржевской. Здесь он попал в круг блестящих представителей нового искусства — Блок, Кузмин, Сологуб, Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, Судейкин, Сапунов были близки к театру Комиссаржевской, создавали неповторимую атмосферу, в которой рождался новый театр. Таиров-актер играл Голубую маску в самом знаменитом спектакле, поставленном В. Мейерхольдом, «Балаганчике» Блока. С тех пор судьбы Городецкого и Таирова иногда пересекались.

И когда вскоре после гибели Сергея Есенина Камерный театр решил устроить вечер его памяти — первое общественное собрание, посвященное только что ушедшему поэту, Таиров, конечно, зная о роли, которую сыграл С. Городецкий в судьбе Есенина, обратился к нему 1 января 1926 года с письмом:

*«Дорогой Сергей!*

*Камерный театр устраивает в понедельник 4-го января вечер, посвященный памяти Сергея Есенина. Я очень хотел бы, чтобы ты сказал несколько слов об Есенине. Собрание начнется в 8 часов вечера.*

*Я звонил тебе по телефону, но отвечают, что телефон у тебя снят. Поэтому я очень прошу тебя либо ответить мне сейчас же письменно о твоем согласии, в котором я, конечно, не сомневаюсь, либо, если посланный тебя не застанет, то позвони мне по телефону <...>*

*Обнимаю тебя. Дружески твой  
А. Таиров». \**

Вечером восьмого января из глубины траурно убранной сцены Камерного театра, освещенный белыми свечами в высоких канделябрах, смотрел на собравшихся черно-желтый портрет Есенина. Зазвучал похоронный марш, и под его разрывающие сердца звуки Алиса Коонен читала предсмертные строки поэта — его последнее стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...».

А затем о Есенине говорил С. Городецкий. И, может быть, именно из его уст со сцены

\* Тексты, выделенные курсивом, публикуются впервые.

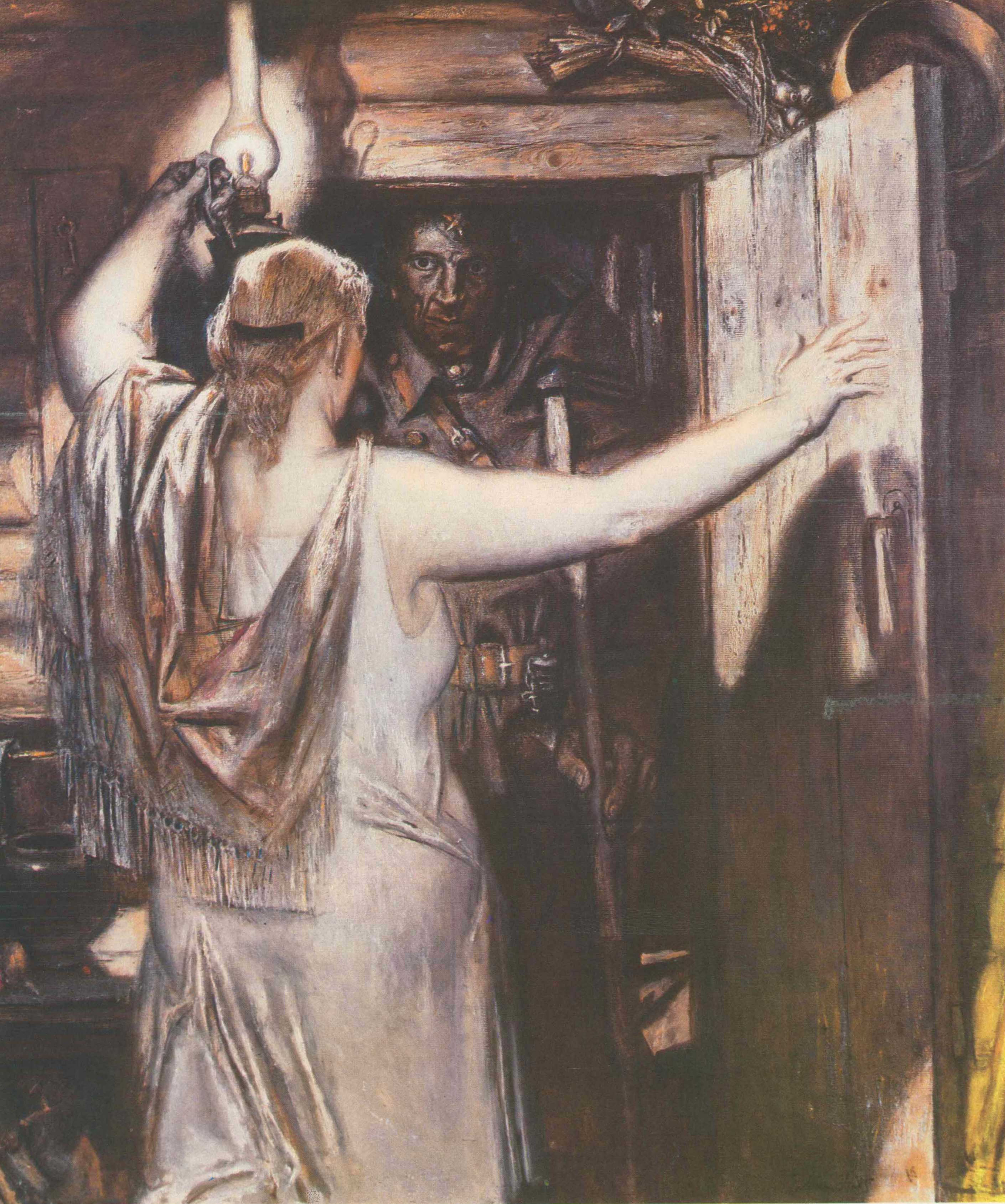




В. Кутилин. Род. 1931. ГОСТИ ДОРОГИЕ. 1985.

Всероссийская выставка «Мир отстояли — мир сохраним».





Е. Моисеенко. Род. 1916. ДОМА. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».



Камерного театра впервые прозвучали слова понимания истинной сути есенинской поэзии, были произнесены тезисы, которые позже многие литературоведы развивали и переписывали в статьях, монографиях, диссертациях.

— В момент похорон поэта, — говорил Городецкий, — среди наступившей тишины раздался женский голос, любящий и просветленный: «Прощай, моя сказка». Это было сказано искренне и хорошо: действительно поэзия Есенина — прекрасная сказка.

Когда 11 лет назад с письмом-рекомендацией от Блока он пришел ко мне, — вспоминал Городецкий, — он принес радостный задор и крепкую, зеленую силу. Но Есенин вступил в литературу в страшную эпоху начала империалистической войны. Он сам уцелел, но в его радостном творчестве начали звучать скорбные голоса. Затем наступила эпоха великой революции, и Сергей Есенин становится свидетелем отмирания старой деревни и рождения новой, революционной. Драма Есенина, трагедия его и лежит в плоскости этих противоречий. В его душе живет тоска по уходящему, но возникают вместе с тем новые образы, новые чувства. В книгах «Москва кабацкая» или «Страна Советская» особенно ярко отразился этот переход от старого к новому.

Но Есенин, — продолжал Городецкий, — это не сусальный крестьянский Лель, каким его изображают некоторые неуклюжие поминальщики. Есенин — человек, стремившийся к огромной европейской культуре. Лиризм восприимчив им нашей современности — характерная черта его творчества в годы революции.

Удивительно современно звучат эти мысли: как будто высказаны они не три десятилетия назад, а только что, перед нами, людьми конца XX века. Собственно, их более или менее пространной интерпретацией, увы, без ссылок на первоисточник, приходится встречаться постоянно, и это подтверждает проницательность и аналитический талант Городецкого-критика.

А. Я. Таиров был одним из тех, кто ценил не только Городецкого-поэта, но верил в него именно как в драматурга и критика. Не случайно он с явным интересом воспринимал суждения Городецкого о театре, прислушивался и считался с его мнением. А поэт издавна пристально следил за рождавшимся в борьбе против сценической рутины Камерным театром. В статье «Пути Камерного театра» Городецкий искал причину рождения нового театра в бунте молодого искусства, проявившегося в предчувствии социальных бурь. «Эти бунты, — писал он, — возникали из необходимости не только «щекотать буржуев», но и хоть как-нибудь вырваться из мира мощных театральных окаменелостей и твердынь: Александринки, в роскоши которой утонув тогда бунт Мейерхольда, Малого, где театр стал почтенным, но семейным делом, Большого и Мариинского, которые слились в одно сплошное Лебединое озеро, и Художественного, где новаторство вали в туфлях и халате, так спокойно, так уютно. Бунтовала и поэзия желтыми кофтами футуристов, бунтовал и театр. Буржуазия не прочь была посочувствовать бунтарям: она не знала, что из них вырастет.

12 декабря 1914 года группа актеров, поставивших «Пьеретту», открыла Московский камерный театр и в первый же год бурно стала завоевывать свое место. Кальдерон, Гольдони, Кузмин, Гончарова, Ларионов, Калмыков. Портрет театра был ясен. Борьба против натурализма. Новый актер. Театр как видение, как праздник — вот лозунги тогдашнего времени. Год за годом они выявляются яснее». В архиве поэта сохранилось письмо режиссера о предполагаемой книге о Камерном театре. На бланке «Московский государственный Камерный театр» Таиров писал 23 июня 1927 года:

«Дорогой Сергей.

Мне звонил сегодня Кович. Я ему сказал, что вполне разделяю твою работу о Камерном Театре, и мы с ним договорились, что ежели ты внесешь какие-либо дополнения или изменения, то они охотно дадут тебе это сделать.

В связи с этим напоминаю тебе о твоём желании обратить внимание и расширить вопрос об эмоциональной стороне Камерного Театра и кроме того, так как Кович подтвердил мне о их твердом намерении издать затем книжку на французском, немецком и английском языках, то не полагаешь ли ты, что тебе следует просмотреть и в ряде мест усилить позиции Камерного театра как театра вечно ищущего, экспериментаторского театра-новатора, прототипа новых театральных путей и идущего сейчас впереди театрального движения.

Соответственно, может быть, надо кой-где усилить выражения в главе об организаторе спектакля. Говорю об этом потому, что, наверно, в книжке о Мейерхольдовском театре скупиться на эпитеты не будут. У нас в СССР это было бы не так важно: тут разберутся, но, зная хорошо Запад, я полагаю, что «маслом

каши не испортишь» и что твоя работа отнюдь не потеряет в серьезности, если ты по ней разбросашь местами более утверждающие и смелые эпитеты.

Еще одно обстоятельство: я имею точные сведения, что Кинопечать уже приступила к напечатанию книги о Камерном театре. Они работают быстро, и я полагаю, что, вероятно, в конце июля они ее уже выпустят. Поэтому я советую тебе быстро произвести все нужные поправки и настоять на быстрейшем пуске в печать твоей книжки, так как я боюсь, что ежели твое издательство узнает или еще хуже увидит другую напечатанную книгу, то они могут задуматься, выпускать ли свою.

Очень жалею, что не увидел тебя перед отъездом».

Говоря о новаторстве Камерного театра, Городецкий утверждал, что тенденция его развития ясна. И ближе всего, и прямей из многих путей, которые открываются перед театром, — это путь к трагедии. «Формально здесь театр готов, — писал он. — Но создать трагедию в плане современности — задача чрезвычайной сложности и трудности». Этапом на этом пути стала «Антигона». Вальтер Газенклевер писал, что в его произведении персонажи Софокла должны были принять революционное значение: «Я видел в Антигоне первую великую бунтарку, которая под страхом смерти нарушила царский приказ, пожертвовав тем самым своей жизнью ради великой любви к человечеству». Идею освобождения и братства людей раскрывал в образе Антигоны драматург, а ее смерть представлял как зарю нового дня, мечту о новых временах. Пьеса Газенклевера, рожденная во время империалистической бойни, несла идею мира и свободы против войны и произвола.

Но когда был сделан точный перевод этого произведения, Таиров и Городецкий поняли, что преобладающие пацифистские мотивы пьесы не соответствуют современным идеологическим позициям Камерного театра. И Городецкий приступил к второй части работы — он написал пьесу почти заново, «по канве Софокла — Газенклевера», написал звучными, выразительными стихами, доведя трагические монологи девушки-революционерки до пафоса революционных призывов, наделив Антигону характером, способным сострадать обездоленным и угнетенным:

Все раны бедности горят в моей груди,  
Во мне опять вся ненависть проснулась  
К дворцам, богатству, к тронам и мечам.  
И я, как прежде, девочкой босою  
Хочу уйти в людское горе.  
Приникнуть к людям сердцем обнаженным.

Античная трагедия преобразилась в современную драму, и именно это отвечало задуманной идее переработки пьесы. «Моей целью, — заявлял Городецкий, — было вскрыть современное политическое положение Европы. Мы переживаем эпоху концентрации полярных друг другу сил: на одном полюсе собирается пролетариат, на другом — фашизм. Эмоция Антигоны как вождя восставших масс — даже не вождя, а воплощенности их чувств, ее борьба и гибель под пятой Креона, знаменующая временное поражение пролетариата в Европе, и безумное бессилие торжествующего на трупах фашизма — вот окончательная тема «Антигоны». Не случайно театр остановился именно на античном сюжете. Таиров считал, что античная эпоха может стать своеобразным «международным языком» в области искусства, если только удастся избежать убогих попыток ее стилизаторства. Именно потому пристальное внимание режиссера-новатора и привлекла блистательная актуализация Софокла Газенклевером. Русский вариант пьесы рождался просто. Свои мысли об «Антигоне» Таиров изложил Городецкому в большом письме, посланном из Италии:

«Дорогой Сергей, я не буду писать тебе об Италии, ты ее знаешь отлично сам, не буду говорить и о своих восприятиях — все «чудеса в решете» оставлю до нашего свидания в Москве, во многом более чудесной, чем все, что видишь здесь. Сейчас речь об Антигоне. К сожалению, пока что у меня есть всего 2 акта — маловато, но еще было бы полбеды, если бы было мало, да хорошо. Увы, плохо! Ты, очевидно, еще не прикасался к переводу, и я хочу заранее сказать тебе, что, по-видимому, те-

бе предстоит проделать всю работу заново. Я этой постановке придаю колоссальное значение, я считаю, что нам с тобой удалось получить вещь для нашего времени и требований совершенно исключительную, уверен, что ей предстоит много спектаклей в Москве и с нашими гастроллями по всему свету, но... но требуется раньше всего исключительно блестящий перевод. Ты человек театра и понимаешь, что от перевода зависит вся пьеса, вернее на сцене пьеса автора перестает существовать, а звучит только пьеса переводчика или вернее соавтора, рождающего вещь заново. Это я и надеюсь получить от тебя в нашей общей первой работе. Ясно, что на Кочетова никак нельзя вваливать такую непосильную ему пока задачу. То, что я имею, целиком и в корне нехорошо и неверно в смысле театра, хотя, быть может, и вполне добросовестно в смысле честно-го литературного перевода. В переводе все обнажилось и стало пустым и серым, нет четкого ритма, кованной формы, ярких образов, выразительной речи, пропадает острота и динамика, текст холоден, вял и сух, а он должен пылать и обжигать — «глаголом жечь сердца людей» — это относится к тебе применительно к Антигоне. Газенклевер (он сейчас в Париже) уже знает о нашей постановке, крайне рад и заинтересован этим. У меня возник четкий рой проектов, я очень вижу постановку, внутренне слышу ее, от тебя теперь зависит, чтобы я услышал звучание ее текста.

Дорогой мой Сергей, будь хорошим, не ленись и создай настоящую вещь, достойную пера Городецкого. Это нужно и тебе, и мне, и, прости за громкие слова, но я уверен в этом — это в данный момент необходимо новому театру новой России. Я много говорил об этой вещи с Вячеславом Ивановым, он тоже считает, что это задача не в бровь, а в глаз (кстати, он горячо кланяется тебе). Здесь нужен сильный язык, продиктованный горячим сердцем и острым ощущением наших дней. Со всей моей любовью к тебе я считаю, что только ты сейчас можешь и должен это сделать. Итак, дорогой друг, за работу! Не теряй времени, его мало, я хочу сейчас же по приезде (т. е. в середине августа) двинуть Антигону вперёд. Она должна быть основным ударом всего московского сезона — эту ставку мы с тобой должны выиграть во что бы то ни стало. Итак, за работу, за работу, Сережа, со всем пылом нашей неостывающей юности и дружбы! Идет? «Конечно!» — отвечаешь ты, пробежав мое послание, и в середине августа мы с тобой радостно вслушиваемся в «обжигающие глаголы» новой трагедии Городецкого — Газенклевера. Есть! Обнимаю тебя дружески, Алиса тоже, Нимфе Алексеевне наши самые сердечные приветствия.

Твой А. Таиров.

Получил ли ты наш привет из Венеции? Напиши мне по адресу этого бланка. Жду.

Твой А. Т.»

Интересно упоминание в этом письме блестящего знатока античности Вячеслава Иванова, поэта и глубокого теоретика, еще в начале века отстаивавшего идею соборности театра, то есть единства исполнителей и зрителей, утверждавшего, что главный порок современного театра объясняется тем, что «нет вен, которые бы соединили эти два раздельных тела (актера и зрителя. — В. Е.) общим кровообращением творческих энергий».

В свое время Таиров активно спорил с этими идеями Вячеслава Иванова теоретически, отстаивая права самоценности театрального искусства, независимого от участия в сценическом действии зрителей, как то было, например, в античных трагедиях.

Идея привлечения античной трагедии и современности стояла перед театром разных веков и особенно актуальной оказалась в послевоенное время. Героические характеры, созданные великими трагиками древности, масштаб и пафос античных трагедий как нельзя более соответствовали пафосу революционной эпохи, несли на новую сцену лучшие образцы мировой драмы.

Но, считал Таиров, новая эпоха так же требует обновления античной трагедии, как время, когда Расин перерабатывал «Федру» Эврипида для королевских спектаклей или Альфиери обновлял в XVIII веке «Антигону» для итальянских зрителей.

Поэтому, конечно, не случайно, будучи в Ри-



## ГОСТИ ИЗ ЛИВАНА

Они пришли в редакцию журнала «Огонек» в один из фестивальных дней. Группа писателей и поэтов, приехавшая в Москву в составе ливанских участников XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, пользуется большой популярностью у себя на родине.

Димашки Аффиф (на снимке крайний справа) — председатель Союза писателей Ливана. Кроме того, он является профессором Ливанского университета. Битар Зейнат — искусствовед, учится в аспирантуре МГУ и хорошо говорит по-русски. На своем родном арабском языке она пишет стихи. Джавдат Фахреддин также поэт. Им издано уже несколько сборников. Шауки Бузай (крайний слева) подарил нам несколько своих поэтических сборников, и редакция предполагает опубликовать переводы его стихов на страницах «Огонька».

— Мы пишем о том, что необходимо полностью освободить Ливан от агрессоров, — говорили наши гости. — Проблем у нас очень много. Но мы верим, что впереди у нас светлое будущее. Война убивает людей, но она не может убить душу народа. Мы видим в вашей литературе пример того, к чему нужно и нам стремиться.

Ю. ПОПОВ



ме, Таиров много беседовал об «Антигоне» Газенклевера именно с Вяч. Ивановым, авторитет которого в вопросах античного искусства был непререкаем. Видимо, проблема «актуализации» классики стояла и перед режиссером, и он стремился проверить правильность своего восприятия новой интерпретации Софокла у самого требовательного и эрудированного судьи и был рад, что их мнения совпали.

Сохранились черновики и варианты «Антигоны», по которым видно, как упорно и кропотливо работал Городецкий над немецким текстом, стремясь выполнить необычайной трудности задачу, которую поставил перед ним Камерный театр. Юная героиня «Антигоны» Вальтера Газенклевера, сумевшего вырваться осенью 1916 года из ужасов македонского фронта, явилась через тысячелетия великой бунтаркой, нарушившей, невзирая на кару, царский приказ, жертвовавшей жизнью ради любви к человечеству. Созданные 2300 лет назад герои Софокла, в которых олицетворялся общественный идеал эпохи, когда под ударами античной демократии исчезло господство знати, а сама демократия разрывалась внутренними противоречиями, под пером поэта повели борьбу против империализма и милитаризма. Газенклевер, переезжая из города в город, читал в Германии свою «Антигону». Художественные недостатки текста пьесы он восполнял при исполнении чувством ненависти к войне, которое совпадало с настроением его слушателей.

Изменив стержень немецко-греческой трагедии, Городецкий сделал Антигону вдохновительницей восставшей фиванской бедноты, а Креону придал черты зловещего диктатора. Безусловно, то, что в образе Антигоны критики после первого же спектакля увидели черты русской женщины, объясняется и тем, что В. Газенклевер считал себя учеником Достоевского и Толстого, и стремлением «третьего автора» — Городецкого создать пьесу близкую

и понятную русскому зрителю. Антигона, фиванская мятежница, казалась зрителям «именно русской революционеркой. Какая-то особая строгость и простота, при некоторых современных чертах костюма и прически, подчеркивают эту близость героини к недавним временам и памятным событиям, к террористическим актам царской России и преданиям революционного Петербурга».

Такую Антигону играла Алиса Коонен. Неодолимая решимость аскетически суровой и строгой девушки в выполнении высокой миссии, таинственной и гибельной цели, акцентировалась актрисой на грандиозном фоне массовой трагедии. Сложную задачу сплести наследие Софокла с политически актуальной темой она выполняла, по словам современника, с благородной простотой, «уверенно переключая разнородные элементы роли в план единого и цельного образа девушки-революционерки», исполненной жертвенного героизма. И когда Антигона — Коонен в толпе бедняков просто и свободно говорила с ними, обращаясь то к одному, то к другому, обнимала старуху с ребенком на руках, — эта царевна была своей среди своих. Но постепенно ее речь переходила в призыв к борьбе, она уже была вождем восстания, а когда с пурпурной перевязью в поднятой руке Антигона бросалась к сторожевым башням дворца, зажигая гневом массы, народ сокрушительной гигантской волной поднимался вслед за ней. Так в одной из сильнейших сцен спектакля была решена сложная задача, которую ставил Таиров, — организация правильного взаимоотношения на сцене между индивидуальным и массовым движением, «которое, — говорил режиссер, — должно в зависимости от целевой установки данной сцены то поглощать индивидуальное движение, то многократно его усиливать». Эта постановка продемонстрировала выдающееся режиссерское мастерство Таирова, строившего спектакль не на одном литературном, словесном материале, но синтетиче-

ски — на элементах пантомимы, музыки, архитектуры, органически входящих в сценическое действие.

Премьера «Антигоны» состоялась после напряженных репетиций 1 октября 1927 года. Спектакль вызвал бурные споры, столкновения мнений о пути Камерного театра, режиссерских принципах Таирова и игре актеров. После премьеры Таиров обратился к Городецкому с письмом.

*«Дорогой Сергей, я очень жалею, что не знал, что ты забрался в ложу (ты ведь мне говорил, что уйдешь) и не вытащил тебя на сцену. Я очень рад, что снова встретился с тобой за работой, и хочу, чтобы вскоре мы встретились за новой пьесой. Приходи поболтать. Может быть, заглянешь сегодня?»*

*Алиса просит поблагодарить тебя и Нимфу Алексеевну за любовь и цветы. Я шлю Н. А. свои приветствия.*

*Тебя дружески и крепко обнимаю.*

*Твой А. Таиров».*

А через несколько дней в Камерном театре состоялся диспут «Антигона» в огне современности. Спор об «Антигоне» в постановке Таирова был принципиален. Спектакль давал материал для дискуссии. Нужно ли вообще воскрешение античной трагедии? Даже отрицающие постановку Камерного театра согласились со значением классики для современности, многие из выступавших подчеркивали, что логична и некоторая специальная интерпретация, «актуализация» античной трагедии для театра XX века.

Постановка «Антигоны» Газенклевера — Городецкого в Камерном театре стала этапом на пути А. Я. Таирова в поисках решения истинно монументального спектакля, в возрождении театра «высокого стиля и больших страстей». Это был один из сложнейших спектаклей Камерного театра, вошедший в историю отечественного театрального искусства.



## ИМЯ ТЕПЛОХОДА — «МИХАИЛ ШОЛОХОВ»

Этот новый белоснежный теплоход с отливающей золотом надписью «Михаил Шолохов» впервые пришвартовался у причалов Ростовского-на-Дону речного вокзала. Построенный на верфях Германской Демократической Республики, он прошел трудный путь по Балтийскому морю и внутренним водам нашей страны, чтобы обрести постоянную прописку в Волго-Донском речном пароходстве.

По случаю прибытия в Ростов-на-Дону теплохода, носящего имя Михаила Александровича Шолохова, состоялся торжественный митинг, на котором начальник Волго-Донского речного пароходства Ю. А. Захаров тепло поздравил команду судна с прибытием к родным причалам и вручил ее капитану Н. Ф. Воронину вымпел принадлежности к ВДРП, Государственный флаг СССР и судовую роль на право вождения теплохода по водным трассам страны.

От имени донских писателей на митинге выступил шолоховед, доктор филологических наук К. И. Прийма. Он, в част-

ности, сказал о том, что «донская писательская рота», как назвал Ростовскую областную писательскую организацию М. А. Шолохов, с этого дня берет культурное шефство над теплоходом, и подарил команде теплохода библиотечку шолоховских произведений и книг донских литераторов с автографами.

Сердечный привет коллективу теплохода от тружеников Шолоховского района и станции Вёшенской, где долгие годы жил и работал писатель, передала секретарь райкома КПСС А. В. Абрамовская. Вместе с директором Государственного литературного музея-заповедника М. А. Шолохова Н. А. Булавиным она вручила в дар команде теплохода портрет великого писателя, библиотечку его произведений.

Г. СУХОРУЧЕНКО  
Фото Н. Козловского

На снимке: теплоход «Михаил Шолохов».



# СЛОВО

# К ЧИТАТЕЛЮ



**Мы обращаем его и к нашим старым друзьям, постоянным читателям журнала, и к тем, кто впервые станет подписчиком «Огонька», впервые будет листать его страницы.**

**В стране идет подписка на газеты и журналы 1986 года. Каким будет «Огонек» в наступающем году?**

Год 1986-й — год XXVII съезда партии, год старта XII пятилетки. Эти исторические события станут главной темой журнала, определят и его содержание, и его внешний облик. В очерках, репортажах, публицистических выступлениях, фотоочерках, на цветных вкладках журнал постарается ярко, интересно, убедительно показать, что уже достигнуто советским народом в его устремлениях по-новому, не обходя острые вопросы, осмыслить состояние дел на самых различных участках экономического, социального, культурно-бытового строительства. Читатели «Огонька» узнают, что сделано, делается и будет сделано для наилучшего решения больших и нелегких задач, поставленных партией, проблем, волнующих наше общество, — интенсификация производства, ускорение научно-технического прогресса, смелое внедрение новой техники и технологии, экономия и бережливость во всем, повышение качества продукции, подъем материального благосостояния и культурного уровня советских людей, формирование духовно богатой личности; что сделано, делается и будет сделано во имя утверждения нравственных норм нашего бытия, устремленного к высоким идеалам, очищающегося от таких пакостных явлений, как тунеядство, потребительство, пьянство, протекционизм, что сделано и делается, дабы отрешиться от бюрократизма, пустословия, чуждой нам парадности, боязни критики и самокритики.

В решении этих задач журнал по традиции будет придерживаться своего испытанного творческого принципа — разговор вести о человеке. Человек и его дело, его место в обществе, в трудовом коллективе, его раздумья, заботы и тревоги. «Красота человеческая» — рубрика, которая займет достойное место среди таких, как «Адреса великих свершений», «Пути научно-технического прогресса», «Строка в Продовольственную программу», «Бережливость: разные аспекты», «Нужен порядок во всем», «Деловитость и компетентность», «Природа — наш дом», «Трезвость — норма жизни», «Жить по совести» — выступления на морально-этические и нравственные темы.

На страницах журнала читатели встретятся с видными советскими учеными — академиками Г. К. Скрябиным, Л. М. Бреховских, О. Г. Газенко, В. И. Гольданским, Н. С. Ениколоповым, с летчиками-космонавтами Виталием Севастьяновым, Владимиром Джанибековым. «Огонек» продолжит публикацию очерков и репортажей из научно-исследовательских институтов, научных центров страны, рассказы о выдающихся успехах физики и биологии, медицины и техники, астрономии и истории, о тех, кто делает большую науку.

Значительное место в журнале займут материалы на социально-бытовые темы — проблемные, острые репортажи, показывающие наши успехи и недостатки.

Школа, школьная реформа, воспитание молодежи (физическое, духовное, патристическое, эстетическое), что мешает подготовке молодых специалистов, досуг молодых, их заботы, тревоги — темы, глубоко созвучные требованиям времени, найдут свое место в журнале. Мы будем публиковать материалы о молодежи и для молодежи, в частности полюбившиеся читателям рассказы видных советских спортсменов, острые спортивные обзоры.

«Огонек» внесет свой вклад в общенародную борьбу за утверждение мира на Земле. Корреспонденты «Огонька» поведут репортажи из горячих точек планеты, расскажут о жизни социалистических стран.

Широко освещая общественно-политическую жизнь у нас и за рубежом, журнал опубликует статьи, интервью видных партийных, государственных и общественных деятелей, статьи и очерки известных писателей и журналистов.

В каждом номере журнала читателя ждет проза и поэзия. В 1986 году «Огонек» напечатает произведения Г. Маркова, Ю. Бондарева, А. Иванова, А. Ананьева, Ю. Нагибина, М. Алексеева, В. Распутина, П. Проскурина, А. Калинина, Г. Гулиа, Мирмухсина (Узбекистан), К. Омуркулова (Киргизия). По давней традиции журнал предложит читателям остросюжетные, приключенческие повести с продолжением, в частности повесть Ж. Сименона. Появятся и произведения иностранных авторов — роман Дж. Олдриджа, рассказы О. Уайльда и А. Моравиа.

«Огонек» издавна держит курс на показ многообразия советской многонациональной поэзии. Журнал, как и в прошлые годы, предоставит свои страницы поэтам русским и братских республик — Е. Исаеву, Л. Васильевой, Л. Щипахиной, Е. Шевелевой, Э. Межелайтису, М. Дудину, Р. Гамзатову, М. Танку, О. Шестинскому, Р. Рождественскому, А. Деметьеву, В. Фирсову, И. Савельеву, Фазу Алиевой, Зульфие и другим. Читатели познакомятся и с творчеством прогрессивных поэтов развивающихся и капиталистических стран.

В 1986 году со статьями, очерками и публикациями в журнале выступят критики, литературоведы и искусствоведы Д. Лихачев, И. Зильберштейн, И. Золотусский, С. Гейченко, Ст. Лесневский и другие.

В материалах под рубрикой «Память истории священна...» «Огонек» расскажет о памятных местах, связанных с жизнью выдающихся деятелей отечественной культуры.

Под рубрикой «Страницы минувшего» предполагается опубликовать новые материалы об А. Пушкине, М. Лермонтове, А. Фете, Ф. Тютчеве, В. Маяковском, А. Блоке, А. Ахматовой, М. Цветаевой, М. Булгакове, И. Северяnine, К. Чуковском.

Специальный номер журнала будет посвящен 800-летию великого произведения древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Широко будут освещаться в журнале все крупные события современного многонационального искусства. Читатель найдет на его страницах информацию о наиболее значительных премьерах театра, кино и эстрады. Под рубрикой «Рампа» журнал познакомит читателей с деятелями культуры и искусства. По просьбе читателей «Огонек» планирует встречи с популярными артистами, режиссерами, музыкантами. Статьи и обзоры критиков, публицистов расскажут об интересных коллективах, об актуальных вопросах развития разнообразных жанров. «Огонек» продолжит разговор об эстетическом воспитании, о работе любительских объединений, о досуге молодежи. Обращаясь к богатейшему наследию советской и мировой культуры, журнал расскажет о малоизвестных страницах истории театра, музыки, архитектуры, о развитии художественных промыслов народов СССР.

Темы многих выступлений «Огонька» подсказаны нашим главным корреспондентом — читателем. Его письма, отклики, критические замечания помогают журналу успешнее решать задачи, поставленные перед ним партией, побуждают к еще более целеустремленной борьбе за действенность публикуемых материалов. В журнале прочное место заняли рубрики «Читатель — журнал — читатель», «Огонек» выступил. Что сделано?», «Читатель продолжает разговор». Они в будущем году останутся на нашем «вооружении» и займут еще большую площадь в журнале.

В почте «Огонька» много писем-откликов на все, что помогает эстетическому воспитанию советских людей. Журнал продолжит публикацию цветных вкладок с репродукциями картин — шедевров классиков мирового и отечественного искусства, а также лучших произведений советских художников, сопровождаая их публикациями, рассказывающими о рождении шедевров и о биографиях их творцов. С большим интересом читатель рассматривает публикуемые в «Огоньке» работы фотомастеров, многие из которых высоко оценены на международных конкурсах. Он и в будущем году увидит их работы — и на цветных вкладках, и на обложках, и в черно-белом изображении. Огоньковский вернисаж — он стал постоянным компонентом журнала — еще шире представит работы фотолюбителей.

Коллектив редакции будет стараться делать журнал так, чтобы с его страниц всегда доносилось мудрое, призывное слово партии, бие пульса жизни страны, всех советских республик, чтобы «Огонек» был еще более содержательным, острым, боевым, с еще более ярким внешним обликом. И здесь у нас большие надежды на вашу помощь, дорогие читатели. Ждем ваши предложения, заявки, что бы вы хотели прочесть, увидеть в «Огоньке» 1986 года.





брахама Бейера, Джаклин Левин, Мириам Химмельфард и Альберта Чернина «Интурист» встретил с традиционным радушием и вниманием, давно известным многим и многим приезжающим в нашу страну иностранным туристам. Напрасно, однако, работники «Интуриста» раздумывали над тем, какой спектакль больше по душе четверке гостей из США — в маститом ли Малом театре, или в молодом «Современнике». Американские туристы проявили к этому полное равнодушие, как, впрочем, и к благодарной возможности познакомиться с прославленными театрами, музеями и дворцами Ленинграда.

Дни и ночи провели они в поисках лиц, могущих снабдить их нужной «информацией» о преследовании евреев в СССР. А чтобы «информаторы» отнеслись к визитерам с максимальным послушанием, американские «туристы» не скрывали от них, что собирают «сведения» для сенатора Перси, большого любителя запросов в конгрессе по надуманному «еврейскому вопросу» в социалистических странах.

И особенно многозначительно Бейер, Левин, Химмельфард и Чернин подчеркивали, что, хотя представляют «конференцию Большого Нью-Йорка по делам советских евреев» (по делам граждан иностранного государства — ни больше ни меньше!), состоят в панибратских отношениях с такими китами американского

родов социалистическим строем». Впрочем, и сейчас «осы», особенно наиболее «знатные», по утешительным для Манна их собственным заверениям, «не тратят времени зря».

Сравнительно недавно Манн уступил свой пост Абраму Моррису. Но и поныне ссылка коммивояжеров из Большого Нью-Йорка на Манна производит неотразимое впечатление на просионистски настроенных людей.

Теперь о Гудмане. Грязным антисоветским делишкам директора-распорядителя преслаутой национальной «конференции» Джерри Гудмана мне уже пришлось посвятить несколько основанных на подлинных фактах строк в книге «Темная завеса». Тороватый специалист по беззастенчивой вербовке молодежи в сионистские организации, Гудман совершил «туристскую» поездку в нашу страну накануне XIX съезда Ленинского комсомола. В Ленинграде сей директор-распорядитель орудовал закумуфлированным под записную книжечку миниатюрным магнитофоном с таким непомерным запасом кассет, что поневоле хочется, перефразируя известную поговорку, сказать: своя ноша, даже поганая, карман не тянет.

По имевшимся у него адресам Гудман связался с «нужными людьми». Центральной фигурой среди них стал уголовник Леин, осужденный за хулиганство. Набивший руку в подтасовке фактов, Гудман смекнул: определенные круги на Западе охотно клонут на версию о «политическом» характере обычного уголовного суда над «образованным молодым человеком» за... изучение древнееврейского языка. Кто же в США не поверит этой дешевой выдумке, если увидит «сенсационный» фотосни-

тера да еще графики, схемы, фотографии, посвященные проблемам ядерной физики!

Подобно своим единомышленникам — чете Мелкин, супруги Гринберг расплачивались с поставщиками «товара» не только щедрыми посулами райского благоденствия на Западе, но и дешевенькими подарками в красочной американской упаковке. В том числе... бульонными кубиками.

Антисоветский «багаж» отбывавших восвояси Гринбергов наши таможенники обнаружили. Не выручили предприимчивых супругов-сионистов ни сумка с двойным дном, ни хитроумная модель обуви, ни тайники в самых сокровенных частях тела.

Можно назвать и третью супружескую пару — Констанс Смулкер и ее мужа, председателя филиладельфийского филиала все той же «национальной конференции». Обнаглевшая миссис Констанс отважилась приехать к нам уже после того, как советские таможенники вывели на чистую воду господина председателя. И хотя жена в роли участницы «крестового похода», казалось бы, действовала более осмотрительно, но завершила свой вояж не менее бесславно, нежели муж. Ей тоже пришлось расстаться с клеветническим досье, запечатленным фотокамерой и записанным на магнитофонную пленку.

К столь же плачевному финалу пришли многие другие эмиссары американского сионизма. Напомним Теодору Манну и Абраму Моррису, а заодно и их разнокалиберным подпевалам по руководству нечистоплотными операциями в «защиту советских евреев» часть имен провалившихся у нас их посланцев: Вильям Арон,

Цезарь СОЛОДАРЬ  
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

# КРАХ

сионизма, как злобные участники рейгановского «крестового похода» Теодор Манн и Джерри Гудман.

Ба, знакомые все лица!

Теодор Манн, избранный в июне 1982 года председателем «национальной конференции в защиту советских евреев», поспешил посетить Советский Союз. Конечно, в традиционном обличье любознательного туриста. И предусмотрительно прихватил с собой, по собственному признанию, нескольких «говорящих по-русски» сионистов. В нашей столице Манн предпочел Третьяковке и Большому театру «прекрасные московские парки». Прекрасные, с манновской точки зрения, не своими зелеными рощами и ароматными цветниками, а тем, что в этих парках мистер Теодор, судя по его собственному признанию, (опубликованному в сионистской печати), прогуливался с «цветом» жалкой кучки лиц, которым отказано в выезде на постоянное жительство в Израиль в связи с тем, что по характеру своей работы в прошлом они владеют государственными секретами и могут получить выездную визу только по истечении определенного срока.

У наиболее «нетерпеливых» отщепенцев Манн выторговал личное послание американскому президенту с трогательной благодарностью за поддержку американского же шпиона Щаранского, осужденного судом по соответствующим статьям уголовного кодекса. Авторы умильного послания Манн именует «героями новой саги евреев». Чего же, однако, лидер американских сионистов, «защищающих» советских евреев, — значит, и меня, — требует от опозитизированных им «героев»? Всего лишь сыграть роль возмутителей спокойствия (как писал Манн, ос в дупле) в предстоящем разжигании «недовольства советских на-

мок: хулиган Леин запечатлен на процессе между двумя милиционерами.

Провокационный гудмановский почерк явно просматривается и во враждебной нашей стране деятельности, затеянной его коллегами Бейером, Левин, Химмельфард, Черниным в Ленинграде. Они тоже вознамерились спекулятивно сыграть на «преследовании» осужденных за уголовные преступления лиц еврейской национальности.

Понимая сугубо клеветнический характер раздобытой ими «информации», сионистские агенты решили надежно запрятать ее в самых причудливых тайниках. Наиболее надежным показался им нателный пояс молодой мисс Химмельфард. Но и ей так же, как и ее спутникам, пришлось в Пулковском аэропорту собственноручно подписать протокол таможенного досмотра с подробным перечнем изъятых у нее клеветнических материалов.

Итак, проникшие из США под туристской личиной четверо сионистских «радетелей прав советских евреев», как и их многочисленные предшественники, потерпели фиаско.

Многочисленные? Да. Довольно длинноват список задержанных у нас эмиссаров разного рода антисоветских служб американского сионизма. От «объединенного совета в защиту советских евреев» до «комитета студентов в защиту советских евреев».

Напомним позорную одиссею супругов Гринберг, пересекших океан ради того, чтобы побывать в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе. Побывать и увезти из нашей, дружелюбно встретившей их страны... Нет, не фотоснимки природных заповедников, не впечатления о шедеврах искусства, ярких спектаклях, спортивных праздниках, а зашифрованные записи враждебного Советскому государству харак-

Инес Вайсман, Филла Гольдштейн, Гарольд Левин, Юлес Липперт, Эрнест Канн, Арлин Мейл, Эхаса Шейндлин, Джей Шупек... В этом неполном перечне названы только «туристы». А ведь можно назвать и кое-кого из некогда аккредитованных у нас корреспондентов и выдворенных с нашей земли обладателей дипломатических паспортов.

По иронии судьбы, нет, нет, вполне закономерно каждый вояж под маской туристов перечисленных лиц и прочих «защитников советских евреев» совпадал с очередными сообщениями о новой антисемитской акции на территории США. И вот что показательно. Если нередко эти акции замалчивали американские средства информации, то уж израильские иногда торжествующе сообщали: опять молодчики из калифорнийской пронацистской организации осквернили еврейское кладбище, опять техасские куклуксклановцы разгромили синагогу, опять некоторые строительные организации Большого Нью-Йорка отказались сдавать квартиры евреям.

Неужели израильские сионисты отваживаются открыто говорить о безудержном росте антисемитских вылазок на земле своих стратегических союзников? Неужели американские хозяева разрешают своим ближневосточным жандармам такие вольности? Вроде бы невероятно. Но, по существу, никаких противоречий тут нет: непрекращающаяся эмиграция израильтян в США, по формулировке сионистской прессы, истощает людские ресурсы Израиля. Американские же власти, в свою очередь, не очень-то заинтересованы в новой волне израильской эмиграции — им с избытком хватает безработных и бездомных из среды собственных старожилов. Словом, ни американским сионистам, ни израильским не до защиты элемен-



тарных человеческих прав еврейской бедноты. Именно бедноты—еврейских миллионеров ку-клуксклановцы и неонацисты не посмеют и пальцем тронуть!

Зато уж каждый провал американских «защитников советских евреев» на нашей земле в равной степени печалит всех без исключения заправил международного сионизма, независимо от государства, где они окопались.

Потеряли счет провалам своих лжетуристов и английские сионисты. Но эти беспрестанные провалы не умеряют их антисоветского пыла. Небезосновательно начинает казаться, что такое упорство, вернее, грубое и топорное упрямство сродни отчаянию обреченных.

Кое-кто может удивиться: позвольте, как же так, ведь английский сионизм, по определению его деятелей,—это сионизм в лайковых перчатках. «Лайковая перчатка—это вам не кастет, которым иногда пользуются американские сионисты»,—в свое время мы с замечательным писателем Львом Кассилем услышали это в Сандерленде от лидера тамошних сионистов мистера Бука, самого богатого человека в городе. А сравнительно недавно Соня Гольдсмит, главный знаток русского языка в лондонской сионистской среде, сказала мне: «У нас, в Англии, вы кахановцев среди еврейских националистов не найдете. Не случайно про английский сионизм говорят, что он в лайковых перчатках. На деле именно так и есть. Есть, правда, другое определение, оно мне больше по душе—сионизм под сурдинку».

Однако агенты английских сионистских организаций пытаются орудовать далеко не в лайковых перчатках и не под сурдинку. Особенно нахраписты посланцы «комитета 35».

Весьма туманное название, не правда ли? Поэтому напоминаю: под столь непонятным названием скрывается одна из самых злобных провокационных организаций, специально созданных английским сионизмом опять же якобы для «защиты прав советских евреев». Откуда же все же цифра 35? Ее происхождение открыла мне в Лондоне одна из активисток комитета, Памела Менсон, без всяких оснований именующая себя актрисой.

В конце шестидесятых годов тридцатипятилетняя одесситка Раиса Палатник вознамерилась переехать на «историческую родину». Конечно, для «воссоединения» с бежавшей к тому времени... в Англию сестрой. Новоявленная англичанка на всякий случай забила тревогу: «Раисе, мол, не дают выездной визы!» И, сбедаемая жаждой славы, лондонская сионистка Дорис Гейнсфорд, весьма состоятельная дама, обратилась к группе единомышленниц: «Мы все—ровесницы страдающей одесситки. Нам тоже всего по тридцать пять. Создадим же комитет тридцатипятилетних гуманисток в защиту угнетаемой нашей ровесницы из Одессы!» Некоторых дам, правда, несколько сконфузило то, что прагматичная мисс Гейнсфорд своей волей значительно омолодила их. Но желание встать на защиту «обездоленных советских евреев», конечно, превозмогло минутный конфуз.

И когда «беззащитная» одесситка уже находилась в пути к «земле обетованной» на берегах... Темзы, начал свою бешеную антисоветскую деятельность в Лондоне на Гренвил-Роуд, 148, сионистский «комитет 35», отданный в то время на откуп исключительно прекрасному полу. Лидеры английского сионизма сразу же взяли под свою опеку новоиспеченный комитет, а специалист по антисоветчине Майкл Шернборн патетически воспел «легендарную стойкость этих женщин, достойную дочерей древнего Сиона».

Упоенно рассказывая мне о широком ассортименте применяемых комитетчицами «защитных мер», Памела Менсон воскликнула: «Хотите, я познакомлю вас с одной из наших руководительниц? Здесь, в Великобритании, они проявляют себя необыкновенно верными дочерьми еврейства. Достаточно поговорить хотя бы минут с Дорис Гейнсфорд или Линдой Айзекс—и вы убедитесь, какие выдающиеся сионистки возглавляют наш комитет. А еще лучше—с Ритой Экер! Запомните мои слова: она далеко шагнет. Рита—это... это...» Так и не найдя подходящих слов, Памела и не выразила своих восторгов перспективной Ритой.

Должен признать, пророчество моей лондонской собеседницы сбылось: Рита Экер действительно далеко шагнула и заняла пост

главаря сионисток сверхбальзаковского возраста.

Очевидно, приезжавшие в СССР по туристским паспортам дамы из «комитета 35», беседуя с сионистскими подголосками и теми, кого они намеревались «защитить», тоже усиленно рекламировали необычайные достоинства Риты Экер. Иначе не объяснишь, с какой целью сорокашестилетняя сотрудница лондонской торговой фирмы Патрисии Шелдон недавно прихватила с собой в Ленинград фотоснимок, запечатлевший ее вместе с «самой» Ритой Экер. Дальновидные дамы, видать, смекнули, что такая «верительная грамота» произведет огромное впечатление на тех, из кого мисс Шелдон собиралась выудить обильную клеветническую информацию.

Памятуя, что предыдущие визиты английских сионисток—«туристок» в нашу страну заканчивались крахом замыслов антисоветчиц, поездку Патрисии Шелдон обставили особо хитроумными предосторожностями.

Главное прикрытие придумали такое: Патрисию направили в СССР вдвоем с мужчиной (а ведь совсем недавно представителям сильного пола был наикрайнейше закрыт доступ в сферы стопроцентно женского комитета!). Спутником подружки Риты Экер стал сорокатрехлетний Левис-Самуэль Коски, владелец магазина радиотоваров. Именно этому деловому человеку, непривычному к дамским лайковым перчаткам, было поручено одарить соответственно «заслугам» наиболее перспективных для сионизма кандидатов в «бывшие». Дары Коски и Шелдон привезли довольно разнообразие: от одежды и лекарств до фототехники и магнитофонной пленки. Подобных «сувениров» Коски привез на внушительную сумму—около двух с половиной тысяч рублей.

Личный багаж мисс Шелдон оказался менее громоздким: экземпляры издаваемой великобританскими сионистами газетенки «Еврейская хроника» (опять туманное название!) и адреса известных просионистскими настроениями отщепенцев—такая ручная кладь много места не занимает. Патрисии Шелдон и ее галантному спутнику пришлось 20 февраля 1985 года досрочно убраться из нашей страны. Они разделили участь посланцев «комитета 35», ранее приезжавших к нам под личиной туристов.

Комитетчиц-антисоветчиц, уличенных во враждебных нашему государству деяниях, возглавляет Джун Джейкобс. Сию энергичную дамочку обстоятельно инструктировал Шиндлер, ведавший в просионистском совете еврейских общин Великобритании международными делами. Он заставил «моторную Джун» вызубрить вопросник, каким надлежит пользоваться сионистским эмиссарам в социалистических странах. Усердная Джун сверх шиндлеровского задания заучила наизусть и адреса интересующих сионистские службы советских граждан.

Но заниматься провокациями на советской земле, оказывается, не столь легко. Куда легче подделывать на петициях в защиту «невинно осужденных» советским судом уголовников по несколько десятков подписей своих прабабушек и внучат. В Москве провокационные замыслы мисс Джейкобс лопнули как мыльный пузырь. Такой конфуз, однако, несколько не отразился на сионистской карьере предприимчивой Джун. Опередив своих соратниц, она стала в Лондоне председательницей «национального совета в защиту советского еврейства». Не путайте этот совет с комитетом аналогичного названия, возглавляемым Барбарой Оберман. Богато и разнообразно антисоветское хозяйство английских сионисток, что и говорить!

«Комитетчица» Хелен Эбендстерн, облюбовавшая для своих «рейдов» город на Неве, занялась «делами», как говорится, «со второго заезда». В первый раз она только приглядывалась к обстановке. Зато уж во второй приезд показала марафонские темпы беготни и до того «захлопоталась», что потеряла сумку. Но в бюро находок предусмотрительно не обратилась. Ничего дикийнного тут нет: сумка была до отказа набита собственноручными записями сионистской эмиссарши, неоспоримо подтверждавшими, как настойчиво она подыскивала источники заказанной ей комитетом информации. В записях фигурировали подчеркнута лаконичные дан-

ные именно о тех, кто имел или имеет доступ к государственным тайнам. Чего стоит, к примеру, такая подробность: «В. К. располагает секретами по службе в армии».

Как видите, явственно мутные следы оставляют грязные руки даже в лайковых перчатках. А речения антисоветского толка различаются и тогда, когда произносятся под нежную сурдинку!

Не один только пресловутый комитет бывших тридцатипятилетних дам засылает в социалистические страны эмиссаров английского сионизма. Занимается этим также организация «Совесть» (какое невинное название!), не отстаёт от нее и организация под наименованием «Шамир».

Глава лондонского филиала «Шамира» Питер Калмс, прибыв к нам с туристским паспортом, старался вертеться вокруг тех, на кого мог бы, по его мнению, впоследствии сослаться как на надежный источник им же самим сочиненной клеветнической информации. Он собирал сведения о советских гражданах, которым, на его взгляд, следовало бы... переехать на «родину отцов».

Не очень радужно закончился также визит в нашу страну Давида Блоха и Карла Мартина-Харриса. Снаряжал их в путь-дорогу Джерри Луис. Как мне рассказывали в Лондоне, он стяжал грязную популярность главного организатора провокаций против гастроллирующих в Великобритании советских театров, руководил группами сионистов, пытавшимися сорвать проведение советских выставок.

Луис поручил Блоху и Мартину-Харрису собрать подробные биографические сведения об интересующих сионистские центры советских гражданах, а именно об их служебных обязанностях и возможностях, склонностях, окружении. Блох и Мартин-Харрис должны были инсценировать, заснять и доставить в Лондон «документальные» фотоматериалы для опубликования с клеветническими текстами в журнальчике «Евреи в СССР», издающемся в Лондоне под редакцией упоминавшегося покровителя «комитета 35» Шиндлера.

Проинструктированный Луисом дуэт принялся рьяно выполнять поручения своего наставника. В Киеве они начали распространять среди еврейского населения сионистскую литературу, навещали «нужных» людей, зазывали их к себе в гостиницу. В Харькове такая деятельность «туристов» была пресечена, а попасть в Москву и Ленинград им уже не довелось. Давиду Блоху и Карлу Мартину-Харрису осталось только признать противозаконность своих действий на территории иностранного государства, принести извинения и просить о снисхождении.

«Защитникам» советских евреев следовало бы извиниться и перед еврейской беднотой Великобритании, которая действительно и безотлагательно нуждается в защите от антисемитских нападков и прямых издевательств на расовой основе. Речь идет не только о мутном потоке погромных юдофобских книг, хлынувшим в книжные магазины Лондона и других английских городов. Тут и печально известная пачкотня Ричарда Харвуда (псевдоним махрового расиста Ричарда Виллара) «Действительно ли погибли шесть миллионов?», отрицающая массовое истребление гитлеровцами евреев в лагерях смерти. Тут и «исторический труд» Дэвида Ирвинга «Война Гитлера». Историк-пропагандист осмеливается утверждать, что «массовое истребление миллионов поляков, русских, белорусов, украинцев, евреев, чехов, сербов, цыган, людей других национальностей совершалось фашистами вопреки точно сформулированным намерениям Гитлера».

Не одним только распространением расистской литературы ограничиваются, однако, антисемитские акции против трудящихся (богатеет это мало тревожит!) английских граждан еврейского происхождения. Вынужден обратиться к своей книге «Лицемеры» и привести отрывок из письма, присланного мне жительницей Лидса—безработной медсестрой, женой счетного работника, матерью девятинадцатилетней дочери. Местные сионисты атакуют ее настойчивыми советами переехать в Израиль, где она найдет, мол, работу и, главное, не будет ощущать гнетущего духа антисемитизма. Обрадованная тем, что старейшая сионистская газета, лондонская «Джудиш кроникл», вынуждена была опубликовать статью советского писателя об изданных в Англии гнусных



пронацистских книгах антисемитского толка, женщина из Лидса писала мне:

«Вы не все знаете о наших неонацистах, которые действительно ненавидят и цветных, и евреев. Они думают, что если нас выселят из Англии, им станет легче и богаче жить. Они занимаются не только пропагандой против евреев в своих книгах, они позволяют себе такие же действия. Жаль, что вы не написали, как два родных брата Брэдинги из графства Уилтшир физически и морально мучили еврейского мальчика Мэттью по всем гитлеровским правилам. А потом еще заставляли носить на груди желтую звезду, совсем как в фашистском гетто».

Совсем как в фашистском гетто!

Но английские сионисты и пальцем не пошевельнут в защиту несчастного мальчика, в защиту многих и многих евреев-бедняков, испытывающих в Англии антисемитские притеснения. О таких притеснениях мне рассказывали в лондонском Ист-Энде, где предприниматели обычно платят докеру-еврею на 30 процентов меньше, чем за такую же работу докеру-не-еврею.

Вот кого бы следовало защищать английским сионистам, оголтело «защищающим»... меня и моих сограждан, моих соотечественников!

Непрощенные и ненужные «защитники» систематически уличаются во враждебных намерениях по отношению к нашему государству злонамеренных деяниях. А они подобно тараканам лезут и лезут во все щели, хотя за много лет могли убедиться, что ни попытки выдать себя за истинных туристов, ни за камуфлированные тайники в багаже и нательном белье, ни иные ухищрения не оградят их от плачевного конца.

В полной мере относится это и к эмиссарам французских сионистов. Тех, кто лицемерно изображает свои организации, службы погруженными в эту эйфорическую, розовенькую атмосферу, а французский сионизм в целом именует интеллектуальным. Интеллект — это почисте лайковых перчаток! В Париже одна из главных сионистских функционеров «французской лиги студентов-евреев», мадам Аннет, женщина явно не студенческого возраста, патетически поведала мне: «Мы интеллектуалы, для нас главное — мысль. Разве мы когда-нибудь решимся по примеру воинствующих сионистов Соединенных Штатов переступить грань, за которой начинаются принуждение, диверсии, провокации!»

Переступают. И еще как переступают.

Рассказ об «интеллектуалах», засланных в нашу страну французским сионизмом, начнем с Франсуа Тонье. Хотя бы потому, что он избрал для своего путешествия не самолет, не поезд, а удобный автомобиль, где под эгидой обшивки салона был оборудован вместительный и, как казалось снаряжавшим Тонье в путь-дорогу покровителям, абсолютно надежный тайник.

Сорвалось. Антисоветский багаж (часть листовок, ксерокопии, отпечатана в Англии) советские таможенники обнаружили и изъяли у «автотуриста». Его послали в нашу страну с враждебными заданиями «сионистское движение Франции», в парижских апартаментах которого на улице Турбиго, 8, меня «по причине межсезонья» принять отказались.

Мог бы назвать избалованных в провокациях на нашей земле французских сионистов из «комитета поддержки евреев в СССР», из «ассоциации университетских друзей из Тель-Авива» (сия организация — это неприкрытый плод альянса израильских и французских сионистов, а немало им подобных скрыто под невинными псевдонимами!), из «комитета 15» (это камуфлированное наименование, честно говоря, расшифровать не могу).

Но перейду к другу, пожаловавшему к нам из Парижа в конце января 1985 года. Он, тридцатилетний Ален Фенкелькро, назвал себя во вездной анкете преподавателем, она, двадцатисемилетняя Доминик Нора, — служащей.

Через несколько дней, когда месье преподаватель и мадемуазель служащая приехали из Москвы в Киев, компетентные органы озарились с блокнотами, густо заполненными записями далеко не туристского содержания. Семьдесят две странички клеветнической, тенденциозной, враждебной нашему государству «информации»!

Вот как пристойно Фенкелькро в письменных объяснениях мотивирует цель поездки в Советскую страну: «Я и моя знакомая решили посетить Советский Союз с целью посещения музеев и других достопримечательностей».

(Окончание следует.)

## И ПЕСНЯ, И ЧАСТУШКА



Автору многих популярных песен, композитору Александру Петровичу Аверкину 50 лет. Многолюдно было в Московском Доме композиторов на его юбилейном вечере. Немало добрых слов было сказано в адрес юбиляра. Говорили о нем и генералы (Аверкин тесно связан с армией), и директора предприятий (на заводах он частый гость), и прославленные хоккеисты (Аверкин дружит со спортом), и коллеги-композиторы, руководители художественных коллективов. Зал то и дело подпевал исполнителям песен Александра Аверкина — это ли не аттестация!

Я встретился и подружился с Аверкиным четверть века тому назад. Вместе с композитором А. Абрамским мы создали ансамбль частушки в подмосковном городе Раменское. Аккомпанировал девушкам-частушечницам молодой баянист Саша Аверкин. Мы каждый день репетировали и готовили ансамбль для концерта в Большом театре. Заметив природную музыкальность Аверкина, я предложил ему стихи — не получится ли у него музыка? Композитор наутро принес мелодию. Абрамский, известный знаток и собиратель народных песен, взял Аверкина под опеку, стал преподавать ему композицию. Ученик подавал надежды. Известность его началась с песни «На побывку едет». Ее исполнила входившая тогда в славу Людмила Зыкина.

Когда молодого музыканта призвали в армию, он уже имел опыт творчества и продолжал писать. Там создана лирическая песня «Жду я тебя». Ее полюбили солдаты, она отвечала их настрою, их думам о подругах, оставленных далеко дома.

В армии Аверкин написал знаменитую, многими любимую песню «Мама, милая мама». Песня помогала служить солдатам, ждущим писем из дома, помнящим о своих матерях.

Список всего написанного композитором за 25 лет творчества велик. Композитор развивает русские традиции в песне, талантливо продолжает такой народный жанр, как частушка. Напев знаменитого трио «Ярославские ребята» принадлежит А. Аверкину.

В свои пятьдесят лет Аверкин живет безоглядно щедро, как это могут делать русские люди. Он постоянно в дороге, он составитель многих сборников песен, частушек, он помогает начинающим песенникам, консультирует композиторов периферии, а самое главное, творит все новые и новые песни.

Завидное трудолюбие, активная творческая отдача — прекрасные черты Александра Аверкина, перешагнувшего порог зрелости. Впереди у него большая дорога!

Виктор БОКОВ

Артур ЗАРИКОВСКИЙ



Одна дама, потеряв сережку, заплакала от горя. Сережка нашлась. Она заплакала от радости.



Рассказывая анекдоты, смеялся до слез. Некоторые даже думали, что рассказчик плачет.

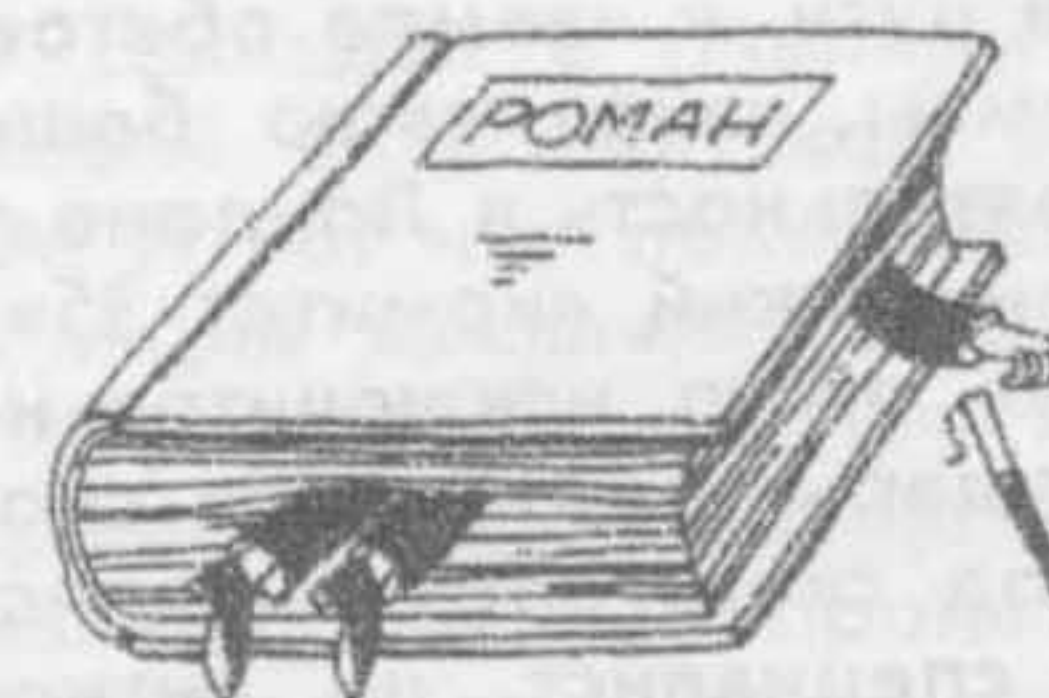


Режиссер никак не мог поверить в то, что артист Фуфеев верит в предлагаемые обстоятельства. Хотя тот поклялся, что верит.

Рисунки  
З. Десятник



Справляться с обязанностями слабого пола у сильного пола не хватает сил.



Писатель Куков написал большой роман, но он его еще не прочел.



Чумихин считал себя гибким. Окружающие считали его изворотливым.



## «Огонек» представляет

### АЛЕКСАНДР КЛАС: «КАРИКАТУРА— ПРАВДА О НАШЕМ МИРЕ...»



— Спросите меня, когда я впервые держал в руках журнал «Огонек», — не дожидаясь моих вопросов, сказал Александр Клас. — Это даже трудно представить себе, — в горах Югославии, в партизанском отряде, когда был еще совсем мальчишкой. Как ваш журнал оказался у командира, ума не приложу. Русский язык я тогда совсем не знал, так что изучал в основном картинки. Теперь сами понимаете, как я рад нашей встрече...

Работы белградского художника-сатирика Александра Класа знают в десятках стран мира. Его персональные выставки были во Франции, Австралии, Италии, Бельгии, Австрии, ГДР, Сан-Марино. И теперь вот в Москве, в Доме дружбы с зарубежными странами.

Едва открылся вернисаж, Александра Класа просят дать интервью Центральное телевидение, к нему постоянно подходят люди, обращаясь к художнику по-русски, английски, французски, но, увидев в моих руках «Огонек» — мы заранее договорились о встрече, — Александр просит извинить его и подходит прямо ко мне:

— Здравствуйте...

Разговор продолжается здесь же, у стендов выставки.

— Александр, трудно быть карикатуристом?

— Очень. Надо быстро реагировать на все окружающее, обладать хорошим юмором, стараться, чтобы не изменял вкус. А еще надо все время находиться в курсе всех дел, знать, чем живет сегодня страна, мир. И самое главное — надо быть хорошим рисовальщиком, это, наверное, труднее всего...

Вы когда-нибудь пробовали смотреть одним глазом во все стороны? А нам, карикатуристам, приходится. Это не просто еще и потому, что у карикатуриста всегда должен быть добрый взгляд. Добрый и честный. Если карикатурист начинает злиться и не может скрыть

свою желчь, он теряет остроумие.

— Смотрю на ваши работы, Александр, и ловлю себя на мысли, что герои ваших карикатур в основном мужчины. Это не случайно?

— Конечно. Мужчин легче критиковать, чем женщин. Их просто есть за что критиковать. А женщины... «Ничто так не украшает женщину, как легкомыслие», — говорил Вольтер. Не знаю почему, но мне эта точка зрения нравится...

Если и есть в женщинах что-то дурное, так это, поверьте, во многом идет от мужчин. «Дурные примеры заразительны». У вас есть такая поговорка...

— А если говорить серьезно?

— А если говорить серьезно, то могу сказать, что карикатурист обязан всякий раз наводить своих читателей на какие-то размышления. Карикатура должна быть умной. Иначе ей грош цена. Карикатура — это правда о нашем мире, представленном, конечно, гиперболически, но во всей полноте и остроте.

— Вы ведь не впервые в Москве?

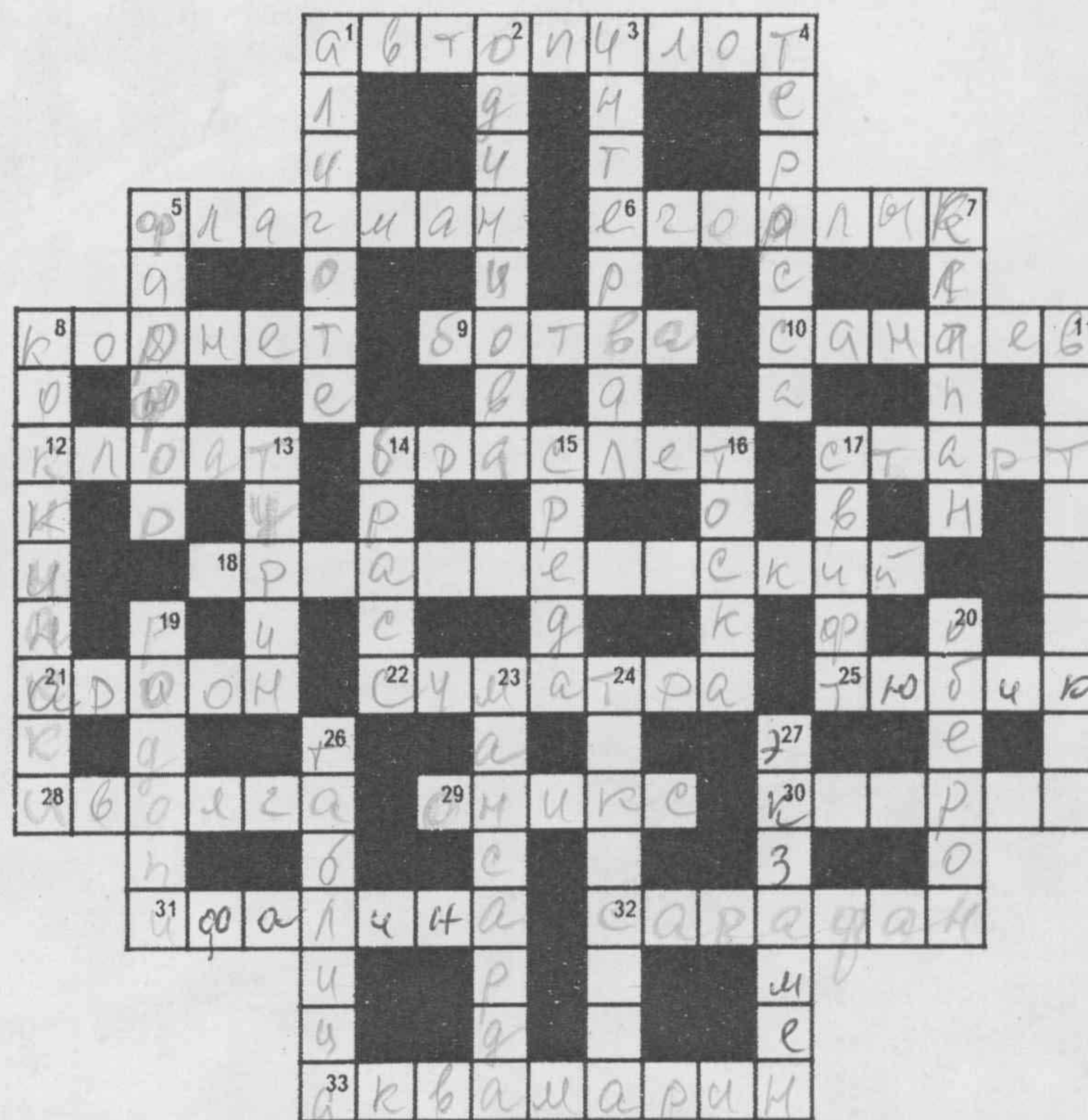
— Третий раз. Принимал участие в международных выставках «Сатира в борьбе за мир».

— Чем, на ваш взгляд, Москва в первую очередь отличается от других городов мира?

— Размером. К этому размеру, знаете ли, никак не могу привыкнуть. И людьми. Ваши люди — добрые, веселые, здесь, среди них, мне очень легко. Ваших людей украшает интерес к искусству, к книге, к музыке... У вас такие тиражи книг и журналов, что я, например, просто завидую — и как читатель, и как ваш коллега-журналист. И если вашим читателям понравятся мои карикатуры, которые вы отобрали для публикации, буду счастлив.

И надеюсь на новые встречи...

С Александром Класом  
беседовал К. АНДРЕЕВ.



По горизонтали: 1. Устройство для управления самолетом. 5. Командующий эскадрой. 6. Приток Западного Маныча. 8. Духовой музыкальный инструмент. 9. Стебель и листья корнеплодов. 10. Киноактер, народный артист СССР. 12. Скульптор, автор конных групп на Анничковом мосту в Петербурге. 14. Украшение, носимое на запястье. 17. Начало спортивного состязания на скорость. 18. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 21. Стихотворение А. С. Пушкина. 22. Остров в Малайском архипелаге. 25. Трубочка для мази, клея, пасты. 28. Лесная птица. 29. Разновидность агата. 30. Советский поэт. 31. Животное семейства дельфиновых. 32. Женское платье без рукавов. 33. Драгоценный камень.

По вертикали: 1. Сорт винограда. 2. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 3. Соотношение двух звуков в музыке по высоте. 4. Летняя пристройка к дому. 5. Керамическое изделие. 7. Деталь, регулирующая расход газа, пара, жидкости. 8. Летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза. 11. Советский ученый в области аэродинамики. 13. Город в Северной Италии. 14. Способ спортивного плавания. 15. День недели. 16. Опера Д. Пуччини. 17. Автор романа «Путешествия Гулливера». 19. Горный массив в Болгарии. 20. Спутник Урана. 23. Жилое помещение под крышей. 24. Порт в Японии на острове Сикоку. 26. Перечень сведений, расположенных по графам. 27. Проверочное испытание.

#### ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 1. Известь. 6. Монтажник. 8. Архитектура. 11. Щебень. 12. Анисья. 14. Каное. 16. Кожемякин. 17. Подтелков. 20. Унеча. 22. Винтер. 23. Цоколь. 26. Железобетон. 27. Трешников. 28. Палитра.

По вертикали: 2. Зонтик. 3. Тенета. 4. Амарант. 5. Окарина. 7. Анемоны. 9. Абонемент. 10. Эскалатор. 11. Щеголев. 13. «Ясность». 14. Квилу. 15. Эпоха. 18. Леггорн. 19. Челеста. 21. Подошва. 24. «Венера». 25. Челкар.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кафе «Сказка» в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы Александра Класа. (См. в номере материал «Александр Клас: «Карикатура — правда о нашем мире...».)

Фото А. ГОСТЕВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономике быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 29.07.85. Подписано к печати 13.08.85. А 00381. Формат 70 × 108<sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2157. Заказ № 1166.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.





Внук ветерана. Фото Б. Кудрякова. Балашиха.

## ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»



На зорьке. Фото С. Скоробогатова.  
Ставрополь.



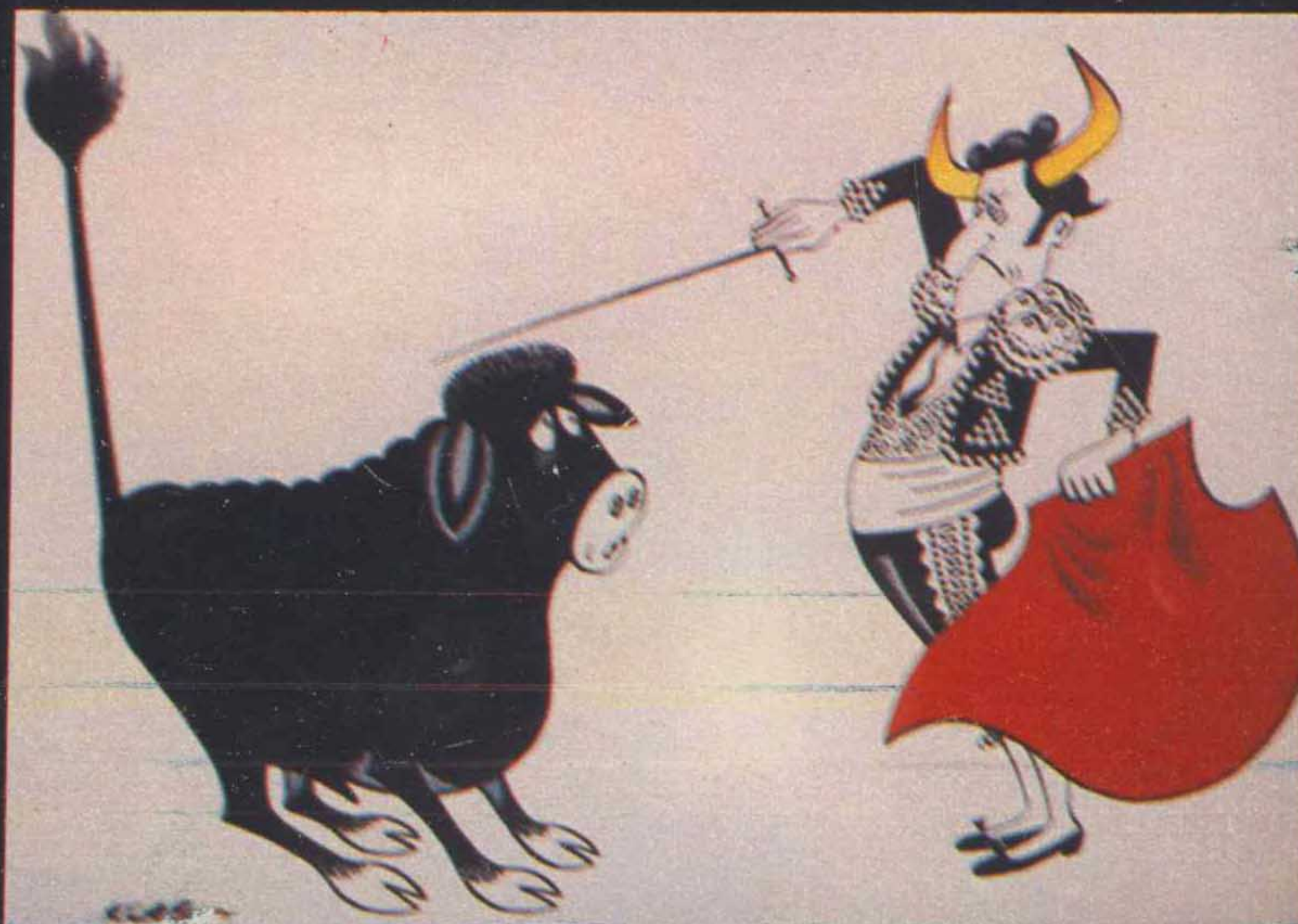




protiv imperijalizma  
za nezavisnost naroda  
vijetnam-laos-kambodža-jugafrike-palestina-čile  
nedjelja solidarnosti 16-22-XII-1974



„ЈУГОКОНЦЕРТ“ ПРЕДСТАВЉА  
АНСАМБЛ  
РУСИЈА МОСКВА



ISSN 0131—0097  
Цена номера 40 коп.  
Индекс 70663

